

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»
Факультет экономики и права
Кафедра государственного управления и уголовно-правовых дисциплин

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции

(Барановичи, 14—15 мая 2015 года)

Барановичи
БарГУ
2015

© БарГУ, 2015

ISBN 978-985-498-668-5

УДК 342.2./7(082)
ББК 67.408(4Бел)

Редакционная коллегия:

М. В. Андрияшко (гл. ред.), А. Н. Русак (отв. ред.), Н. Ф. Данилова, О. И. Скок

Рецензенты:

Р. Н. Ключко, кандидат юридических наук, доцент учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»;

И. Н. Семенюк, начальник Барановичского межрайонного отдела Следственного комитета Республики Беларусь, полковник юстиции

Уголовная политика Республики Беларусь: состояние и пути совершенствования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Барановичи, 14—15 мая 2015 г.) / М-во образования Респ. Беларусь, учреждение образования «Барановичский государственный университет», фак. экономики и права, каф. гос. упр. и уголовно-правовых дисциплин ; редкол.: М. В. Андрияшко (гл. ред.), А. Н. Русак (отв. ред.), Н. Ф. Данилова, О. И. Скок. — Барановичи : БарГУ, 2015. — 1 электрон. опт. диск (CD-R) ; 12 × 12 см + рук. пользователя (5 с.). — (Электронная книга).

ISBN 978-985-498-668-5.

Рассматривается генезис уголовной политики Республики Беларусь, её конституционные основы, административно-правовые и социально-гуманитарные аспекты; определены современные тенденции уголовно-исполнительной политики; освещены проблемы эффективной борьбы с преступностью с позиций уголовно-процессуального и криминалистического обеспечения. Изложены результаты собственных исследований авторов, внесены предложения по совершенствованию действующего отечественного законодательства в обозначенной области.

Адресуется специалистам органов государственного управления, студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям учреждений высшего образования.

Для обеспечения функциональности издания необходимо установить Adobe Acrobat XI Pro.

УДК 342.2./7(082)
ББК 67.408(4Бел)

Текстовое электронное издание

Системные требования:

IBM PC 486 (рекомендовано Pentium и выше); Windows XP и выше или Linux; Adobe Acrobat XI Pro;
ОЗУ 256 Мб; видеокарта и монитор (1024 × 768); мышь; дисковод CD-ROM.

<<< 2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows XP, Microsoft Office Word 2010;
- техническая подготовка: Adobe Acrobat XI Pro;
- ответственный за выпуск Е. Г. Хохол, технический редактор А. Ю. Сидоренко, компьютерный набор и вёрстка С. М. Глушак, корректор С. А. Березнюк;
- 1,90 Мб;
- 1 электронный оптический диск (CD-R), slim-box, обложка первичной упаковки, руководство пользователя;
- подписано к использованию 16.05.2015;
- тираж 50 экз.;
- юридическое лицо, осуществившее запись на материальный носитель: учреждение образования «Барановичский государственный университет», 225404, г. Барановичи, ул. Войкова, 21. Тел.: 8 (0163) 45 46 28. E-mail: rio@barsu.by .

В начало

УДК 342.721

Е. И. Войтешук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Проблема смертной казни волнует не одно поколение. Она затрагивает как правовые, так и нравственные, религиозные, этические и другие аспекты. Проблема смертной казни сложна и неоднозначна. Нельзя решать её, не взвесив все «за» и «против», не руководствуясь реалиями жизни.

Общественное мнение в Республике Беларусь поддерживает смертную казнь как меру социальной защиты, а законодатель обязан считаться с ним. В Уголовном кодексе Республики Беларусь она занимает особое место и является исключительной мерой наказания.

Противники смертной казни в качестве основного довода против её применения указывают, что это нарушение прав человека. Статья 24 Конституции Республики Беларусь гласит: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств» [1].

«Международная амнистия» — международная неправительственная организация, декларирующая своей целью защиту прав человека. Она заявляет, что смертная казнь — нарушение основных прав человека. Сам факт того, что государство может оправдать столь жестокое наказание, как смерть, противоречит концепции прав человека.

Всеобщая Декларация прав человека в статье 1 провозглашает: «Все люди рождаются свободными и равными в своих правах», статья 3 гласит: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [2].

Ожидание исполнения смертной казни — психологическая пытка осуждённого. Однако даже врач, спасая жизнь человека, может причинить ему боль. В случае со смертной казнью оказывается воздействие на общество. Смертная казнь не исключает судебную ошибку, которую невозможно будет исправить. Общество не может быть уверено в том, что судебные ошибки в Беларуси исключены, общество ничего не знает о самом процессе осуществления смертной казни, общество не знает (а возможно, не хочет знать), что происходит в семьях приговорённых к смерти и с самими смертниками. Если бы всё это было известно, аргументов «против» смертной казни, возможно, было бы намного больше, чем аргументов «за». Парадокс ещё заключается и в том, что обсуждение «плюсов» и «минусов» применения смертной казни в Беларуси возможно только после её отмены. Именно тогда мы сможем оперировать статистикой того, что будет на самом деле происходить в стране после отказа от данного вида наказания.

По официальным данным, в Беларуси число судебных ошибок составляет всего 1%, в Европе — 10—15%. Но всё же, если есть хоть малейшая вероятность судебной ошибки, хоть 0,01%, применение такого наказания, как смертная казнь, недопустимо. Тюремное заключение можно хоть как-то компенсировать неправильно осуждённому, а смертную казнь — нет. Никакая система не застрахована от ошибок и пристрастий, значит, смертная казнь является единственным необратимым наказанием.

Следует учесть и то, что смертная казнь не выполняет своей основной функции — исправления осуждённого. Но государство и не ставит перед ней задачи исправить преступника. Как гражданин при защите своей жизни и жизни других лиц может применить право необходимой обороны и причинить нападающему смерть, так и государство для защиты своей «жизни» и жизни своих граждан может казнить преступника. Таким образом, смертная казнь — это кара за преступление, когда иное наказание воспринималось бы как несправедливое. Но наличие смертной казни не является дополнительной защитой общества, поскольку не сдерживает людей путём устрашения от совершения преступлений.

Исполнение смертного приговора исключает возможность повторного совершения преступления. Но противники смертной казни отмечают: хотя казнённый уже действительно не совершит преступления в будущем, невозможно с полной уверенностью утверждать, что если бы к данному преступнику применили бы другую меру наказания, то он обязательно совершил бы преступление.

В результате проведённых учёными исследований не было собрано убедительных доказательств, что смертная казнь влияет на снижение уровня преступности в большей степени, чем другие виды наказания. Это подтверждает статистика. Возьмём пример Канады, где число убийств на 100 000 человек, достигшее максимума в 1975 году (за год до отмены смертной казни) и составившее 3,09, в 1980 году снизилось до 2,41 и продолжало снижаться впоследствии. В 2002 году, спустя 26 лет после отмены смертной казни, число убийств на 100 000 человек составило 1,85, что на 40% меньше, чем в 1975 году.

Каков уровень преступности в Беларуси? По данным ООН, за 2009 год в Беларуси на 100 000 человек было совершено 4,9 убийств, тогда как в странах Европейского союза, где смертной казни нет, было совершено гораздо меньше убийств, например, во Франции — 1,4 убийства, в Германии — 0,9, в Польше — 1,3, в Италии — 1,0.

Смертная казнь, будучи видом наказания, наиболее полно отражает идею искупления вины, т. е. принципа ретрибуции. Но противники смертной казни говорят, что именно в этом аспекте смертная казнь напоминает месть.

Мы считаем, что правовое государство не может убивать от своего имени. Смертная казнь противоречит принципам гуманизма, морали и общечеловеческим ценностям, принципам всех религий, которые исповедуются в Беларуси. Сегодня, когда все страны Европы и постсоветского пространства отказались от смертной казни, пришло время и Беларуси присоединиться к этому цивилизованному пространству гуманизма, пространству, свободному от убийства государством.

Многие учёные считают, что пожизненное заключение — это более жестокая мера наказания, нежели смертная казнь. Некоторые сторонники смертной казни говорят, что «дешевле» казнить, чем содержать длительное время осуждённого в местах лишения свободы.

Смертная казнь — вовсе не лучшее из наказаний. Лишение человека жизни даже и по закону — не идеальное средство разрешения конфликтов, возникающих в обществе. Но и преступление, особенно причиняющее государству и гражданам тяжкий ущерб, — тоже зло.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным: 1) изложить в новой редакции статью 24 Конституции Республики Беларусь: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств»; 2) исключить из Уголовного кодекса Республики Беларусь наказание в виде смертной казни, предусмотренное частью второй статьи 122, частью второй статьи 124, статьями 126, 127 и 134, частью третьей статьи 135, частью второй статьи 139, частью третьей статьи 289, частью второй статьи 356, частью второй статьи 357, статьёй 359, частью второй статьи 360, статьёй 362, заменив его пожизненным заключением.

© Войтешук Е. И., 2015

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с.
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Офиц. сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 15.03. 2015).

ПРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭВТАНАЗИИ

Рассматриваются нравственные и правовые аспекты эвтаназии, обосновывается возможность разрешения права на пассивную эвтаназию путём внесения изменений и дополнений в законодательные акты в области здравоохранения.

В соответствии с частью первой статьи 24 Конституции Республики Беларусь, каждый имеет право на жизнь [1]. Защита права на жизнь тесно связана и с рядом медицинских проблем, в частности, с проблемой эвтаназии (греч. «добрая смерть», «благая смерть») — безболезненной, щадящей и избавляющей от страданий смерти.

Потребность в эвтаназии чаще всего ощущают люди, испытывающие невыносимые страдания в результате тяжёлой болезни в терминальной и предтерминальной (предсмертной) стадии. Сострадание к таким людям подсказывает решение разрешить медикам при соблюдении соответствующей процедуры удовлетворить просьбу больного и лишить его жизни безболезненным способом.

В соответствии со статьёй 31 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-ХП «О здравоохранении», эвтаназия — удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием.

На территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских, фармацевтических работников, запрещено. Лицо, сознательно побудившее другое лицо к эвтаназии и (или) осуществившее эвтаназию, несёт ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь [2].

В научной литературе эвтаназия толкуется по-разному: 1) «безболезненный, щадящий и избавляющий от страданий необратимый исход в небытие»; 2) «умерщвление неизлечимо больных людей по их просьбе с целью прекращения страданий».

Различают эвтаназию пассивную и активную (позиция врача), добровольную и недобровольную (позиция пациента). Пассивная эвтаназия означает, что врач отключает больного от приборов, поддерживающих его жизнь. Также, на наш взгляд, пассивную эвтаназию можно рассматривать как право больного на отказ от лечения, операции, принятия лекарственных препаратов. В случае активной эвтаназии врачом целенаправленно, по заранее принятому решению, предпринимаются специальные действия, ускоряющие смерть. Чаще всего проводится медикаментозно. Как правило, сначала вводится усыпляющий препарат, после чего ядовитое вещество, которое приводит к остановке дыхания. Добровольной называется эвтаназия, которая осуществляется по недвусмысленной просьбе больного или с предварительно высказанного им согласия. Недобровольная эвтаназия осуществляется без непосредственного согласия больного.

В мире уже существуют государства (Бельгия, Голландия, США), которые в законодательном порядке при наличии определённых обстоятельств допускают возможность применения как активной (например, путём введения определённой дозы снотворного и миорелаксанта), так и пассивной (путём отключения от аппарата «сердце—лёгкие») эвтаназии.

Вместе с тем можно привести и целый ряд доводов против законодательного разрешения эвтаназии.

Профессор М. И. Ковалёв отмечает, что «огромное количество медицинских диагнозов ошибочно. Это достоверно устанавливается последующим судебно-медицинским вскрытием тела умершего. По некоторым данным, такая “ревизия” устанавливает ошибки в диагнозе в 30% случаев.

Терминальная и предтерминальная стадии — понятия весьма относительные. Они часто связаны с особым состоянием человеческого организма, которое до сих пор остаётся загадкой для медицины. Организм может мобилизоваться в борьбе за сохранение жизни до такой степени, что может выйти победителем в казавшейся безнадёжной схватке со смертью.

Прогресс медицины и фармакологии развивается столь стремительно, что болезни, ещё вчера абсолютно и относительно смертельные, сегодня поддаются окончательному излечению.

Врач — помощник человека в сохранении жизни. Он призван служить здоровью, а не потворствовать болезни и смерти. Было бы нелогичным и даже опасным объединить в одном лице того, кто призван бороться со смертью во имя жизни, с потенциальным палачом, хотя и добрым» [3, с. 70].

На наш взгляд, решение об эвтаназии должно приниматься пациентом самостоятельно. Стоит ли жизнь продолжения — это вопрос, который ни одно человеческое существо не может решить за другое. Поэтому на момент принятия решения гражданин должен быть дееспособным, а также не иметь каких-либо заболеваний, сопровождающихся навязчивой идеей смерти. Если пациент находится без сознания и ранее не оформил надлежащим образом своё согласие на эвтаназию, то соответствующие меры не могут быть приняты.

Активная эвтаназия не может быть легализована ни при каких обстоятельствах. Что же касается пассивной эвтаназии, то здесь следует чётко и определённо сформулировать законодательную норму, согласно которой больной имеет полное право знать диагноз своей болезни, её возможные последствия, а также степень риска неблагоприятного исхода при отказе от лечения и степень надежды при согласии на лечение перед тем, как принять это решение. В таком случае возможна смерть, но уже по воле самого потерпевшего. Разумеется, отказ от лечения должен быть соответственно зафиксирован. Медики, снимая с себя ответственность в данных ситуациях, обязаны предпринимать все возможные попытки для облегчения страданий пациента.

Неоднозначную оценку вызывает проблема легализации эвтаназии в Республике Беларусь. Белорусский исследователь Н. В. Ребеко отмечает, что «результаты опроса студентов и врачей, всего около 500 человек, проведённого на медицинской конференции, посвящённой 80-летию БГМУ в 2001 г., свидетельствуют о том, что “за” эвтаназию (причём без разграничения на формы: активную или пассивную) высказались 52,5% опрошенных, “против” — 26,3%, затруднились с ответом — 18,8%, безразличное отношение к рассматриваемой проблеме выразили 2,4%.

На вопрос, может ли врач решить эту проблему, то есть принять решение о проведении акта эвтаназии, ответы распределились следующим образом: “да” — 40%, “нет” — 33%, остальные — неопределённо.

На вопрос, согласились ли бы вы на применение эвтаназии в отношении вас самих и ваших родственников и близких, получены ответы: “да” — 36,6%, “нет” — 32,4%, остальная часть опрошенных воздержалась от ответа.

32% опрошенных также считают, что помочь человеку умереть достойно — задача врача; 22% — затруднились с ответом, 16% считают, что эту задачу должны решать люди иной профессии.

В пользу принятия специального закона об эвтаназии высказались 39% опрошенных, “против” — 45%, 16% затруднились с ответом.

И, наконец, на вопрос, кому же принадлежит право на решение вопроса об эвтаназии, были получены следующие ответы: врачу — 11,7%, больному — 23,8%, родственникам — 9,7%, Богу и его заместителям на земле (церкви) — 5,2%, юристам — 3,2%» [4, с. 136].

По мере дальнейшего развития общества и изменения менталитета людей в данном вопросе нами видится реальная возможность разрешения права на пассивную эвтаназию путём внесения изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О здравоохранении», изложив статью 31 в следующей редакции: «Эвтаназия — добровольная, согласованная с врачом, смерть неизлечимо больного человека с помощью специальных обезболивающих средств либо путём отключения от аппарата искусственной вентиляции легких (далее — ИВЛ).

Эвтаназия неизлечимо больного путём отключения от аппарата ИВЛ допускается с предварительного письменного согласия больного, удостоверенного в установленном порядке, и заключения консилиума специалистов о характере болезни, не совместимой с возможностью дальнейшего выживания. О проведении эвтаназии путём отключения от аппарата ИВЛ руководитель медицинского учреждения в течение суток обязан сообщить прокурору, приложив письменное согласие больного, удостоверенное в установленном порядке, и заключение консилиума специалистов, подписанное ими и скреплённое печатью медицинского учреждения».

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с.
2. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : с изм. и доп. (текст по состоянию на 16 июня 2014 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс: Беларусь. Технология 3000».
3. Ковалёв М. И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. М., 1992. № 7. С. 68—75.
4. Ребеко Н. В. Охрана жизни и право на смерть // Пром. торговое право. Минск, 2002. № 2. С. 76—151.

УДК 343.4

А. А. Джунусова

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Кыргызско-Российский Славянский университет», Бишкек, Кыргызская Республика

К ВОПРОСУ О ТРАНСПЛАНТАЦИОННОМ ТУРИЗМЕ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Представлен анализ ситуации по трансплантационному туризму в международном праве и в законодательстве Кыргызской Республики. Детально рассмотрена Стамбульская декларация «О трансплантационном туризме и торговле органами». Приведены итоги проделанной работы в качестве предложений по внесению изменений в Уголовный кодекс Кыргызской Республики.

Трансплантация органов — одно из чудес XX века, продолжает спасать и улучшать жизни сотен тысяч пациентов по всему миру. Великие научные открытия и клинические успехи трансплантологов, также бесчисленные акты благородства со стороны доноров и их семей сделали трансплантацию не только видом медицины, спасающим жизнь, но и сияющим символом человеческой солидарности.

Однако эти достижения омрачаются множеством сообщений об использовании бедных людей в качестве источников донорских органов и о богатых пациентах — туристах, пересекающих границы для поиска и покупки органов человека.

В 2004 году Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) призвала государства, участников организации, принять меры для защиты беднейших и уязвимых групп населения от трансплантационного туризма и продажи органов и тканей, принимая во внимание широкое распространение международной торговли органами и тканями.

С 30 апреля по 2 мая 2008 года в Стамбуле состоялся саммит, организованный руководящим комитетом при трансплантационном обществе (TTS) и Международным обществом нефрологии (ISN), где собрались представители научных кругов, медицинских и правительственных организаций. Результатом саммита стала декларация «О трансплантационном туризме и торговле органами» (далее — Декларация) [1].

В Декларации подчёркнуто, что «всем странам необходима правовая и профессиональная базы для управления процессами донорства и трансплантации органов, так же, как и надзорной системы, гарантирующей безопасность донора и реципиента, соблюдение стандартов и запрет деятельности, противоречащей этим принципам» [1].

Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), «пользование правами и свободами, признанными Конвенцией, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, рождения или по любым иным признакам». Трансплантационный туризм же самим фактом своего существования попирает принципы справедливости, равенства и уважения к человеческому достоинству. Коммерциализация трансплантологии ставит под удар, в первую очередь, обездоленную часть населения, которые естественно неконкурентоспособны, если речь идёт о заботе об их здоровье, с другой же стороны, она подталкивает таковых к улучшению своего материального положения через продажу органов.

Таким образом, положение вещей продуцирует две глобальные проблемы: с одной стороны, неизменно происходит поражение общества коммерциализацией донорства (запрещённой декларацией Всемирной медицинской ассамблеи «О трансплантации органов и тканей человека» от 1987 года), с другой — ведёт к упадку здоровья населения в целом и к краху морально-нравственных ценностей общества. Указанные проблемы в совокупности своей возвращают чёрный рынок торговли донорским биосубстратом. Отметим, что некоторые теоретики и практики придерживаются мнения о том, что запрет купли-продажи органов и есть та самая причина возникновения чёрного рынка. На наш взгляд, легализация торговли человеческими органами создаст ещё большую аморализацию и криминализацию этой сферы деятельности.

Аморализация общества происходит в связи с нарушением норм морали и этики, установленным в этой субкультуре. Основные этические принципы трансплантации органов и тканей человека: 1) пересадка от живого донора может основываться только на добровольном самопожертвовании ради спасения жизни другого человека. В этом случае согласие на изъятие органа становится проявлением любви и сострадания; 2) потенциальный донор должен быть полностью информирован о возможных последствиях эксплантации для его здоровья; 3) морально недопустимо использовать в качестве донора органов наиболее незащищённый и находящийся в экстремальных ситуациях контингент; 4) приоритет распределения донорских органов не должен определяться выявлением преимущества отдельных групп и специальным финансированием.

Главным критерием, влияющим на решение врача по вопросу о законном распределении донорских органов и тканей человека, является степень иммунологической совместимости пары «донор—реципиент». Следовательно, орган достаётся не тому, у кого выше или ниже положение, а тому, кому он больше подходит по иммунологическим показателям. Другой критерий — степень тяжести реципиента, так как в случае иммунологической и биологической совместимости подходящим может быть не один реципиент, а несколько, и состояние одного позволяет ждать ещё некоторое время, а у другого не более недели или месяца. Последним значимым критерием является очерёдность реципиента в «листе ожидания». Помимо названных критериев учитывается удалённость реципиента от места нахождения донора органа. «Листы ожидания» в каждой стране и далее в регионе содержат список больных, находящихся только в этой области. Согласно нормам международного права, этот спрос должен быть покрыт за счёт собственных ресурсов страны.

В случае же коммерциализации органного донорства баланс нарушается, и без того существующий дефицит становится кризисным, происходит «утечка органов».

Причинами трансплантационного туризма чаще служат: 1) дефицит донорских органов в стране; 2) глобальный дефицит донорских органов; 3) открытость некоторых стран и их политик к проведению подобного рода операций и заключению такого рода сделок (например, Турция, Индия и до недавнего времени Китай); 4) отрицание обществом посмертного донорства; 5) неразвитость медицинской инфраструктуры в стране.

Кыргызская Республика, являясь страной третьего мира, рискует стать одной из наиболее привлекательных стран для развития трансплантационного туризма. Экономический кризис, политическая нестабильность, бедность (доходящая в некоторых регионах до нищеты), моральная распущенность населения, низкий уровень правосознания и, в то же время, наличие талантливых трансплантологов с низкой заработной платой и необходимого оборудования в стране представляют из себя благоприятные условия для успешного внедрения и развития подпольного платного донорства.

Рассматривая вопрос дефицита донорских органов, Декларация гласит: «каждая страна должна гарантировать развитие и осуществление программ, предупреждающих дефицит донорских органов и обеспечивать своим гражданам предоставление донорских органов для трансплантации в пределах своего населения или за счёт региональной кооперации» [1].

Соответственно, для минимизации использования живых доноров, необходимы условия по инициации или улучшению посмертного донорства. Преодоление недоверия со стороны общества и неправильных представлений, мешающих в настоящее время развитию эффективного посмертного донорства в целях трансплантации, полностью зависит от осуществления образовательных программ в области трансплантологии, работы государственных и неправительственных организаций по просвещению населения и повышению его правосознания, а также определения ответственности, обязанностей и отчётности всех участников национальной системы донорства и трансплантации.

Внедрение национальной системы донорства и трансплантологии требует создания и развития институтов контроля со стороны правительственных медицинских организаций для обеспечения их ответственности и открытости данных. Система контроля предполагает наличие национального регистра для учёта прижизненного и посмертного донорства.

Статья 15 Закона Кыргызской Республики «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (2000 год) гласит: «Учреждению здравоохранения, равно как и его сотруднику, которому разрешено проводить операции по забору и заготовке органов и (или) тканей человека, запрещается осуществлять их продажу». На наш взгляд, данное положение необходимо закрепить в Уголовном кодексе Кыргызской Республики, так как это деяние образует самостоятельный состав преступления, и поместить его в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья»:

«Торговля органами человека»

(1) Совершение сделки по купле-продаже человеческих органов и (или) тканей, а также иные действия, способствующие совершению такой сделки, а равно дарение донором своего (их) органа (ов) в нарушение законодательства Кыргызской Республики;

(2) те же деяния, совершённые медицинским работником;

(3) деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть лица или иные тяжкие последствия.

Под иными тяжкими последствиями понимается причинение тяжкого или менее тяжкого вреда здоровью донора.

Также пробелом в Уголовном кодексе Кыргызской Республики является отсутствие в части второй статьи 123 «Похищение человека» квалифицирующего обстоятельства «с целью изъятия органов или тканей человека для трансплантации».

© Джунусова А. А., 2015

Список цитируемых источников

1. О трансплантационном туризме и торговле органами [Электронный ресурс]: Стамбул. декларация от 2 мая 2008 г. — Режим доступа: <http://transplant.zp>. — Дата доступа: 12.02.2015.

2. Ляуш, Л. Б. Этические проблемы трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] / Л. Б. Ляуш. — Режим доступа: <http://rosmedportal.com>. — Дата доступа: 18.02.2015.

УДК 342.72/.73

Ю. И. Занько, Д. Ю. Мазур

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОТ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ

Рассматривается врачебная тайна как гарантия реализации права на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь. Не случайно одной из основных задач в области обеспечения национальной безопасности в любом государстве является обеспечение на территории государства личной безопасности человека и гражданина, его конституционных прав и свобод.

Актуальность проблемы обеспечения врачебной тайны сохраняется и приобретает особые грани в связи с тем, что белорусское законодательство в своём развитии всё более ориентируется на приоритетную защиту личных прав и свобод человека, поскольку только такой подход к правовому пространству и правопорядку позволит завершить процесс становления демократического общества в нашей стране.

Основной целью исследования является анализ проблем доступа к информации, составляющей врачебную тайну, а также пути повышения эффективности защиты врачебной тайны в учреждениях здравоохранения.

Личная тайна является составной частью частной жизни. Врачебная тайна — это гарантия реализации личной неприкосновенности. Соблюдение врачебной тайны — правовая обязанность лиц, которым в установленном законом порядке переданы конфиденциальные сведения.

Врачебная тайна — одно из важнейших понятий деонтологии как учения о принципах поведения медицинского персонала в общении с пациентом или его представителем, а также с родственниками пациента и другими лицами. Обращаясь за медицинской помощью, человек должен быть уверен в том, что сведения, полученные медицинскими работниками, не станут достоянием третьих лиц, а тем более неопределённо широкого круга лиц.

Отношения в области охраны здоровья населения Республики Беларусь регулируются Законом Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (далее — Закон). Информация о факте обращения пациента за медицинской помощью и состоянии его здоровья, сведения о наличии заболевания, диагнозе, возможных методах оказания медицинской помощи, рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также возможных альтернативах предлагаемому медицинскому вмешательству, иные сведения, в том числе личного характера, полученные при оказании пациенту медицинской помощи, а в случае смерти — и информация о результатах патологоанатомического исследования, составляют врачебную тайну [1].

Некоторые ограничения врачебной тайны предусмотрены Законом. Так, например, по желанию пациента, уполномоченных им лиц или лиц, указанных в части второй статьи 18 настоящего Закона, организации здравоохранения выдают выписки из медицинских документов, медицинские справки о состоянии здоровья и другие документы, содержащие информацию о состоянии здоровья пациента, в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь [1].

Названные положения закона отражают приоритет государственных и общественных интересов и не означают нарушения врачебной тайны, поскольку сведения о фактах обращения за помощью, о болезни и лечении граждан сообщаются лишь указанным в законе органам и лицам, которые, наравне с медицинскими и фармацевтическими работниками, также обязаны не разглашать эти сведения. При этом необходимо иметь в виду, что, согласно пункту 7 части второй статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, врач не подлежит допросу в качестве свидетеля без согласия лица, обратившегося за оказанием медицинской помощи, по обстоятельствам, составляющим предмет врачебной тайны [2].

Разглашение врачебной тайны как преступление влечёт ответственность по статье 178 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК). Его непосредственным объектом является порядок обращения информации о частной жизни граждан, касающейся состояния их здоровья. Документ установил ответственность за разглашение врачебной тайны в связи с необходимостью гарантировать конституционное право каждого гражданина «на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь» [3], закреплённое в статье 28 Конституции Республики Беларусь. Разглашение врачебной тайны (статья 178 УК) — умышленное разглашение медицинским, фармацевтическим или иным работником без профессиональной или служебной необходимости сведений о наличии заболевания, диагнозе или результатах медицинского освидетельствования пациента [4]. Сведения, составляющие врачебную тайну — это информация о заболеваниях лица, о результатах медицинского освидетельствования пациента, а также о наличии у лица ВИЧ или заболевания СПИД.

Объективная сторона преступления (разглашения врачебной тайны) состоит в сообщении известных виновному сведений о наличии заболевания, диагнозе или результатах медицинского освидетельствования пациента третьему лицу без профессиональной или служебной необходимости. Части первая и вторая статьи 178 УК не предусматривают наступления общественно-опасных последствий, поэтому составы разглашения врачебной тайны по указанным частям являются формальными и считаются оконченными с момента ознакомления со сведениями о заболевании или результата медицинском освидетельствования посторонних лиц либо самого пациента. Состав преступления, предусмотренного частью третьей статьи 178 УК, следует отнести к материальным составам, поскольку в качестве признака объективной стороны состава указаны тяжкие последствия, наступившие в результате деяний, предусмотренных частями первой или второй анализируемой статьи. К тяжким последствиям могут относиться, например, самоубийство потерпевшего, его психическое заболевание, распад его семьи, причинение ему крупного имущественного ущерба и т. п.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных частями первой и второй статьи 178 УК, характеризуется прямым умыслом. Лицо сознаёт, что, разглашая врачебную тайну, причиняет вред конституционно закреплённым правам и интересам граждан, и желает так поступить. В отношении наступления тяжких последствий (часть третья статьи 178 УК) возможна и неосторожная форма вины. Мотивы и цели разглашения врачебной тайны могут быть различными, они не являются обязательными признаками анализируемого состава, однако должны учитываться судом при назначении наказания и решении иных вопросов уголовной ответственности.

Субъект анализируемого преступления — специальный.

В части второй статьи 178 УК предусмотрен квалифицирующий признак — разглашение врачебной тайны, выразившееся в сообщении сведений о наличии у лица ВИЧ или заболевания СПИД. Уголовное преследование по частям первой и второй статьи 178 УК осуществляется согласно статье 33 УК по письменному требованию лица, пострадавшего от преступления, или его законного представителя.

К информации, составляющей врачебную тайну, допускается ограниченный перечень лиц, на которых и возлагается обязанность неразглашения. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что круг субъектов, обязанных хранить медицинскую тайну отличается от того, который охватывает субъектов врачей. Последним, исходя из приведённого выше определения, являются работники здравоохранения.

Дискуссионным является вопрос о субъекте, обязанном хранить врачебную тайну. В частности, в Российской Федерации обсуждается возможность включения в данный круг таких субъектов, как народные целители, что особенно актуально для России, где осуществление народного целительства урегулировано на уровне федерального законодательства. Основываясь на природе врачебной тайны, а также исходя из норм законодательства, определяющего защиту субъектов от незаконного распространения врачебной тайны (статья 178 УК), можно сделать вывод, что к ним относятся только лица, имеющие медицинское образование того или иного уровня и осуществляющие деятельность в соответствии со своей специальностью. При этом следует отметить, что в сфере здравоохранения работают не только лица с медицинским образованием, и все они могут стать обладателями сведений о пациенте в силу исполнения законно возложенных на них обязанностей. Среди них можно назвать персонал медицинского учреждения (лаборанты, водители медицинского транспорта и иные лица), которые также могут стать носителями медицинской тайны.

На основании вышесказанного предлагаем внести следующие изменения в действующее законодательство Республики Беларусь: 1) статью 178 УК Республики Беларусь изложить в следующей редакции: «Умышленное разглашение медицинским, фармацевтическим и иным работником, работающим в сфере здравоохранения, не имеющим медицинского образования, без профессиональной или служебной необходимости сведений о наличии заболевания, диагнозе или результатах медицинского освидетельствования пациента (разглашение врачебной тайны) наказывается штрафом, или лишением права занимать определённые должности, или заниматься определённой деятельностью». Данное изменение поможет увеличить эффективность защиты права на врачебную тайну; 2) привести в соответствии с внесённым изменением действующее в Республике Беларусь законодательство.

© Занько Ю. И., Мазур Д. Ю., 2015

Список цитируемых источников

1. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ : с изм. и доп. : текст по состоянию на 26 июля 2014 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. Минск, 2014. 2/1978.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. (текст Кодекса по состоянию на 5 янв. 2015 г.). Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск, 2014. 62 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. (текст Кодекса по состоянию на 29 янв. 2015 г.). Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

АБОРТ — НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО ЖЕНЩИНЫ ИЛИ НАРУШЕНИЕ (ОГРАНИЧЕНИЕ) ПРАВА НА ЖИЗНЬ?

Рассматриваются нравственные и правовые аспекты искусственного прерывания беременности, обосновывается необходимость защиты права на жизнь нерождённого ребёнка.

Право на жизнь является неотъемлемым (неотчуждаемым) правом, имеющим естественный характер. Имея характер фундамента системы прав человека, право на жизнь закреплено в многочисленных международных договорах, как универсального, так и регионального характера. Однако зачастую неурегулированным является вопрос, с какого момента начинается право на жизнь.

Правовое регулирование возникновения права на жизнь и производство абортов затрагивает важную проблему, для которой на сегодняшний день нет определённого решения. Такая неурегулированность порождает дискуссионный вопрос о том, обладает ли ещё не родившийся ребёнок правом на жизнь, распространяют ли на плод своё действие нормы международного и внутригосударственного права, гарантирующие право на жизнь.

Первые исторические упоминания об искусственном прерывании беременности относятся к периоду, отстоящему на 4 600 лет назад в Китае. Отношение к абортам было разным — от суровых наказаний в Ассирии до одобрения у древних греков. Услуги по выполнению абортов предоставлялись как профессиональными, так и непрофессиональными абортмахерами, а также некоторыми врачами. Аборт было сделать не трудно, однако услуга эта была платная. Поэтому к нему чаще всего прибегали только богатые женщины. Гиппократ относился к абортам отрицательно и считал плодизгнание безнравственным. Он был противником не только искусственного прерывания беременности, но и применения противозачаточных средств [1].

В СССР до 1955 года было запрещено делать аборты, но всё же женщины избавлялись от нежелательной беременности разными способами, например, с помощью отвара лаврового листа (итог — сильнейшая интоксикация), аспирина в огромных дозах (итог — маточное и желудочное кровотечение с летальным исходом). Это привело к смертности среди женщин. Но в 1955 году Н. С. Хрущёв издал указ «Об отмене запрещения аборта». С тех пор аборты производились легально.

Конец XX — начало XXI века для Республики Беларусь характеризуется негативными демографическими тенденциями: сокращением численности населения и его старением. Данная проблема актуальна не только для Республики Беларусь, но и для многих других государств, например, Ирана, Туниса, Латинской Америки, Египта, Алжира, Марокко. Так, если в 1965 году в Тунисе на одну женщину приходилось в среднем 7 детей, то в 1995 году их стало 3, а на сегодня — 1,75 [1].

По оценке Национального статистического комитета Республики Беларусь, численность населения Беларуси на 1 января 2015 года составила 9 млн 481 тыс. человек. Естественная убыль населения в 2014 году, по сравнению с 2013-м, уменьшилась более чем в 2 раза и составила 2 тыс. 904 человека [2]. В нашей стране наблюдается депопуляция, одной из причин которой, по оценкам учёных-демографов, является высокое число абортов, что, в свою очередь, оказывает отрицательное воздействие на многие сферы жизнедеятельности общества и государства: социальную, экономическую, военную [3].

В Республике Беларусь аборты разрешены по желанию женщины (до 12 недель беременности), по медико-социальным (до 22 недель беременности) и по медико-генетическим показаниям, в соответствии с критериями, которые установлены законодательством. В Российской Федерации прервать беременность без объяснения причин возможно на сроке до 12 недель (за исключением лиц, не достигших 15 лет, на прерывание беременности которым необходимо согласие родителей). Аборты в первые 12 недель разрешены в Бельгии, Дании, Германии, Норвегии. В таких странах, как Ангола, Афганистан, Египет, Объединённые Арабские Эмираты, аборты полностью запрещены, что в большей степени вытекает из религии.

В 2014 году в Беларуси было произведено 31 206 аборт. В основном за минувший год больше прерываний беременности стали делать женщины 20—34 лет. На данную возрастную группу приходится самое большое количество аборт; 15% из всех, решившихся на аборт, забеременели впервые; 27 аборт было сделано среди девушек младше 15 лет.

Сегодня не является новостью, что за последние десятилетия резко снизилась возрастная грань начала половой жизни. Мужчины и женщины, которым сегодня за 50, начинали свою интимную жизнь не ранее 18 лет, а то и позже. Сегодняшняя молодёжь этим же «похвастаться» не может. Для современных подростков модно и престижно пребывать в интимной близости уже в 12—14 лет. Естественно, снижение возраста половых отношений повлекло за собой скоростное увеличение количества аборт.

В большинстве стран мира отмечается негативное отношение к аборт. Так, например, на сегодня в 97 государствах полностью запрещены аборт. Вместе с тем во многих странах мира аборт легализованы.

Право человека на жизнь — это право, защищённое конституцией государства, множеством законов и правовых норм, как международных, так и локальных. Однако при этом каждый день умирают дети вследствие проведения процедуры искусственного прерывания беременности. Право нарождённого ребёнка на жизнь на примере Республики Беларусь не защищено вовсе, при этом в других государствах уже активно ведутся работы на законодательном уровне по урегулированию данного вопроса, например, в России был принят проект Федерального Закона «О внесении изменений и дополнении в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленных на защиту жизни нерождённых детей».

Осознание необходимости защиты права ребёнка на жизнь уже до его рождения глубоко укоренено в исторических традициях Республики Беларусь и многих других государств мира. В то же время в нашем обществе распространён взгляд на аборт (искусственное прерывание беременности) как на обычную медицинскую процедуру, единственной отрицательной стороной которой может быть вред, нанесённый здоровью женщины. Вопрос о праве нерождённых детей на жизнь при этом практически остаётся вне внимания законодателя.

Указанный выше законопроект Российской Федерации ставит перед собой цель ликвидировать недостатки действующего законодательства и подготовить общественное мнение к принятию более последовательных решений, направленных на защиту жизни нерождённых детей.

Вопрос о необходимости защиты права ребёнка на жизнь уже до его рождения целесообразно рассмотреть и в Республике Беларусь посредством разработки и принятия соответствующего законодательного акта, направленного на защиту жизни нерождённых детей.

Вносимые в изменения в законодательство должны ставить перед собой цель изъятия из юридической практики понятия «искусственное прерывание беременности», как само собой разумеющегося явления, которое по своей природе предполагает, что право на жизнь человека может быть поставлено в зависимость от материального положения людей и социальных факторов.

© Карпик О. Е., 2015

Список цитируемых источников

1. Демография [Электронный ресурс]. URL: <http://truemoral.ru/demogr.php> (дата обращения: 13.02.2015).
2. Данные переписи населения за 2009 г. [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 1998. URL: <http://belstat.gov.by> (дата обращения: 13.02.2015).
3. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011—2015 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2011 г., № 357 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Минск, 2003. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 15.02.2015).

И. Г. Скороход

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Судебный контроль является наиболее действенной гарантией, обеспечивающей соблюдение и защиту прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса. Между тем, по мнению автора, существующий уголовно-процессуальный порядок, при котором прокурор санкционирует заключение под стражу подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования, не совместим с идеей прокуратуры и сущностью прокурорского надзора как наблюдения.

Данная проблема рассматривается с позиции Конституции Республики Беларусь, при этом автор предлагает закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь норму, в соответствии с которой заключение под стражу и содержание под стражей подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования допускаются только по судебному решению.

Соотношение интересов государства и конституционных прав, свобод подозреваемого, обвиняемого при применении меры пресечения всегда являлось одним из проблемных моментов уголовного процесса. В особенности проблема баланса общественного и индивидуального проявляется при применении меры пресечения в виде заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу. Заключение под стражу является самой строгой мерой процессуального принуждения, связанной не только с фактическим лишением свободы, но и существенным ограничением ряда конституционных прав личности. Кроме того, при заключении под стражу весьма важным моментом в отношении подозреваемого, обвиняемого является так называемый общественный резонанс. В определённой степени заключение под стражу компрометирует человека в глазах соседей, знакомых, а также ведёт к возникновению ряда проблем по месту работы. При этом подозреваемый, обвиняемый, осуждённый всегда оценивает законность и обоснованность применяемых к нему мер государственного воздействия в соотношении со справедливостью, и, что немаловажно, все участники уголовного процесса вправе рассчитывать на правосудие, которое достигается при рассмотрении дела компетентным, независимым и беспристрастным судом.

В соответствии с частью второй статьи 119 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), на стадии предварительного расследования меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога могут применяться прокурором или его заместителем либо председателем Следственного комитета Республики Беларусь, председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, либо органом дознания или следователем с санкции прокурора или его заместителя, а на стадии судебного разбирательства — судом. Нормы части четвёртой статьи 126 УПК предоставляют право давать санкцию на заключение под стражу Генеральному прокурору Республики Беларусь, прокурорам областей, городов, районов, приравненным к ним прокурорам и их заместителям. Как видно из данных статей УПК, окончательное решение о заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого принимает прокурор. Вместе с тем заключение под стражу может быть применено также по постановлению председателя Следственного комитета Республики Беларусь, председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности, что зафиксировано в той же части четвёртой статьи 126 УПК [1].

В статье 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» закреплены задачи и направления деятельности прокуратуры, т. е. пути, по которым генеральный прокурор и подчинённые ему прокуроры осуществляют надзор за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания [2]. Отсюда следует, что перед прокуратурой стоит задача основополагающего характера — прокурорский надзор, под которым следует понимать специфическую деятельность прокуратуры, осуществляемую от имени государства и состоящую в проверке точности исполнения законов, действующих на его территории [3, с. 12]. Словарь С. И. Ожегова даёт определение понятия надзора как наблюдения за кем-нибудь, за чем-нибудь [4, с. 478]. Стало быть, сущностной характеристикой прокурорского надзора

в ходе досудебного производства является наблюдение за поднадзорными прокурору органами предварительного следствия и дознания в целях проверки правильности их деятельности.

Из указанного следует, что деятельность прокурора по санкционированию постановления следователя о заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого не совместима с самой идеей прокуратуры как органа, осуществляющего надзор, и сущностью надзора как наблюдения. Помимо того, процессуальный порядок, при котором заключение под стражу санкционирует прокурор, не в состоянии обеспечить защиту прав и свобод заинтересованных лиц, поскольку у органов предварительного расследования и прокуратуры всегда присутствуют ведомственные интересы в показателях их работы. Следует отметить, что с недавнего времени законодателем осуществляется процесс реформирования органов предварительного расследования. В 2012 году был образован Следственный комитет Республики Беларусь, в результате чего произошло разграничение функций предварительного расследования и прокурорского надзора. Возможно, что такую работу надо продолжать, а следующим шагом может быть наделение судов полномочиями по принятию решения о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу по ходатайству следователя. Именно суд уполномочен рассматривать применение норм в связи с конкретным уголовным делом, при этом он должен выслушивать мнения сторон и принимать решение. В отличие от прокурорского надзора суд не даёт конкретных указаний при производстве по уголовному делу, а ограничивается общей оценкой законности и обоснованности принятого следователем решения о применении меры пресечения в виде заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу. При этом суд исполняет роль пассивного наблюдателя, арбитра, руководствуясь принципами состязательности и равенства сторон. Суд не связан ведомственными интересами, независим, не несёт ответственности за раскрытие преступлений. Кроме того, в силу части третьей статьи 36 все решения о производстве следственных и других процессуальных действий следователь принимает самостоятельно [1]. Прокурор же будет вправе опротестовать принятое судом решение о заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого в случае своего несогласия с таким решением.

Вместе с тем данный вывод представляется необходимым обосновать на конституционных положениях и принципах, в соответствии с которыми человек, его права свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (статья 2). Исходя из этого, Конституция Республики Беларусь возлагает на государство обязанность обеспечить свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом. Лицо, заключённое под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста (статья 25) [5]. Анализируя данные конституционные нормы, можно сделать следующие выводы: 1) заключение под стражу подозреваемого, обвиняемого возможно только на основании закона, принятого парламентом Республики Беларусь. Ограничение, лишение свободы и закон — это конституционно-правовой симбиоз, и вторжение в этот союз со стороны исполнительной власти недопустимо; 2) Конституция Республики Беларусь не определяет государственных органов или должностных лиц, в полномочия которых входит принятие решения о заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого, следовательно, такими полномочиями может обладать и суд; 3) право подозреваемого, обвиняемого на судебную проверку законности заключения под стражу не является свидетельством того, что решение о заключении под стражу должно быть принято не судебным органом. Ведь судебной проверке могут подвергаться решения суда нижестоящей инстанции в вышестоящем суде, так же, как и судебной проверке — применение меры пресечения по постановлению следователя с санкции прокурора.

Таким образом, представляется возможным в УПК Республики Беларусь закрепить норму, в соответствии с которой заключение под стражу и содержание под стражей подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования допускаются только по судебному решению, тем более что Конституция Республики Беларусь не ограничивает суд в таких полномочиях. Помимо того, в части первой статьи 60 Основного Закона Республики Беларусь каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в сроки, определённые законом. Несомненно, что судебное решение о заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования будет являться наиболее надёжным гарантом законности и обоснованности действий органов предварительного расследования, существенно ограничивающих конституционные права и свободы личности, и соответствовать общепризнанным принципам международного права.

Список цитируемых источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой Представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2015 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : с изм. и доп., текст по состоянию на 10 июля 2012 г., № 401-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000».
3. Кеник А. А. Прокурорский надзор : учеб. пособие. Минск : Амалфея, 2005. 512 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов. 24-е изд., испр. М. : Оникс : Мир и Образование, 2010. 1200 с.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск, 2014. 62 с.

УДК 343.211

Ю. В. Черняк, А. А. Кисель

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ВОЕННО-УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Конституция Республики Беларусь определяет положения, выступающие основой уголовной политики. Высшей ценностью государства является человек, защита его прав и интересов, что возможно только при условии создания соответствующего механизма. Исторический анализ военно-уголовного законодательства позволит полноценно реализовывать мероприятия в рамках государственной политики и верно определять приоритеты.

Процессы глобализации, создающие объективную реальность и стимулирующие мировой прогресс, направлены на защиту прав граждан. При этом неизбежными являются столкновения различных интересов. Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей наций и народов является первостепенным, основой для чего и выступают конституционные принципы и начала. Не является исключением и военно-уголовная сфера общественных отношений. Существование законодательства в данной области определено природой вооружённых сил государства, базирующейся на твёрдом уставном порядке, на строгой воинской дисциплине. Понимание уголовной политики Республики Беларусь видится возможным только при рассмотрении её исторических корней.

Правовые нормы, определяющие поведение субъектов воинских правоотношений, впервые встречаются в привилегиях и сеймовых постановлениях Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ) [1, с. 7]. Раздел «Об обороне земской» появился в Статуте ВКЛ 1529 года и содержал 15 артикулов [1, с. 7]. В соответствующем разделе Статута ВКЛ 1588 года их уже было 27. Вместе с тем в разделе «Об обороне земской» статутов устанавливалась уголовная ответственность не только за воинские, но и за иные преступления, совершаемые военными служащими во время боевых действий или военных походов [1, с. 8]. В период вхождения белорусских земель в Российскую империю военно-уголовная сфера регулировалась законодательством данного государства. Следствием изменения государственного строя после событий 1917 года явилась отмена норм военно-уголовного законодательства, но его отдельные нормы содержались уже в первых декретах советской власти 1917—1918 годов [2, с. 28]. Именно декреты в тот период служили источниками права в данной сфере, что не являлось достаточным, и данный пробел заполнялся лишь правосознанием членов революционных военных трибуналов, полковых и товарищеских судов, индивидуальным пониманием судьями классовой сущности [2, с. 29].

Первым систематизированным источником норм, регулирующих уголовную ответственность военнослужащих, стало Положение о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 года [2, с. 29]. Принятый 26 мая 1922 года первый Уголовный кодекс РСФСР кодифицировал военно-уголовное

законодательство, которое было выделено в самостоятельную главу «Воинские преступления» [1, с. 13]. В соответствии с Конституцией СССР 1924 года были приняты «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» [2, с. 30]. Союзные республики не были наделены правом вносить какие-либо изменения в нормы о государственных и воинских преступлениях, что закреплялось в Конституциях СССР как 1936, так и 1977 года. Следует отметить, что в период Великой Отечественной войны военное законодательство каким-либо коренным изменениям не подвергалось. Положение о воинских преступлениях 1927 года содержало понятие ответственности военнослужащих за преступления, совершённые как в мирное, так и в военное время, и в целом обеспечивало соблюдение порядка несения военной службы во время войны [1, с. 16].

Совершенствование материальных средств ведения войны, создание новых образцов техники вызвало принятие целого ряда новых уголовно-правовых норм. Как следствие, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 года, согласно которому Положение о воинских преступлениях 1927 года было дополнено нормами, предусматривающими ответственность за различные посягательства на порядок эксплуатации военной техники [2, с. 32]. Были криминализованы нарушение правил вождения и эксплуатации боевой или транспортной машины, правил полётов и подготовки к ним, а также нарушение правил кораблевождения [2, с. 32]. Только Закон СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» от 25 декабря 1958 года закрепил положения и принципы советского уголовного права в военной сфере. Республиканские уголовные кодексы только воспроизводили положения данного нормативного правового акта.

Принятие в 1999 году Уголовного кодекса Республики Беларусь стало началом самостоятельного пути развития белорусского военно-уголовного законодательства. В статье 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь задачи уголовного закона определены в соответствии с конституционными ценностями, основой которых является человек, его жизнь и здоровье. Далее следует отметить, что всё построение уголовной политики в Республике Беларусь определено именно конституционной иерархией: личность, общество, государство.

Таким образом, задачами белорусского военно-уголовного законодательства сегодня выступают: охрана человека, его прав и свобод, собственности, прав воинских частей и учреждений как юридических лиц, общественных и государственных интересов, конституционного строя Беларуси, в том числе в области воинской безопасности, а также в целом воинской дисциплины и воинского правопорядка от преступных посягательств [3, с. 32]. Особенностью воинских преступлений является их двуобъектность: наличие посягательства как на установленный порядок несения военной службы, так и на вышеперечисленные объекты. Данная характеристика составов преступлений в военной сфере является естественноисторической для Республики Беларусь и в полной мере отражает значимость как личности, так и государства, наделённого суверенитетом, что и находит своё отражение в проводимой уголовной политике.

© Черняк Ю. В., Кисель А. А., 2015

Список цитируемых источников

1. Лосев В. В. Уголовная ответственность за воинские преступления: военно-уголовное законодательство Республики Беларусь : учеб.-практ. пособие. Минск : Тэхналогія, 2002. 140 с.
2. Юшин В. Ю. Историко-юридическая характеристика военно-уголовного законодательства России // Воен.-юрид. журн. М., 2008. № 4. С. 25—32.
3. Лосев В. В. Военно-уголовное законодательство Беларуси на современном этапе // Судовы веснік. 2000. № 3. С. 32—34.

Б. Ш. Шарипова, Н. Ф. Данилова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Достаточно серьёзный научный интерес представляет комплексная и многоплановая проблема, связанная с единством таких категорий, как права и свободы человека и принципы права, в частности, принцип презумпции невиновности.

Актуальность глубокого теоретического исследования взаимосвязи права личности на судебную защиту и указанного принципа непосредственно вызвана увеличением объёма научных знаний об их сущности, значении, социально-правовой природе, влиянии на практическую деятельность. Презумпция невиновности — важная конституционная гарантия прав личности, законности и стабильности. Именно по данной конституционной гарантии можно судить об уровне демократичности, гуманности и справедливости того или иного общества. Данное положение презумпции невиновности есть неотъемлемый элемент правового государства.

В связи с этим особую значимость приобретает реализация международного, конституционного, административного, уголовно-процессуального принципа презумпции невиновности. Презумпция невиновности, фактически признанная всем демократическим мировым сообществом, в настоящее время рассматривается не просто как принцип уголовного процесса, но приобретает особый статус в правовом регулировании. Являясь одной из важнейших гарантий обеспечения защиты гражданина от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, принцип презумпции невиновности влияет на положение человека в обществе и государстве.

Основной целью данной работы является исследование особенностей реализации права на презумпцию невиновности при осуществлении уголовного и административного процессов.

Прежде чем рассматривать современное состояние и значение принципа презумпции невиновности в национальном праве и обстоятельства, вызвавшие необходимость усовершенствования и дальнейшего развития указанного принципа, обратимся к форме выражения положения, находящегося в статье 26 Конституции Республики Беларусь, где указано, что «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [1].

На первый взгляд, суть данного принципа проста: каждый человек предполагается невиновным, пока его виновность не будет доказана в соответствии с законом. Этот принцип не позволяет считать человека виновным в совершении любого из видов общественно опасного деяния (уголовного преступления или административного правонарушения) на основании предположения, домыслов, сплетен, разговоров и версий, выдвигаемых как СМИ, так и представителями правоохранительных органов, непроверенных, не подтверждённых результатами оперативно-следственных мероприятий, экспертиз или любых иных сведений, полученных с нарушением установленного порядка, доказывания и методов поиска самих доказательств. Вышеуказанные обстоятельства являются следствиями, вытекающими из самого принципа презумпции невиновности.

Понятие презумпции невиновности формулируется во многих признаваемых Республикой Беларусь международно-правовых документах, например, во Всеобщей декларации прав человека (1948 год), в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 год) и т. д.

В Республике Беларусь термин «презумпция невиновности» был сформулирован лишь в 1999 году в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, где в части 1 статьи 16 содержится классическое определение презумпции невиновности: «Лицо, считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда» [2].

Презумпция невиновности есть проявление общей презумпции добропорядочности гражданина. Она обязывает орган, привлекающий лицо к ответственности, собрать достаточные доказательства, подтверждающие вину этого лица. Если этого не сделано, в силу данной презумпции лицо

считается невиновным. В этом качестве презумпция невиновности гражданина является надёжной гарантией прав и свобод личности.

Многие учёные считают принцип презумпции невиновности исключительно собственностью отраслевого, а именно уголовного и уголовно-процессуального права [3, с. 10]. Однако данный принцип определяет правовой статус обвиняемого во всех общественных отношениях, в которых он выступает в качестве одного из субъектов.

Как отмечалось ранее, Конституция Республики Беларусь закрепляет положения, отражающие сущность презумпции невиновности (статья 26). Из контекста данной статьи ясно, что её положения отнесены законодателем к сфере уголовного процесса. При этом сфера административного принуждения, по существу, остаётся без конституционного регулирования этого вопроса.

Привлечение к административной ответственности влечёт для лица последствия явно негативного характера, зачастую существенно влияя на его социальное и имущественное положение, а также может служить основой для серьёзных нравственных страданий лица. С этой точки зрения и представляется важным распространение в полной мере презумпции невиновности на административно-юрисдикционную сферу. Не вызывает сомнений, что для того чтобы гражданин был признан виновным в совершении административного правонарушения, необходимо доказать его вину, причём такого рода доказывание должно проводиться с исчерпывающей полнотой. Это означает также, что привлечение к административной ответственности не должно основываться на предположениях, пусть даже весьма вероятных и логически обоснованных. Статья 2.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях закрепляет принцип презумпции невиновности в административном процессе. Однако часть первая статьи 2.7 не указывает на то, что лицо считается виновным в совершении правонарушения после вступившего в силу постановления о наложении административного взыскания [4].

На основании вышеизложенного считаем целесообразным внести следующие изменения в действующее законодательство: 1) изложить статью 26 Конституции Республики Беларусь в следующей редакции: «Каждый человек имеет право считаться невиновным в совершении противоправного деяния, до тех пор, пока его вина не будет доказана и установлена в соответствии с законодательством, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты»; 2) изложить часть первую статьи 2.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях в следующей редакции: «Лицо считается невиновным, пока его виновность в совершении правонарушения не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и не будет установлена вступившим в законную силу постановлением о наложении административного взыскания».

Качественное оформление конституционных презумпций, осознание их социальной ценности является одной из первоочередных задач любого прогрессивного государства, ориентированного на интересы личности.

© Шарипова Б. Ш., Данилова Н. Ф., 2015

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск, 2014. 62 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Ларин А. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК 1997 // Рос. юстиция. 1997. № 9.
4. Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г. № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 июля 2014 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ АСПЕКТАХ

УДК 343.1

А. А. Белохвостик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ АДВОКАТУРЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проводится определённый анализ национального законодательства по формированию и деятельности института независимой адвокатуры в уголовном процессе Республики Беларусь.

В соответствии со статьёй 44 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь защитником в уголовном процессе является лицо, которое по основаниям и в порядке, предусмотренным Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывает им юридическую помощь. В качестве защитников в уголовном процессе участвуют адвокаты, являющиеся гражданами Республики Беларусь либо гражданами других государств в соответствии с международными договорами Республики Беларусь [1].

Республика Беларусь находится на этапе формирования нового уголовно-процессуального законодательства, в котором адвокатура приобрела огромную значимость. Наличие в государстве лиц, способных грамотно и квалифицированно оказать юридическую помощь, является залогом гармоничного существования общества в целом.

В соответствии с принятым 30 декабря 2011 года Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» адвокатура в Республике Беларусь представляет собой правовой институт, призванный оказывать в соответствии с Конституцией Республики Беларусь на профессиональной основе юридическую помощь в целях осуществления и защиты прав, свобод и интересов физических и юридических лиц. А адвокатская деятельность — это юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе адвокатами физическим лицам, в том числе индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам и государству в целях осуществления и защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию [2].

Данный закон призван комплексно регламентировать деятельность адвокатуры по оказанию юридической помощи. В нем впервые даны определения понятиям «адвокатская деятельность» и «юридическая помощь», закреплены основополагающие принципы адвокатской деятельности (законность, доступность юридической помощи, независимость адвокатов при осуществлении своей профессиональной деятельности и ряд других), детализированы и уточнены подходы к организации адвокатского самоуправления.

Законом значительно расширен перечень видов юридической помощи, оказываемой адвокатами, к которой, в частности, отнесены правовая работа по привлечению инвестиций в республику, проведение правовой оценки документов, совершение от имени и в интересах клиентов юридически значимых действий. Кроме того, адвокатам предоставлена возможность выступать в качестве примирителей, медиаторов и третейских судей.

Законом также предусмотрены новые организационные формы осуществления адвокатской деятельности. Адвокаты могут осуществлять адвокатскую деятельность не только в составе юридических консультаций, но и индивидуально или в адвокатском образовании в форме бюро. Данный закон способствует повышению профессионального уровня белорусской адвокатуры, усилению её роли в обеспечении конституционного права граждан на юридическую помощь. Следует отметить, что, в соответствии с принятым законом, адвокаты становятся единственными представителями на территории Республики Беларусь, которые имеют право в частном порядке представлять интересы клиентов в судах, в частности, общих и хозяйственных [2].

Обо всех плюсах и минусах закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» можно будет говорить по истечении более продолжительного времени после использования данного закона на практике. Однако по прошествии нескольких лет мы видим, что данный закон всё же не создал институт «независимой адвокатуры», что, безусловно, не может гарантировать соблюдение принципа состязательности и равенства сторон в уголовном процессе в полной мере.

Безусловно, адвокатура не может находиться вне зоны государственного контроля. Важно, однако, чтобы нормы закона о контрольных функциях государства были чётко прописаны и не допускали широкого толкования.

После принятия в новой редакции Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» Министерство юстиции Республики Беларусь разработало новые Правила профессиональной этики адвокатов. В них существенно расширяется компетенция министерства инициировать дисциплинарное производство в отношении адвокатов. По мнению некоторых аналитиков, это приведёт к тому, что адвокаты окажутся в полной зависимости от этого органа исполнительной власти [3].

Хочется обратить внимание на такое понятие, как «институт адвокатских расследований». Это понятие знакомо, прежде всего, по различным художественным фильмам. Данный институт, безусловно, на деле обеспечил бы возможность соблюдение принципа состязательности и равенства сторон в уголовном судопроизводстве.

Адвокатское расследование — это основанный на законе, опирающийся на правовые основы вид публично-правовой деятельности, осуществляемый адвокатом на досудебном производстве по уголовному делу в интересах подзащитного в целях выявления, установления и закрепления доказательств и обстоятельств, имеющих значение для защиты прав, свобод, законных интересов подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика [4]. Естественно, адвокатское расследование не призвано заменить деятельность следователей. Но иногда ситуация складывается таким образом, что государственные служащие что-то упускают из виду, и такие несущественные, на первый взгляд, детали оказывают огромное влияние на ход дела.

Преимущества адвокатских расследований: 1) данное расследование может проводится более скрупулёзно, тщательно, со сбором даже мельчайших фактов и доказательств; 2) адвокатское расследование направлено на защиту клиента; 3) сведения, собранные в ходе адвокатского расследования, в обязательном порядке учитываются при принятии судом решения по делу; 4) вся информация, добытая в ходе адвокатского расследования, собирается на законных основаниях и имеет юридическую силу.

Конечно, введение такого института в уголовный процесс Республики Беларусь требует серьёзного изменения законодательства, однако в конечном итоге будет запущен механизм, способствующий более качественному достижению целей и задач уголовного судопроизводства.

Таким образом, сегодня несмотря на большие изменения в законодательстве Республики Беларусь, связанные с деятельностью адвокатуры, необходимо отметить, что современная организационная система уголовного процесса должна содержать такой важнейший механизм, как институт «независимой адвокатуры». Внедрение ряда механизмов, в том числе «адвокатского расследования», будет способствовать повышению уровня законности, стабильности правовой системы, правильной работе важнейших принципов уголовного процесса: состязательности и равенства сторон, презумпции невиновности. Современное белорусское общество готово для столь серьёзных преобразований судебной системы.

© Белохвостик А. А., 2015

Список цитируемых источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. : текст Кодекса по состоянию 5 янв. 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000».

2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2012. № 2. 1/1884.

3. Юридическая компания «Кансл» [Электронный ресурс]. URL: http://counsel.by/news/obzor_zakonodatelstva/212.html (дата обращения: 18.04.2014).

4. Мартынич Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М. : Юнити, 2009. 173 с.

УДК 347.73

А. А. Пилипенко

Белорусский государственный университет, Минск

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПРОВЕРКИ ПРОВЕРЯЕМОМУ СУБЪЕКТУ

Анализируются формы выражения несогласия проверяемого субъекта с результатами проверки, проводимой на основании норм Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 года № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее — Указ № 510) и других нормативных правовых актов. Автор формулирует и обосновывает предложения, обеспечивающие функционально правовую совместимость действий должностных лиц контролирующего органа и проверяемого субъекта.

В соответствии с частью первой п. 59 Положения о порядке организации и проведения проверок, утверждённого Указом № 510 (далее — Положение) по итогам проверки, в ходе которой выявлены нарушения законодательства, составляется акт проверки. Своё несогласие с фактами, изложенными в акте проверки, проверяемые субъекты выражают в предусмотренных законодательством формах. Именно формы несогласия с актом проверки в системной взаимосвязи с процессуальными аспектами их выражения и станут предметом исследования данной статьи.

Составление акта проверки не предоставляет права контролирующему органу воздействовать на имущественные интересы проверяемого субъекта и взыскивать недоимки, штрафы, пени. Акт проверки — документ, в котором фиксируются (перечисляются) факты нарушения законодательства, служащие основанием для принятия соответствующего решения, т. е. это носитель информации о выявленных нарушениях.

Акт проверки подписывается должностным лицом контролирующего органа, проводившего проверку (руководителем проверки), и он в определённой степени выражает субъективное мнение проверяющих об итогах деятельности проверяемого субъекта с точки зрения её соответствия законодательству. В связи с этим акт проверки обжалован быть не может, поскольку не нарушает субъективных прав и законных интересов проверяемого субъекта и не содержит обязывающих указаний, не создаёт каких-либо препятствий для осуществления предпринимательской деятельности. В то же время проверяемый субъект может обжаловать действия (бездействие) проверяющих, объективизация которых и приобретает форму акту.

Указ № 510 предусматривает два способа доведения до сведения проверяющих (в длительном аспекте — контролирующего органа) точки зрения проверяемого субъекта на обстоятельства, отражённые в акте проверки: письменное изложение мотивов отказа от подписания акта проверки и представление возражений по содержанию акта проверки.

В контексте выражения несогласия проверяемого субъекта с выводами проверяющих важным представляется решение вопроса, на что именно (каково предметно-правовое поле) подаются возражения. На первый взгляд, ответ очевиден — на акт проверки в русле перманентного постулирования данного факта в законодательстве. Однако акт проверки базируется на определённых материалах, в основу которых положены различные документы (наряду с документами, исходящими от проверяемого субъекта, это и материалы встречных проверок, запросов контролирующих органов; документы, полученные в ходе проверки от третьих лиц; протоколы опросов физических лиц и др.). Иногда на практике проверяемому субъекту вручается только акт проверки без соответствующих документов (их копий), в то же время, чтобы составить мотивированные возражения

по акту проверки, проверяемый субъект должен обладать полной и достоверной информацией о результатах проверки, т. е. всеми имеющимися в распоряжении контролирующего органа материалами. В противном случае он не сможет полноценно реализовать предоставленное ему законодательством право на защиту, а именно право на подачу возражений по акту проверки.

Все документы, которые отражают положения акта проверки, являются неотъемлемой частью этого акта, поскольку позволяют определить объем и характер вменяемых правонарушений. Невручение по требованию проверяемого субъекта всех документов, находящихся в распоряжении контролирующего органа, фактически означает, что проверяемый субъект не в полном объеме ознакомлен с результатами проверки. Однако, в соответствии с абзацем десятым п. 6 Положения, контролирующие органы и проверяющие обязаны ознакомить представителей проверяемого субъекта с результатами проверки. Согласно части первой п. 59 Положения, акт проверки составляется по результатам проверки, т. е. в данном случае законодатель абсолютно верно исходит из разного нормативно-прикладного понимания правовых конструкций «результаты проверки» и «акт проверки» как соотношения общего и частного.

Проблема непредоставления контролирующим органом в распоряжение проверяемого субъекта всех документов, полученных при проведении проверки, имеет своё продолжение в хозяйственном судопроизводстве, когда в процессе рассмотрения дела проверяемый субъект обращается с ходатайством о предоставлении в его распоряжение всех документов, на основании которых выносилось обжалуемое решение. В такой ситуации (нередкой при проведении внеплановых проверок по поручению органов уголовного преследования) контролирующий орган ссылается на следственную тайну (часть первая статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 года) как объективно корреспондирующую связь между представлением материалов проверки и материалами уголовного дела, которые не могут быть представлены в суде до окончания производства по уголовному делу. В этом случае, поскольку в рамках уголовного дела исследуются обстоятельства, непосредственно связанные с делом, рассматриваемым в хозяйственном суде, по ходатайству контролирующего органа принимается решение о приостановлении производства по делу в соответствии со статьёй 145 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь от 15 декабря 1998 года (далее — ХПК).

Парадоксальная противоречивость указанной ситуации заключается в том, что в ходе судебного разбирательства контролирующий орган, в силу требований части третьей статьи 29 ХПК при рассмотрении заявления о признании ненормативного правового акта противоречащим законодательству, не может надлежащим образом исполнить свою обязанность по доказыванию соответствия вынесенного решения по акту проверки требованиям законодательства, а при рассмотрении всех документов проверки, не дожидаясь рассмотрения материалов уголовного дела (которые в его же юридико-терминологической интерпретации составляют следственную тайну), выносит решение по акту проверки, которое сам впоследствии на определённой стадии признает как недоказуемое с точки зрения обоснования его принятия.

Для проверяемого субъекта ситуация осложняется тем, что он лишён возможности участвовать в процессе рассмотрения материалов проверки, по которым принимается соответствующее решение, что фактически приводит к заочному обвинению.

Естественно, вышеупомянутая ситуация во многом обусловлена конкуренцией норм различных отраслей законодательства, приводящей к ограничению предусмотренного статьёй 19 ХПК принципа состязательности сторон (например, часть третья данной статьи устанавливает, что лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства). Однако и оценить как правомерные действия руководителя (заместителя руководителя) контролирующего органа, который вынес решение по акту проверки, во многом основанного на материалах уголовного дела, впоследствии постулируя невозможность его доказать (когда проверяемым субъектом оно обжалуется), не представляется возможным.

По нашему мнению, при решении вопроса о предоставлении или непредоставлении всех материалов проверки контролирующие органы должны чётко и последовательно исходить из конституционно-правового императива, предусмотренного частью второй статьи 34 Конституции Республики Беларусь, обязывающего государственные органы, общественные объединения, должностные лица предоставлять гражданину возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы. Данная норма, прямо связанная с правом граждан на

получение информации о деятельности государственных органов (часть первая статьи 34 Конституции Республики Беларусь), получила развитие в статье 6 «Право на информацию» Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее — Закон) в системной взаимосвязи с частью третьей статьи 34 Конституции Республики Беларусь, статье 17 «Информация, распространение и (или) предоставление которой ограничено» и статье 25 «Распространение и (или) предоставление информации» Закона, определяющих нормативно-правовые ограничения на предоставление информации. Так, абзац пятый части первой статьи 17 Закона к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, относит информацию, содержащуюся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах органов уголовного преследования и суда до завершения производства по делу. Однако в данном вопросе необходимо исходить из закреплённого частью второй статьи 34 Конституции Республики Беларусь статуса информации, имеющей непосредственное отношение к проверяемому субъекту (в соответствии с вышеуказанной правовой нормой — материалы, затрагивающие его права и законные интересы). Ограничение предоставления такой информации возможно (и в определённой степени необходимо) для сторонних организаций и третьих лиц.

Если же следовать позиции контролирующего органа и в какой-то мере хозяйственных судов, то предоставление информации для проверяемого субъекта, непосредственно заинтересованного в ней для реализации права на обжалование решения по акту проверки, подлежит ограничению, а для контролирующего органа на стадии проведения проверки и вынесения решения по акту проверки — нет.

Формализация несогласия с выводами проверяющих по результатам проверки в виде письменного изложения мотивов отказа от подписания акта проверки и представление возражений по его содержанию — важный оптимизационно-правовой механизм взаимодействия контролирующего органа и хозяйствующего субъекта в целях достижения баланса частных и публичных интересов.

Для нормативно-правового совершенствования реализации права проверяемого субъекта на представление возражений по акту проверки предлагаем закрепить обязанность контролирующего органа предоставлять проверяемому субъекту все результаты (материалы) проверки в целях реализации его конституционного права на получение информации.

© Пилипенко А. А., 2015

УДК 347.97

И. И. Семашко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОБ ОРГАНАХ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Рассматривается сущность понятия «правоохранительная деятельность» с целью определения органов, которые осуществляют правоохранительную деятельность.

Основные направления государства, через воплощение которых реализуется сущность и социальное назначение государства, именуются его функциями. Одной из функций государства является функция охраны конституционного строя, прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка [1, с. 84]. Реализуя правоохранительную функцию, государство осуществляет правоохранительную деятельность, наделяя государственные органы соответствующими полномочиями.

Рассмотрим сущность понятия «правоохранительная деятельность» с целью определения тех органов, которые осуществляют правоохранительную деятельность.

В теории права правоохранительная деятельность рассматривается в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова под правоохранительной деятельностью понимается деятельность всех государственных органов (законодательной, исполнительной, судебной власти), обеспечивающих

соблюдение прав и свобод граждан, их реализацию, законность и правопорядок [2, с. 15]. Для проведения нашего исследования мы будем рассматривать правоохранительную деятельность в узком смысле слова, которую С. В. Борико определяет как специализированную деятельность по правовой охране, осуществляемой созданными для этого правоохранительными органами государства. Для них эта деятельность является основной [3, с. 10].

Достаточно развёрнутое понятие правоохранительной деятельности приводит И. И. Мартинович: правоохранительная деятельность — это регулируемая законом деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц (специальных субъектов) по восстановлению нарушенного права и справедливости, обеспечению исполнения юридических обязанностей, применению в необходимых случаях мер государственного принуждения (юридических санкций) к лицам, посягающим на охраняемые законом интересы, в целях охраны прав и свобод граждан, конституционного строя, предупреждения правонарушений и нравственно-правового воспитания населения [4, с. 13].

Как правило, учёные, рассматривая содержание правоохранительной деятельности, указывают и систему органов, её выполняющих. К ним И. И. Мартинович относит суд, прокуратуру, органы предварительного расследования, органы юстиции, нотариат, правовую службу. По мнению И. И. Мартинович, в систему органов правоохраны следует включить адвокатуру, так как её деятельность по своей сущности является правоохранительной [4, с. 13].

В учебном пособии «Судоустройство в Республике Беларусь» В. Н. Бибило указывает на то, что правоохранительные органы реализуют специфические функции: конституционного контроля, правосудия, прокурорского надзора, расследования преступлений, оперативно-розыскной деятельности, исполнения судебных решений, оказания юридической помощи, предупреждения преступлений. Для выполнения этих функций государством учреждаются соответствующие органы. Например, для осуществления правосудия образуются суды, оказания юридической помощи — адвокатура и т. д. [5, с. 13].

Мы разделяем точку зрения А. Хурсевича и Б. Асаёнка, которые, рассматривая понятие и содержание правоохранительной деятельности прокуратуры в Республике Беларусь, однозначно указывают на то, что правоохранительная деятельность, как основной вид деятельности, осуществляется лишь теми государственными органами, которые имеют статус правоохранительных [6, с. 55].

Интерес представляет точка зрения российского учёного А. В. Гриненко, выделяющего судебные и правоохранительные органы и относящего к ним государственные органы и негосударственные образования, которые осуществляют, соответственно, правосудие или правоохранительную деятельность в целях охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также общества и государства от противоправных посягательств [7, с. 7]. В систему судебных и правоохранительных органов входят: суды, органы прокуратуры, органы внутренних дел Российской Федерации, органы Федеральной службы безопасности, органы Федеральной таможенной службы, органы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, органы предварительного расследования, а также некоторые органы Министерства юстиции Российской Федерации. В общую систему правоохранительных органов А. В. Гриненко включает адвокатуру, нотариат, частные детективные и охранные предприятия [7, с. 8—9].

По мнению В. Н. Галузо, является ошибочным включение адвокатуры и частного нотариата в перечень правоохранительных органов. Установив характер взаимосвязи правоохранительных органов с иными государственными и негосударственными органами, В. Н. Галузо выделяет группу правоприменительных — органов, содействующих правоохранительным органам в обеспечении правоохраны (налоговые и финансовые органы, нотариальные органы, адвокатура, частный нотариат и др.) [8, с. 112, 113].

Рассмотрим законодательное закрепление понятия «правоохранительные органы».

Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны», к должностным лицам правоохранительных органов относятся: 1) прокуроры, иные должностные лица прокуратуры, органов внутренних дел, государственной безопасности, финансовых расследований, а также другие должностные лица, осуществляющие в пределах своей компетенции в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь досудебное производство; 2) должностные лица оперативных подразделений государственных

органов, уполномоченных в соответствии с законодательством Республики Беларусь осуществлять оперативно-розыскную деятельность; 3) сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз, имеющие специальные звания, и лица гражданского персонала Государственного комитета судебных экспертиз из числа судебных экспертов; 4) должностные лица исправительных учреждений; 5) судебные исполнители; 6) военнослужащие внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь, принимающие непосредственное участие в пресечении преступлений, совершаемых незаконными вооружёнными формированиями и иными организованными группами и (или) их объединениями (преступными организациями) [9].

Некоторые из вышеуказанные государственных органов именуется правоохранительными в соответствии с теми нормативными правовыми актами, которые регламентируют их деятельность, например: 1) органы внутренних дел (статья 1 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [10]); 2) Следственный комитет Республики Беларусь (статья 1 Закона Республики Беларусь «О Следственном комитете Республики Беларусь» [11]); 3) органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь (статья 1 Закона Республики Беларусь «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» [12]).

Несмотря на то, что в законах «О прокуратуре Республики Беларусь» [13], «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» [14] отсутствует указание на то, что эти государственные органы относятся к числу правоохранительных органов, следует сделать однозначный вывод о том, что они относятся к их числу.

В отечественном законодательстве отсутствует определение термина «правоохранительные органы», но закреплено понятие государственного органа как образованной в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами организации, осуществляющей государственно-властные полномочия в соответствующей сфере (области) государственной деятельности [15].

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам: 1) государство для реализации функции охраны конституционного строя, прав и свобод граждан, обеспечения законности и правопорядка создаёт специальные правоохранительные органы (которые осуществляют правоохранительную деятельность), а также организации, содействующие правоохранительным органам в обеспечении деятельности по правовой охране; 2) на наш взгляд, к числу правоохранительных органов следует относить исключительно государственные органы (например, органы внутренних дел, органы финансовых расследований, органы прокуратуры, органы государственной безопасности), а к числу организаций, содействующих правоохранительным органам в обеспечении деятельности по правовой охране, — адвокатуру, нотариат.

© Семашко И. И., 2015

Список цитируемых источников

1. Вишневецкий А. В. Общая теория государства и права : курс лекций. Минск : Тесей, 2005. 336 с.
2. Савюк Л. К. Правоохранительные органы. М. : Юристъ, 2001. 509 с.
3. Борико С. В. Судостроительство и прокурорский надзор (правоохранительные органы). Минск : Фонд развития и поддержки независимых науки и высшей школы, 1998. 298 с.
4. Судостроительство : учеб. / А. А. Данилевич [и др.] ; под ред. А. А. Данилевича, И. И. Мартинович. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Амалфея, 2010. 464 с.
5. Бибило В. Н. Судостроительство в Республике Беларусь. Минск : Право и экономика, 2000. 384 с.
6. Хурсевич А., Асаёнок Б. Понятие и содержание правоохранительной деятельности прокуратуры в Республике Беларусь // Законность и правопорядок. 2014. № 1 (29). С. 54—58.
7. Гриненко А. В. Судостроительство и правоохранительные органы в вопросах и ответах : учеб. пособие. М. : Проспект, 2013. 232 с.
8. Галузо В. Н. Теория правоохраны в Российской Федерации : pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110—113.
9. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны [Электронный ресурс] : Закон Респ.

Беларусь, 13 дек. 1999 г., № 340-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 130-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

10. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

11. О Следственном комитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 403-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

12. Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2008 г., № 414-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

13. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

14. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

15. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 343.261:343.121.5

И. Х. Гаппоева

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Кыргызско-Российский Славянский университет», Бишкек, Кыргызская Республика

ПРИМЕНЕНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ

Рассматриваются проблемы применения лишения свободы к несовершеннолетним как исключительной меры наказания, так как именно этот вид наказания может вызвать коренные изменения в сознании подростка, повлечь его дальнейшее исправление и возврат к законопослушному образу жизни. В науке уголовного права существуют различные позиции относительно необходимости и целесообразности применения наказания в виде лишения свободы к несовершеннолетним.

На протяжении последних лет негативные качественные изменения преступности несовершеннолетних, фиксируемые в отечественной криминологической науке и практике, вызывают к жизни всё новые и новые исследования, задачей которых является поиск эффективных мер воздействия на криминальную активность подростков. Современный этап развития общества сопровождается ростом социальных и экономических проблем, ослаблением института семьи, увеличением количества разводов и неполных семей, насилием в семьях и многими другими факторами, что оказывает значительное воздействие на воспитание детей. Результатом этого процесса явился рост числа безнадзорных и беспризорных детей, увеличение распространения в детской и подростковой среде наркотиков и различных психотропных препаратов, алкоголя и, как следствие, увеличение числа правонарушений среди несовершеннолетних. Вопрос о несовершеннолетних в системе уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства стоит достаточно остро и злободневно.

Устанавливая особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, законодатель должен исходить в первую очередь из современных научных представлений о психологических особенностях таких правонарушителей. Структура поведения несовершеннолетних, отличающаяся недостаточным усвоением социальных норм и неспособностью привести поведение в соответствие с этими нормами, свидетельствует о недопустимости использования в отношении несовершеннолетних тех же мер воздействия, что и в отношении взрослых. Поэтому реакция государства на преступление несовершеннолетнего должна быть выражена не столько карательным воздействием (исключение — особо тяжкие преступления), сколько коррекцией социального окружения и устранением последствий его недостаточной социализации.

Уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики не рассматривает судопроизводство по делам подростков как процедуру, коренным образом отличающуюся от разбирательства уголовных дел взрослых, и судебная система больше ориентирована на выполнение карательных, а не воспитательных функций, тогда как государство и общество должны реагировать на преступления подростков так, чтобы возвращать их в общественную жизнь в качестве полноценных личностей. Необходим особый подход как к привлечению к уголовной ответственности, так и к назначению наказания несовершеннолетним в силу социальных, морально-этических и психических факторов. Социальная потребность закрепления особого порядка уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних заключается в том, что с учётом особенностей интенсивно развивающейся психики подростка необходимая достаточность уголовного-правового воздействия на несовершеннолетних преступников может быть достигнута в большинстве случаев посредством применения к ним смягчённых или других мер воздействия. Система мер уголовного-правового воздействия в отношении несовершеннолетних, закреплённая в отечественном законодательстве,

не в полной мере соответствует требованиям международного права, а именно в части придания несовершеннолетнему особенного правового статуса в рамках уголовно-правовых правоотношений. Среди мер уголовно-правового воздействия, применяемых к несовершеннолетним, выделяют: принудительные меры воспитательного воздействия, наказание, условное осуждение и иные. В теории уголовного права распространённой является точка зрения о необходимости назначения несовершеннолетним мер, не связанных с лишением свободы. Данное мнение выражено не только в доктрине, но и в актах международного права. В частности, международным правом установлено, что «решения об ограничении личной свободы несовершеннолетнего должны приниматься только после тщательного рассмотрения вопроса, и ограничение должно быть по возможности сведено до минимума», а также «помещение несовершеннолетнего в какое-либо исправительное учреждение всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока» [1].

Наиболее суровой мерой воздействия, применяемой в отношении несовершеннолетних, является лишение свободы на определённый срок. В уголовном праве Кыргызской Республики лишение свободы рассматривается в качестве исключительной меры для несовершеннолетних. Представляется, что и правоприменительная практика должна соответствовать данным требованиям законодательства. Тем не менее лишение свободы продолжает оставаться одним из самых распространённых видов наказания. При рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних судам необходимо руководствоваться конвенцией «О правах ребёнка», Минимальными стандартными правилами Организации Объединённых Наций, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), Законом Кыргызской Республики «Об охране и защите прав несовершеннолетних» от 22 ноября 1999 года и другими нормативными правовыми актами, касающимися прав и свобод несовершеннолетних. Судопроизводство по делам этой категории должно: 1) обеспечить своевременное и качественное рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних и строгое соблюдение требований специальных норм материального и процессуального законодательства; 2) максимально способствовать обеспечению интересов и защиты законных прав несовершеннолетних, назначению справедливого наказания и предупреждению совершения новых преступлений.

Несовершеннолетние, которые совершили преступления, не представляющие большой общественной опасности, иногда осуждаются к лишению свободы, тогда как их исправление и перевоспитание могли быть достигнуты без изоляции от общества. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда Кыргызской Республики, суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой тяжести или менее тяжкие, если их исправление может быть достигнуто путём применения принудительных мер воспитательного воздействия. Также при назначении наказания суды должны учитывать условия жизни и воспитания подростка [2]. В этой связи судебная практика исходит из отношений в семье, характеристики родителей, характера отношений между несовершеннолетним, его родителями и близким окружением, связей, отношения к учёбе (работе), отношения к подростку в учебном заведении, на работе, учитывают иные факторы, связанные с условиями жизни. Уровень психического развития подростка связан с состоянием его интеллекта, воли, чувств, определяющих способность управлять своим поведением, способность предвидеть и правильно оценить последствия своих действий и планировать их, правильно определить свои цели и достигать их.

Имеются случаи назначения судами уголовного наказания несовершеннолетним, совершившим малозначительные преступления. На наш взгляд, постановления Пленума Верховного суда Кыргызской Республики недостаточно, и правило о приоритетном применении альтернативных наказанию мер должно быть сформулировано в законе. Необходимость применения к несовершеннолетним лишения свободы лишь в качестве исключительной меры и расширенного применения альтернативных лишению свободы мер подчёркивается также и в научной литературе. В рамках действующего законодательства такую возможность содержат принудительные меры воспитательного воздействия, виды наказаний, не связанные с изоляцией от общества, а также условное осуждение.

Необходимо отметить, что по Уголовному кодексу Кыргызской Республики принудительные меры воспитательного воздействия применяются при нецелесообразности отбывания несовершеннолетним наказания, что некоторым образом сближает их с условным осуждением, которое, напротив, нашло широкое применение в судебной практике. В связи с этим возникает вопрос: почему правоприменитель при отсутствии необходимости реального отбывания наказания в большинстве случаев отдаёт предпочтение условному осуждению, а не принудительным мерам воспитательного

воздействия? Представляется, что причины этого отчасти заключаются в недостаточно полной законодательной регламентации воспитательных мер. Так, при отмене данных мер закон не конкретизирует, в каких именно случаях возможна такая отмена, и не указывает на пределы ответственности несовершеннолетнего, тогда как порядок отмены условного осуждения детально регламентирован, и в этом плане права несовершеннолетнего при условном осуждении являются более защищёнными [3, с. 19]. В юридической доктрине также высказывается мнение о том, что необоснованно редкое применение рассматриваемых мер связано с отсутствием чётких критериев разграничения случаев применения к несовершеннолетним условного осуждения и принудительных мер воспитательного воздействия [4, с. 187]. Представляется, что это не совсем верно. Условия применения принудительных мер воспитательного воздействия в законе прописаны. К их числу относятся: несовершеннолетний возраст лица, совершение преступления небольшой тяжести или менее тяжкого преступления, возможность исправления путём назначения принудительных мер воспитательного воздействия. С нашей точки зрения, нечёткость законодательной формулировки связана с тем, что освобождение от уголовной ответственности или наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия рассматривается законом в качестве возможности, но не обязанности суда. На наш взгляд, в Уголовном кодексе Кыргызской Республики целесообразно указать, что при наличии названных выше критериев суд освобождает (т. е. обязан освободить) несовершеннолетнего от уголовной ответственности или наказания с назначением принудительных мер воспитательного воздействия.

Законодатель безусловно подчёркивает особый подход к реализации уголовной ответственности несовершеннолетних и назначению им наказания в силу социальных, морально-этических и психических факторов, но, на наш взгляд, система мер воздействия в отношении несовершеннолетних по Уголовному кодексу Кыргызской Республики должна быть реформирована в направлении расширения применения мер воздействия, не связанных с лишением свободы. Проблема реабилитации и ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, всегда очень остро стояла в нашем обществе и на всём протяжении современной истории решалась одинаково неудовлетворительно; но ещё большую остроту имеет проблема реабилитации несовершеннолетних. Люди в более зрелом возрасте имеют какой-либо жизненный опыт до заключения, профессию, к которой могут вернуться, семью, за которую нужно нести ответственность; а у несовершеннолетних, отбывших заключение, ничего этого нет. А порой после выхода на свободу бывший несовершеннолетний заключённый узнаёт, что и жилья у него нет, — квартиру продали или разменяли. Ведь большинство несовершеннолетних заключённых выросли в неблагополучных семьях, и моральные устои их родителей абсолютно не гарантируют родительскую заботу.

Комплексно оценивая достижения и недостатки Уголовного кодекса Кыргызской Республики в борьбе с преступностью несовершеннолетних, следует отметить его способность в целом противостоять этому социально негативному явлению, но в то же время нормы уголовного закона подлежат дальнейшей существенной доработке. Применение положений о наказании несовершеннолетних в определённой мере показывает неработоспособность предусмотренной законом системы наказаний, специально созданной для указанной категории лиц. Причина этого видится в несогласованности принципов уголовной ответственности с уголовно-правовыми формами их реализации в отношении несовершеннолетних как особых субъектов уголовно-правовых отношений. Исходя из этого, необходимость совершенствования системы уголовных наказаний несовершеннолетних и повышение её эффективности как основного средства в предупреждении преступности рассматриваемой категории лиц очевидна.

© Гаппоева И. Х., 2015

Список цитируемых источников

1. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] : приняты 29 нояб. 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление пленума Верхов. Суда Кыргыз. Респ. от 2 апр. 2003 г. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Новиков Р. В. Институт применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним нуждается в совершенствовании // *Вопр. ювенал. юстиции*. 2007. № 5. С. 19—22.

4. Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 187.

УДК 343.2/.7(4/9)
10.77.91

А. А. Ескенди́ров

Алматинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан, Алматы, Казахстан

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Исследование посвящено вопросам международной интеграции в сфере ювенальной юстиции. Значительную роль в деле профессионального взаимобмена играет международная практика и её как положительные, так и отрицательные стороны. Немалую роль в связи с этим автор отводит государственным органам и общественным организациям. Государство должно приложить все силы по развитию основных положений законодательства в отношении несовершеннолетних во всех сферах их жизнедеятельности в целях формирования здорового поколения казахстанцев.

Значимость для Казахстана международных нормативных-правовых документов заключается в том, что политика обращения с несовершеннолетними, совершающими правонарушения, должна включать в себя международные стандартные правила и находить отражение в проведении следующих мер: 1) осуществление превентивных мер профилактического характера (Конвенция ООН «О правах ребёнка»); 2) социальная адаптация и реабилитация; 3) обеспечение гарантий соблюдения прав человека в отношении несовершеннолетних правонарушителей (Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних); 4) применение мер, альтернативных лишению свободы (Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних); 5) осуществление ареста, задержания или уголовного наказания ребёнка лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода времени (Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишённых свободы).

Задачи международного сотрудничества требуют неотложного решения, важного для всего человечества. Объектом исследования в процессе такого сотрудничества выступает национальное законодательство и судебная практика ряда стран мирового сообщества, тем самым выступая базой для разработки международных стандартов и правил.

Совершенно верно отметила Э. Б. Мельникова, что «международные исследования в области уголовной статистики, касающиеся преступности несовершеннолетних и связанных с ней показателей социальной статистики, изучение причин преступности несовершеннолетних, личности юных преступников проводятся в гораздо более широком диапазоне, глубже анализируют типичные признаки, в них точнее происходит отсев случайных признаков, чем на национальном уровне» [1, с. 162].

Объяснением этому служит факт, что национальное законодательство и следственно-судебная практика значительного числа стран, будучи обобщённой, перестаёт быть отличительной чертой той или иной правовой системы, а выступает в качестве типичного образца международного права.

Как показывает международная практика, сотрудничество такого масштаба всегда начинается с обмена делегациями и группами исследователей, изучения зарубежной и национальной практики, разработки пилотных программ и проектов. Впоследствии содержание инициативных групп трансформируется в создание международных общественных организаций (в том числе неправительственных и т. д.) или организации, состоящих под эгидой государств-участников региона (континента).

В рамках таких международных организаций проводимые научно-практические исследования носят рекомендательный характер, однако при углублённом изучении кардинальным образом влияют на содержание научных разработок и процесс их апробации на практике.

Создание международных организаций по проблемам ювенальной юстиции — процесс постепенный и трудоёмкий. Создавался банк информации, укреплялись профессиональные связи

судей по делам несовершеннолетних на международном уровне. В 1928 году была создана первая в мире Международная ассоциация судей для детей. На I конгрессе ассоциации, в июле 1928 года, был принят её устав, где определены и её цели, к которым были отнесены требования по неукоснительному соблюдению прав и свобод несовершеннолетних, недопустимости судебного произвола и т. д. В 1930 году данная ассоциация была переименована в Международную ассоциацию магистрантов по делам несовершеннолетних (МАМН). Впоследствии в компетенцию данной организации вошли вопросы семейного благополучия, защиты семьи и детства, что затем привело к изменению в 1978 году названия ассоциации в Международную ассоциацию магистрантов по делам несовершеннолетних и семьи (МАМНС).

Среди ряда международных организаций, которые не ставили специальной цели изучения проблем ювенальной юстиции, но их правозащитная деятельность была с ней тесно связана, а поэтому требовала изучения и внимания, следует отметить Международное общество социальной защиты (1947 год), Международную ассоциацию уголовного права (1924 год) и т. д.

Современное международное сотрудничество в области ювенальной юстиции приобретает все новые, глобальные и более значимые черты, когда вопросы отправления правосудия в отношении несовершеннолетних были включены в работу исследовательских центров ООН (Вена, Австрия), её фондов (ЮНИСЕФ), комитетов и экспертных групп.

Многовекторность деятельности ООН и её структурных подразделений (центры, комитеты, фонды и т. д.) в полной мере раскрывает масштабы и тенденции международного сотрудничества в области защиты семьи и детства, борьбы с подростковой преступностью и отправления правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Особое место в области международного сотрудничества по проблемам ювенальной юстиции занимают международные научные проекты, в которых государства-участники либо выполняют общие задачи, внося в проект свой национальный вклад, либо выбирают в совместном исследовании какой-то раздел, наиболее важный для данной страны и для развития её правовой науки и судебной практики. В рамках таких проектов с участием нескольких стран можно глубоко и основательно изучить проблематику исследований, сформулировать научные концепции, а также внести предложения и рекомендации по совершенствованию международного и национального законодательства.

Международное сотрудничество в области ювенальной юстиции включает проведение региональных исследований преступности среди несовершеннолетних, нередко как под эгидой государственных органов власти, так и при участии международных и зарубежных организаций. В процессе исследований во внимание берутся особенности национального законодательства, проводится анализ судебной практики и т. д.

В качестве объекта исследований можно рассмотреть вопросы обучения и устройства досуга детей, профилактики преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних, уголовного преследования и наказания в отношении несовершеннолетних в масштабах Казахстана и Центральной Азии (в том числе и Афганистана): 1) вопросы занятости и досуга несовершеннолетних (малолетних); 2) незаконная эксплуатация детского труда; 3) детская проституция; 4) профилактика алкоголизма и наркомании среди детей и молодёжи; 5) участие общественности и представителей традиционных религиозных конфессий в морально-нравственном воспитании детей и молодёжи; 6) возрастные особенности уголовной ответственности; 7) виды уголовных наказаний как без изоляции от общества, так и связанных с ней, назначаемые в отношении несовершеннолетних; 8) проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних (малолетних) в преступную и антиобщественную деятельность (вплоть до участия в локальных военных конфликтах); 9) институт пробации.

Современные международные исследования в области борьбы с преступностью несовершеннолетних и наказания должны осуществляться в следующих направлениях: 1) анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними и малолетними; 2) разработка мер профилактики преступности несовершеннолетних (малолетних), с преобладанием мер воспитательного воздействия; 3) мониторинг следственно-судебной и пенитенциарной практики; 4) разработка нормативно-правовых актов, способствующих укреплению международного сотрудничества в данной области.

Знаковым событием в деле защиты прав подрастающего поколения стало принятие на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Конвенции «О правах ребёнка» от 20 ноября 1989 года, к которой в 1993 году присоединилась Республика Казахстан. В Казахстане в соответствии

с международными документами созданы основы национального законодательства, направленного на защиту интересов детей, а также принят ряд законов в этой области [2, с. 110].

Так, в Уголовном кодексе Республики Казахстан вопросам уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних посвящён раздел VI «Уголовная ответственность несовершеннолетних» (статьи 80—90). С 7 июля 2004 года действует Закон Республики Казахстан № 581 «О государственной молодёжной политике в Республике Казахстан», с 9 июля 2004 года — Закон Республики Казахстан № 591-III «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности», 19 августа 2008 года Указом Президента Республики Казахстан № 646 была принята Концепция развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009—2011 годы и т. д.

В заключение отметим следующее: 1) необходимо переходить от разовых акций и краткосрочных разработок к многосторонним исследованиям мирового масштаба с внедрением программ и проектов; 2) следует проводить крупномасштабную пропаганду положительной практики международных исследований в области ювенальной юстиции с охватом тех стран, где данный институт не внедрён или находится на стадии пилотного проекта, тем самым, сокращая им время и средства на поиск приемлемой модели; 3) заинтересованность и поддержка со стороны государств-участников обеспечит непрерывность процесса исследования, оценки и внедрения передовых идей, а также послужит базой для создания последующих грандиозных проектов; 4) поступательные действия в области ювенальной юстиции и пенитенциарной практики в отношении несовершеннолетних необходимы для широкого и комплексного развития судебной ветви власти.

Перевод исследований на международный уровень, определение типичных и случайных признаков, выработка международных стандартов функционирования помогут создать совершенно новую и современную ювенальную юстицию как юрисдикцию, имеющую общегуманитарную ценность.

© Ескендиоров А. А., 2015

Список цитируемых источников

1. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учеб. пособие. М. : Дело, 2000. 272 с.
2. Ювенология : учеб. / под общ. ред. Н. О. Дулатбекова. Алматы : Жеты Жаргы, 2008. 424 с.

УДК 343.271

В. И. Жучко, Ю. И. Занько, А. Г. Кипель

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА

Рассматривается такой вид уголовного наказания, как штраф. Автором анализируются вопросы назначения штрафа, а также сравнивается применение штрафа как вида наказания в Республике Беларусь и России.

Слово «штраф» происходит от немецкого «strafe», что означает денежное взыскание, меру имущественного воздействия на лиц (граждан, юридических лиц), виновных в нарушении определённых правовых норм [1].

Штраф — одна из карательных мер, альтернативных лишению свободы, и один из видов наказания, который известен со времён римского права.

В самом раннем из дошедших до современных исследователей источнике древнерусского права — «Русской правде» — штраф упоминается под названием «вира». По мере эволюции

общества и государства штраф претерпел значительную трансформацию по содержанию, назначению и дифференциации применения в соответствии с определёнными принципами.

Уголовное законодательство советского периода содержало нормы о штрафе, правовое регулирование которого изменялось в ходе развития и совершенствования данного института. Именно в советский период было закреплено законодательное определение штрафа, используемое до настоящего времени.

Если обратиться к международной правоприменительной практике, то станет очевидным, что штраф является одним из наиболее распространённых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, являясь при этом едва ли не самым действенным методом исправления осуждённого и предупреждения совершения новых преступлений. Так, например, Уголовный кодекс (далее — УК) ФРГ в качестве основных видов наказания предусматривает всего два: лишение свободы и денежный штраф.

Согласно действующему уголовному законодательству Республики Беларусь, штраф является одномоментным наказанием, где применение средств исправления исключается, именно по этой причине назначение штрафа должно определяться, в первую очередь, не категорией совершённого преступления, а степенью криминальной поражённости лица, его совершившего. Очевидно, что более эффективно штраф будет воздействовать на лиц, впервые совершивших преступления, нежели на тех, кто был ранее судим [2]. Объём карательного воздействия штрафа напрямую связан с его размером. И это самый трудный вопрос, разрешаемый судом при постановлении приговора [3].

Если размер штрафа не будет соответствовать степени тяжести совершённого преступления, то будет нарушен принцип справедливости, и карательное воздействие на преступника будет незначительным. Если размер назначенного штрафа будет меньше причинённого ущерба, то вряд ли можно говорить о достижении превентивной цели наказания. Важно определить такой размер наказания, чтобы он был посильным для уплаты, а не превратился в средство разорения осуждённого.

В настоящее время в УК Республики Беларусь насчитывается 234 статьи, санкции которых предусматривают штраф в качестве альтернативного основного либо дополнительного вида наказания. Это примерно 58,47% от общего количества статей Особенной части УК. Для сравнения, в УК Российской Федерации таких статей 185, что составляет примерно 61,9% от общего количества статей Особенной части УК.

Существует ряд отличий в правовом регулировании применения штрафа как вида наказания в Республике Беларусь и России. Так, в УК Республики Беларусь в отличие от УК Российской Федерации отсутствуют положения о том, что размер штрафа определяется судом с учётом имущественного положения семьи и возможности получения осуждённым заработной платы или иного дохода. Не предусмотрена в УК Республики Беларусь и возможность назначения судом штрафа с рассрочкой выплаты определёнными частями на срок до трёх лет.

Процедура отсрочки или рассрочки выплаты штрафа в Республике Беларусь несколько усложнена по отношению к подобной процедуре в Российской Федерации, так как согласно статьями 29 и 30 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь она может быть реализована лишь на стадии исполнения наказания в виде штрафа, тогда как в Российской Федерации данный вопрос решается в процессе назначения наказания.

Уголовное законодательство Российской Федерации определило наиболее опасные преступления, за совершение которых суд имеет возможность назначить максимальный размер штрафа. В Республике Беларусь суд сам должен определять максимальный размер штрафа в каждом конкретном случае, что, по нашему мнению, менее удобно и может привести, в силу субъективного отношения суда, к определённым судебным ошибкам.

Анализируя пределы штрафных санкций, следует отметить, что минимальный размер штрафа в России в 3 раза меньше, чем в Беларуси, а максимальный, наоборот, почти в 2,5 раза больше. Можно сказать, что система штрафа в Российской Федерации является более гибкой, позволяющей полнее использовать возможности данного вида наказания.

Представляется необходимым изменить подход к штрафным санкциям с учётом материального положения граждан Республики Беларусь и уровня их доходов: 1) определять размер штрафа с учётом материального положения не только осуждённого, но и его семьи; 2) увеличить сроки уплаты штрафа на период до 3 лет.

Список цитируемых источников

1. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. С. 1506.
2. Васильева Т. В. Назначение и исполнение уголовного наказания в виде штрафа: социально-правовые проблемы : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2004.
3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление № 2 Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 11 янв. 2007 г. // Бюл. ВС РФ. 2007. № 4. С. 7.

УДК 343.3

Я. В. Каплич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Рассмотрен порядок исполнения наказания в виде ограничения свободы. Проанализированы судебная практика его назначения и точки зрения учёных на эффективность назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы.

Актуальность темы определяется тем, что одной из задач концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года № 672, является расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, а также принятие мер по оптимизации наказания в виде ограничения свободы [1].

Согласно статье 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь ограничение свободы состоит в наложении на осуждённого обязанностей, ограничивающих его свободу, и нахождении его в условиях осуществления за ним надзора органами и учреждениями, ведающими исполнением наказания.

Согласно части четвёртой статьи 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь ограничение свободы не может быть назначено: 1) военнослужащим срочной военной службы; 2) иностранным гражданам и не проживающим постоянно в Республике Беларусь лицам без гражданства.

Ограничение свободы устанавливается на срок от шести месяцев до пяти лет. Ограничение свободы назначается как основное наказание. В качестве дополнительных к нему могут быть назначены штраф, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, лишение воинского или специального звания, конфискация имущества.

Наказание в виде ограничения свободы может быть двух видов: 1) ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа; 2) ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа (далее — ИУОТ).

Ограничение свободы с направлением в ИУОТ согласно части пятой статьи 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь не может быть назначено: 1) лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора; 2) женщинам в возрасте свыше пятидесяти пяти лет и мужчинам в возрасте свыше шестидесяти лет; 3) беременным женщинам; 4) женщинам и одиноким мужчинам, воспитывающим детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов; 5) инвалидам; 6) лицам, которым назначены принудительные меры безопасности и лечения, лицам, больным активной формой туберкулёза, ВИЧ-инфицированным, больным СПИДом либо не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания.

Порядок исполнения наказания в виде ограничения свободы регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь. Согласно статье 44 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, осуждённые к ограничению свободы с направлением в ИУОТ отбывают наказание в данных учреждениях с учётом условий, необходимых для их исправления, обеспечения безопасности и предупреждения совершения ими преступлений. Порядок организации работы ИУОТ определяется Министерством внутренних дел Республики Беларусь [2].

Осуждённые к ограничению свободы без направления в ИУОТ отбывают наказание по месту постоянного жительства. Осуждённые к ограничению свободы без направления в ИУОТ привлекаются к отбыванию наказания уголовно-исполнительной инспекцией не позднее десятидневного срока со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию копии приговора и письменного распоряжения суда об исполнении приговора. Такие осуждённые обязаны явиться по вызову уголовно-исполнительной инспекции для постановки на учёт и получения письменного уведомления о порядке и условиях отбывания наказания.

В настоящее время случаи назначения наказания в виде ограничения свободы по сравнению с 2001 годом увеличились почти в 2 раза, особенно эта тенденция усилилась в последние годы при введении нового вида ограничения свободы — без направления в ИУОТ.

Так, за 2012 год удельный вес ограничения свободы с направлением в ИУОТ составил в системе применяемых наказаний 5,2%, а без направления осуждённых в такие учреждения — 11,3%. Примерно такое же соотношение применяемых видов ограничения свободы было в 2010 году (7,3 и 13,0%) и 2011-м (6,7 и 12,3%) [3, с. 112]. Также стоит отметить, что данное наказание заменило собой исправительные работы, объём назначения которых сократился более чем в 2 раза.

В юридической литературе неоднозначно определяется эффективность применения данного вида наказания. В одной из своих работ профессор В. М. Хомич отмечает, что ограничение свободы в силу качественной неопределённости карательных свойств, несоответствия личностным качествам осуждённых, отсутствия должной системы организации исполнения и надзора за осуждёнными не стало серьёзным предупредительным и социализирующим наказанием. Более 60,0% осуждённых, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, не воспринимают его в качестве серьёзного наказания. Поэтому В. М. Хомич предлагает реорганизовать ограничение свободы с направлением в ИУОТ в осуждение к лишению свободы (в пределах пяти лет) условно с обязательным привлечением осуждённого к труду в местах, определяемых администрацией уголовно-исполнительной системы [4, с. 8, 9]. Профессор Г. А. Василевич предлагает вообще исключить такой вид наказания, как ограничение свободы без направления в ИУОТ [5, с. 41]. По мнению В. И. Красикова, ограничение свободы с направлением в ИУОТ, как альтернатива лишению свободы, подтверждает свою эффективность, так как ИУОТ позволяют существенно экономить бюджетные средства для реализации такого вида наказания, обеспечить рабочей силой сельскохозяйственные структуры, что в данный момент актуально для Беларуси, и не применять лишение свободы для трудоспособных граждан, не нуждающихся в изоляции от общества [6, с. 142].

На наш взгляд, ограничение свободы нельзя исключать из системы наказаний, предусмотренных уголовным законодательством Республики Беларусь, следует лишь определить условия назначения данного вида наказания.

Заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь А. Стук, подводя промежуточные итоги выполнения целей, предусмотренных концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, указывает на то, что применение наказания в виде ограничения свободы остаётся одним из доминирующих в структуре наказаний (17,0%), преимущественно за счёт назначения ограничения свободы без направления в ИУОТ (11,0%). Также А. Стук отмечает, что в регионах практика назначения данного вида наказания не единообразна. В Минске, например, ограничение свободы без направления в ИУОТ применено к 18,0% осуждённых, в Могилёвской области — к 4,0%. В то же время к ограничению свободы с направлением в ИУОТ в Могилёвской области осуждено около 10,0% лиц, а в Витебской области — 5,0%. Принимая во внимание суть и специфику отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ, его назначение, по мнению А. Стука, во-первых, не должно быть значительным, и, во-вторых, распространяться на чётко ограниченную категорию лиц.

Правоприменительная практика показывает, что исправление осуждённых посредством возложения на них правоограничений возможно только в отношении лиц, не связанных с субкультурой мест лишения свободы. Поэтому ограничение свободы без направления в ИУОТ, по мнению А. Стука, должно применяться только к лицам, впервые осуждаемым к ограничению свободы за умышленные преступления либо осуждаемым за совершение преступлений по неосторожности [7, с. 8].

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что ограничение свободы является наказанием, альтернативным лишению свободы. В целях эффективности применения данного вида наказания необходимо назначать ограничение свободы без направления в ИУОТ исключительно лицам, которые впервые осуждены к ограничению свободы за умышленные преступления либо осуждены за совершение преступлений по неосторожности.

© Каплич Я. В., 2015

Список цитируемых источников

1. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

3. Правонарушения в Республике Беларусь : стат. сб. / редкол.: В. И. Зиновский [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. 174 с.

4. Хомич В. М. О Концепции совершенствования мер уголовной ответственности и порядка их применения // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2010 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А. В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2010. С. 3—11.

5. Красиков В. С. Уголовно-исполнительная система в концепции реформирования // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2010 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А. В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2010. С. 138—144.

6. Василевич Г. А. Оптимизация мер уголовной ответственности // Законность и правопорядок. 2010. № 1. С. 40—43.

7. Стук А. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения : промежуточные итоги // Законность и правопорядок. 2014. № 4 (32). С. 6—10.

УДК 343.8

Ю. А. Карпович, М. А. Заволокина

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Исследование посвящено исправительным работам как виду уголовного наказания в Республике Беларусь. Рассматриваются его характеристики и значение как вида уголовного наказания.

Согласно статье 52 Уголовного Кодекса Республики Беларусь исправительные работы устанавливаются на срок от шести месяцев до двух лет и отбываются на основании приговора суда по месту работы осуждённого. В то же время из заработка осуждённого к исправительным работам по месту основной работы, производится удержание в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от 10 до 25%, но не менее 1 базовой величины в месяц. Исполнение исправительных работ возложено на уголовно-исполнительные инспекции, которые ведут учёт осуждённых, разъясняют порядок и условия отбывания наказания и исполнения требований приговора администрации организаций, в которых работают осуждённые, контролируют поведение осуждённых, при необходимости направляют их в органы службы занятости для трудоустройства, применяют меры поощрения и взыскания, а также устанавливают обязанности и запреты, выдают

разрешение на увольнение осуждённых с работы по собственному желанию. Место отбывания наказания — предприятия, учреждения и организации любой формы собственности, поскольку на каждое из них распространяются конституционные гарантии и положения трудового законодательства. Исполнение наказания в виде исправительных работ инспекцией начинается после получения распоряжения суда об исполнении приговора и копий приговора, определения, постановления суда. Каждый осуждённый ставится на учёт, на него заводится личное дело. Персональный учёт всех осуждённых к исправительным работам необходим для контроля за их участием в труде, правильностью удержаний из заработной платы, своевременным снятием с учёта по основаниям, установленным законом. Для удобства контроля за отбывающими наказание установлено четыре основных вида их персонального учёта: оперативный учёт, предварительный учёт, контрольный учёт, учёт разыскиваемых. В обязанности инспекций входит контроль за трудоустройством осуждённого, контроль за правильностью удержаний, возложение обязанностей и запретов. В отношении каждого осуждённого могут быть установлены все или некоторые запреты. При отсутствии необходимости обязанности и запреты могут не устанавливаться.

Возникает закономерный вопрос — является ли этот вид наказания эффективным? Наказание — это мера принудительного воздействия на осуждённого в целях лишения или ограничения его свободы и иных прав гражданина. В вопросе, являются ли исправительные работы эффективным видом наказания, мнения учёных разделились.

Так, по мнению В. М. Хомича, альтернативные виды наказания, применяемые в Беларуси: арест, общественные и исправительные работы — разбаловали нашу уголовную юстицию. Автор предлагает реформировать пенитенциарную систему в республике и пересмотреть, к кому именно применять «альтернативу» [1].

Напомним, 23 декабря 2010 года президент Беларуси Александр Лукашенко подписал Указ № 672, утвердивший концепцию совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Этот документ дал возможность широко применять альтернативные для лишения свободы виды наказания. Однако, как показала практика, используются они не всегда уместно, а осуждённые часто уклоняются от подобных мер воздействия.

Также В. М. Хомич считает, что существуют давние проблемы в применении общественных и исправительных работ. Инструментарий по их использованию — мизерный: в нынешних условиях они не влияют на исправление осуждённого.

Имеются аргументы, что наказание в виде лишения свободы тяжким бременем ложится на бюджет государства, влечёт разрыв социально полезных связей осуждённых, порождает криминализацию общества, что губительно для государства в целом. В связи с этим преимущество исправительных работ перед лишением свободы связано, прежде всего, с возможностью оставления осуждённого на свободе, сохранения социально полезных связей с обществом, семьёй [2, с. 126].

Исправительные работы в некотором роде являются более мягким видом наказания, чем штраф и лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью. Это объясняется тем, что в современных социально-экономических условиях последствия применения штрафа или лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью более серьёзны для осуждённого, чем назначение исправительных работ.

В 2006 году они были назначены 19 524 лицам и в структуре судимости занимали верхнюю строку. Верховный Суд Республики Беларусь ориентировал суды на широкое применение этого вида наказания, подчёркивая, что в законодательстве предусмотрены необходимые механизмы и гарантии его должного исполнения. Вместе с тем в 2014 году число осуждённых к исправительным работам уменьшилось до 13 972 со снижением удельного веса этого наказания в структуре судимости на 5,3%. Кроме того, возрастает количество лиц, уклоняющихся от отбывания исправительных работ. Число осуждённых по статье 416 Уголовно кодекса Республики Беларусь составило в истекший период 2 995 человек (2006 год — 2 471).

Следует отметить определённую закономерность: количество уклоняющихся от отбывания исправительных работ меньше в тех регионах, где этот вид наказания применяется шире, и наоборот. Так, наибольший удельный вес данного вида наказания имеют суды Могилёвской области (22,8%, или 2 381 человек), в то же время число совершивших преступление, предусмотренное статьёй 416 Уголовно кодекса Республики Беларусь, здесь составляет всего 283 человека. Напротив, в судах Минска и Витебской области при удельном весе исправительных работ, составивших, соответственно, 15,3% (1 498 человек) и 19,0% (1 768 человек), по статье 416 Уголовно кодекса Республики Беларусь осуждено 526 и 431 человек.

Анализ данных судебной статистики и законодательства, регламентирующего вопросы исполнения исправительных работ, не выявляет каких-либо объективных причин указанного явления. Предоставленная областными судами информация, касающаяся практики назначения наказания в 2007 году, анализа по данному вопросу не содержит и на вопрос о причинах роста судимости по статье 416 Уголовно кодекса Республики Беларусь ответа не даёт [3, с. 67—68].

На сегодня удельный вес наказаний в виде исправительных работ по сравнению с 2001 годом уменьшился в разы, в то время как количество наказаний связанных с лишением свободы, значительно возросло, из этого следует, что меры альтернативных видов наказаний, одним из которых являются исправительные работы, недооцениваются и не используются в полной мере. Это вызвано рядом обстоятельств правового и организационного характера, слабым внедрением в практику работы уголовно-исполнительных инспекций современных достижений науки и техники, ориентацией работников суда, уголовно-исполнительных инспекций и других правоохранительных органов преимущественно на карательные (запретительные, ограничительные) меры воздействия на правонарушителей, недооценка ими возможностей альтернатив лишению свободы, в том числе и исправительных работ, в исправлении осуждённых и другими причинами.

Эффективность наказания в виде исправительных работ на современном этапе, на наш взгляд, представляется спорной ввиду отсутствия в нём карательного характера, свойственного для уголовной ответственности, что делает его более гибким для осуждённых. В то же время оно является наиболее гуманным среди остальных видов наказаний, позволяя осуждённым не быть оторванными от общества.

Мы полагаем, что применение исправительных работ как вида наказания более эффективно для административного права, а применение их в уголовном праве нуждается в доработке и глубоком изучении.

© Ю. А. Карпович, М. А. Заволокина

Список цитируемых источников

1. На белорусских осуждённых не действуют альтернативные виды наказания [Электронный ресурс] / Ежедневник : электрон. деловая газ. 2006. URL: http://ej.by/news/sociaty/2012/02/20/na_belorusskih_osuzhdennyh_ne_deystvuyut_al_ternativnye_vidy_nakazaniya.html (дата обращения: 16.03.2015).
2. Игнатъев А. А. Уголовно-исполнительное право : учеб. М. : Новый юрист, 1997. 147 с.
3. Уголовно-исполнительное право : учеб. для юрид. вузов / А. С. Михлин, [и др.] ; под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 1999. 158 с.

УДК 343.34.04

Ю. А. Карпович, В. Ю. Петренко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Исследование посвящено изучению вопроса о возможности и перспективе создания в Республике Беларусь такого института судебной власти, как суд присяжных.

Суды, будучи одной из ветвей власти, не остаются в стороне от тех процессов, которые происходят в нашем обществе. С учётом современных условий суды должны быть более мобильными и открытыми для населения, стать значительным воспитательным резервом в государстве [1]. По нашему мнению, достичь указанной цели возможно посредством введения на территории Республики Беларусь суда присяжных.

Здесь следует согласиться с мнением П. И. Пикалова, утверждающего, что «суд присяжных — один из институтов судебной системы и всей системы органов государственной власти, воплощающий принцип непосредственного участия народа в отправлении правосудия» [2].

Актуальность изучения перспектив создания суда присяжных на территории Республики Беларусь обусловлена внутренним движением уголовно-процессуального права, его демократизацией. Важность изучения данного вопроса отмечается также правительством Республики Беларусь, о чём будет в дальнейшем сказано подробнее.

В изучении уголовного процесса используются общенаучные методы исследования, применяемые в общественных науках. Они образуют систему общих, специальных и частных методов познания, используемых во всех или в ряде юридических наук [3]. В данной работе посредством использования методов исторического и формально-логического анализа была предпринята попытка выявить исторические предпосылки создания суда присяжных в Республике Беларусь, а также плюсы и минусы суда присяжных как института судебной системы.

Так, 23 апреля 1992 года Верховным Советом Республики Беларусь была принята концепция судебно-правовой реформы, которая предусмотрела введение в Республике Беларусь суда присяжных как наиболее демократичной формы, обеспечивающей независимость и самостоятельность суда и расширения реального участия населения в отправлении правосудия. Однако с тех пор прошло 19 лет, а суд присяжных в Республике Беларусь так и не был учреждён.

Причина этого состоит, видимо, в том, что в обществе существует непонимание социальной ценности, духовного и правозащитного потенциала данного института. Между тем мировой опыт свидетельствует, что суд присяжных есть наиболее демократическая форма отправления правосудия, которая гарантирует объективное и справедливое разрешение конфликтов с участием широкого круга населения [4].

Попытка внедрения института присяжных заседателей на территории Республики Беларусь была предпринята в 1995 году введением в действие Закона «О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь», согласно которому суд должен был рассматривать дела по первой инстанции в составе одного судьи и коллегии из семи присяжных заседателей в том случае, если обвиняемому грозит смертная казнь, а он не признаёт себя виновным и требует рассмотрения уголовного дела судом присяжных [5].

Нововведение должно было вступить в силу с 1 января 2000 года, но не были внесены необходимые изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Противоречия между законом и кодексом решили исправить Декретом Президента Республики Беларусь от 3 февраля 2000 года № 4 «О коллегиальном рассмотрении уголовных дел в судах». В результате в стране продолжили свою деятельность народные заседатели. Их участие предусмотрено по принятому в 1999 году и ныне действующему Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (статья 32) лишь по уголовным делам о преступлениях, за которые может быть назначено наказание свыше десяти лет лишения свободы, и по делам о преступлениях несовершеннолетних. Причём эти дела рассматриваются в составе одного профессионального судьи и двух народных заседателей. Кроме того, в 2006 году был принят Кодекс Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей», где в статье 12 отмечено, что дела в судах рассматриваются коллегиально, а в предусмотренных законодательными актами случаях — единолично судьёй. Граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в деятельности суда по осуществлению правосудия в качестве народных заседателей (статья 9 Кодекса Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей») [6].

Таким образом, наш законодатель отверг идею концепции судебно-правовой реформы 1992 года о введении в республике суда присяжных и до минимума сузил участие граждан в судебном рассмотрении дел.

Актуальность же рассмотрения вопроса о введении суда присяжных в Республике Беларусь подтверждает и непосредственная заинтересованность государства. В Беларуси уже на данный момент создана комиссия, которая рассматривает целесообразность создания суда присяжных. Об этом во время очередного заседания третьей сессии Совета Республики Национального собрания Беларуси пятого созыва сообщил председатель Верховного Суда Республики Беларусь Валентин Сукало.

Президентом поставлена задача рассмотреть целесообразность создания суда присяжных в Беларуси. Обусловлен конкретный срок, до которого это нужно сделать, — 2015 год. Это не значит, что за это время будет создан суд присяжных, основная задача — определить целесообразность этого шага.

Данная комиссия взвешивает все доводы «за» и «против», активно исследуется международный опыт деятельности судов присяжных. Можно с уверенностью сказать, что к 2015 году этот вопрос будет тщательно проработан и внесён на рассмотрение Президенту.

Суд присяжных — институт судебной системы, состоящий из коллегии присяжных заседателей, отобранных по методике случайной выборки только для данного дела и решающих вопросы факта, и одного профессионального судьи, решающего вопросы права. Основным конфликтом при решении данного вопроса, о целесообразности введения суда присяжных заключается в оценке его плюсов и минусов.

Положительные моменты: 1) суд присяжных облегчает задачу профессиональных судей и повышает активность государственных обвинителей и защитников, тем самым разрешается проблема реализации принципа состязательности и равенства сторон в уголовном процессе; 2) присяжные решают вопросы факта, а не вопросы права. Для этого им необходимы скорее логика, наблюдательность и жизненный опыт, нежели профессиональные юридические знания; 3) присяжные более остро воспринимают происходящее в суде, так как для них осуществление правосудия не является привычной деятельностью.

Отрицательными сторонами суда присяжных является то, что 1) решение присяжных не мотивируется; 2) ограничена возможность обжалования вердикта присяжных; 3) присяжные не имеют юридического образования; 4) при формировании позиции присяжных о виновности либо невиновности обвиняемого, существенную роль играют ораторские качества прокурора и адвоката; 5) существуют проблемы составления списков кандидатов в присяжные заседатели [8].

Оценивая приведённый выше материал, мы пришли к выводу о том, что плюсы введения суда присяжных довлеют над его минусами. Так, положительным моментом введения в действие суда присяжных является обеспечение реализации принципа состязательности и равенства сторон, что позволит в полной мере реализовать право обвиняемого на независимый и беспристрастный суд. Кроме того, введение института суда присяжных позволит немного «разгрузить» профессиональных судей от всепоглощающей ответственности за принимаемые ими решения в вопросе определения судеб людей. По данному направлению ведутся правовые исследования, которые поддерживает государство в лице Президента Республики Беларусь.

Таким образом, для учреждения в нашей стране суда присяжных имеются как политические, так и доктринальные условия. Государство и общество, а также большинство правоведов согласны с необходимостью введения данного института судебной системы. Однако, прежде чем вводить в стране суд присяжных, необходимо решить ряд организационных и правовых вопросов.

В первую очередь необходимо: 1) добавить в Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь раздел «Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей», в котором детально урегулировать все действия суда присяжных, а также определить подсудность дел, которые будет рассматривать суд присяжных заседателей; 2) разработать и принять Закон «О присяжных заседателях общих судов в Республике Беларусь», в котором, предусмотреть порядок формирования коллегии присяжных заседателей, изложить требования, предъявляемые к присяжным заседателям, а также предусмотреть эффективный механизм установления подлинных данных об их личности. Следует также предусмотреть примерный перечень обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя; 3) организовать подготовку и переподготовку судей, прокуроров, адвокатов, следователей по вопросам, связанным с рассмотрением в судах уголовных дел с участием присяжных заседателей.

© Карпович Ю. А., Петренко В. Ю., 2015

Список цитируемых источников

1. Суд присяжных как способ совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь с учётом опыта Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://uchebnik-online.net/book/407-integraciya-gosudarstv-postsovetskogo-prostranstva-v-ramkax-sodruzhestva-nezavisimyx-gosudarstv-pravovye-i-organizacionnye-aspekty-sbornik-materialov/16-sud-prisyazhnyx-kak-sposob-sovershenstvovaniya-ugolovno-processualnogo-zakonodatelstva-respubliki-belarus-s-uchetom-opyta-rossijskoj-federacii.html>. — Дата доступа: 05.02.2015.

2. Понятие суда присяжных [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum4772/item4847.html>. — Дата доступа: 05.02.2015.
3. Методы науки уголовного процесса [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.pravo.vuzlib.su/book_z1413_page_14.html. — Дата доступа 05.02.2015.
4. О суде присяжных [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pac.by/dfiles/001961_854908_boriko_2.pdf. — Дата доступа: 05.02.2015.
5. О судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 13 янв. 1995 г. : с изм. и доп. : текст по состоянию на 5 дек. 2007 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015 (утратил силу).
6. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
7. Мартинович, И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь / И. Мартинович, М. Пастухов. — Минск : Амалфея, 1995. — С. 67—68.
8. Резник, Г. М. И вновь к вопросу о суде с участием присяжных заседателей / Г. М. Резник // *Соврем. право*. — 2009. — № 1. — С. 100.

УДК 343.2/.7

К. Ю. Лещинская, О. В. Юшкевич, А. С. Шпак

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Рассматриваются проблемы социальной адаптации лиц, освободившихся из исправительных учреждений, в том числе вопросы их трудового и бытового устройства.

Совершенствование системы социальной адаптации осуждённых является одной из задач концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (далее — Концепция), утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года № 672 [1, п. 2].

Для обеспечения эффективного исполнения наказаний серьёзное внимание необходимо уделять вопросам ресоциализации и социальной адаптации осуждённых.

Социальная адаптация есть приспособление личности к социальной среде, усвоение ею правил, норм, социальных позиций, установок, характерных для данной среды, приобретение навыков, позволяющих бывшему осуждённому нормально жить в обществе свободных людей [2, с. 376].

Социальная адаптация лиц, отбывших лишение свободы в разных видах исправительных учреждений, рассматривается в качестве проблемы не только в отечественной правоприменительной практике, но и на международном уровне. Согласно статье 58 Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными, принятыми в 1955 году Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является в конечном расчёте защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать своё существование.

Как справедливо указано в статье 64 вышеназванного документа, обязанности общества не прекращаются с освобождением заключённого. Поэтому необходимо иметь государственные или частные органы, способные проявить действенную заботу об освобождаемых заключённых, помогая им вновь войти в жизнь общества. Весьма значимым представляется положение о том, что правительственные или другие органы и учреждения, помогающие освобождённым заключённым

находить своё место в обществе, должны там, где это возможно и необходимо, заботиться о том, чтобы такие заключённые находили подходящие жильё и работу.

Итак, следует выделить две главные «болевы́е точки» в вопросе адаптации лиц, освобождённых из исправительных учреждений. Если такими лицами не найдена работа и не решён вопрос с жильём, то они могут совершить повторное преступление, несмотря на наличие положительной установки на законопослушное поведение.

В Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь содержатся нормы, предусматривающие оказание помощи освобождённым в их трудовом и бытовом устройстве.

Согласно статье 192 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, не позднее чем за три месяца до истечения срока наказания осуждённого к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа или к лишению свободы администрация учреждения уголовно-исполнительной системы через территориальные органы внутренних дел и комитет по труду, занятости и социальной защите Минского городского исполнительного комитета, управление (отдел) по труду, занятости и социальной защите городского, районного исполнительного комитета принимает меры по его трудовому и бытовому устройству. В отношении лиц, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, в случае необходимости их трудоустройства администрация учреждения уголовно-исполнительной системы не позднее чем за три месяца до предстоящего освобождения информирует об этом суд, территориальные органы внутренних дел и комитет по труду, занятости и социальной защите Минского городского исполнительного комитета, управление (отдел) по труду, занятости и социальной защите городского, районного исполнительного комитета по месту жительства указанных лиц. Порядок оказания администрацией учреждения уголовно-исполнительной системы помощи данной категории осуждённых в трудовом и бытовом устройстве устанавливается Министерством внутренних дел Республики Беларусь.

Службой социальной адаптации учреждений уголовно-исполнительной системы с осуждёнными со дня фактического отбывания ими наказания проводится воспитательная работа с целью подготовки их к освобождению, разъясняются их права и обязанности после освобождения.

Инвалиды I и II группы, а также мужчины в возрасте старше 60 лет и женщины в возрасте старше 55 лет при необходимости по их согласию направляются комитетом по труду, занятости и социальной защите областного, Минского городского исполнительного комитета в дома-интернаты для престарелых и инвалидов. Несовершеннолетние, не имеющие родителей, в необходимых случаях передаются органам опеки и попечительства по месту жительства несовершеннолетних для предоставления им статуса детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и для их дальнейшего устройства [3].

Анализ вышеприведённых норм свидетельствует о прогрессивном характере отечественного уголовно-исполнительного законодательства. Однако, к сожалению, на практике указанные нормы реализуются не в полном объёме.

В 2010 году В. М. Хомич, обосновывая необходимость принятия Концепции, указывал на то, что разработка основных направлений функционирования уголовно-исполнительной системы в целях повышения ответственности общества и государства за ресоциализацию и социальную адаптацию осуждённых предполагает: 1) изменение ведомственной принадлежности уголовно-исполнительной системы посредством переподчинения её Министерству юстиции Республики Беларусь; 2) рассмотрение вопроса о функциональном построении уголовно-исполнительной системы и включении в её состав всех организаций (включая службу пробации), обеспечивающих исполнение приговора, ресоциализацию и социальную адаптацию осуждённых, а также определение порядка взаимодействия уголовно-исполнительной системы с другими правоохранительными органами; 3) разработку и принятие закона об уголовно-исполнительной системе Республики Беларусь и закона о социальной адаптации лиц, освобождённых из исправительных учреждений [4, с. 10—11].

Заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь А. Стук, подводя в декабре 2014 года промежуточные итоги реализации Концепции, указывал на высокий уровень рецидивной преступности, высокий удельный вес осуждённых, совершивших преступления в период отбывания наказания (20% от числа всех осуждённых). Проведённый в 2011 году Генеральной прокуратурой опрос более двух тысяч лиц, освободившихся из мест лишения свободы 2—3 года назад и не совершивших преступлений, о причинах правопослушного поведения показал, что таковыми

являются: наличие семьи и её положительное влияние на поведение, постоянная работа, материальная обеспеченность [5, с. 9].

Далее А. Стук указал на то, что начата реализация проекта «Интеграция бывших осуждённых в общество» (далее — Проект), осуществляемого при поддержке Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца на базе исправительных колоний и уголовно-исполнительных инспекций Могилёвской области. Проект предусматривает работу с осуждёнными по правовым вопросам, вопросам социальной адаптации после освобождения, психологические тренинги, консультации с социальными работниками, врачами, а также выдачу гуманитарной помощи лицам, которые после освобождения будут проживать за пределами целевой территории Проекта.

Внедрены в практическую деятельность разработанные Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Академией МВД Республики Беларусь методические рекомендации по индивидуальному прогнозированию поведения осуждённых, освобождаемых из мест лишения свободы [5, с. 9—10].

На наш взгляд, наиболее сложной для разрешения является проблема обеспечения жильём лиц, отбывших наказание. Статья 48 Конституции Республики Беларусь декларирует право каждого гражданина Республики Беларусь на жилище. Поэтому идеальным вариантом было бы возвращение бывшего осуждённого в семью. Но это не всегда возможно, так как в отношении лиц, осуждённых на срок свыше трёх лет лишения свободы, действует упрощённый порядок расторжения брака. Не исключена возможность покупки или аренды ими жилого помещения. Однако для этого необходимы значительные денежные средства, заработать которые для большинства осуждённых не представляется возможным.

Одним из способов решения данной проблемы является создание реабилитационных центров. Так в Красноярске (Российская Федерация) с 1995 года работает Центр социальной адаптации и реабилитации бывших заключённых и лиц без определённого места жительства и занятий.

Синодальный отдел Белорусской православной церкви реализует проект «Содействие интеграции лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в Беларуси», который рассчитан на создание центров по интеграции бывших осуждённых в общество на базе церковного прихода в деревне Село (Витебская область), монастыря Святых Зосима и Саввы (Гродненская область) и женского монастыря в деревне Берёзки (Гомельская область), где уже функционируют центры поддержки социальной и трудовой интеграции для инвалидов. Основными задачами данных центров являются: специализированная помощь бывшим осуждённым в виде консультаций в области трудоустройства, создание постоянных рабочих мест для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, обеспечение сезонной работой с предоставлением жилья в пустующих домах по месту расположения центров, дополнительное создание койко-мест при женском монастыре для бывших осуждённых, потерявших социально-полезные связи [6].

В целях совершенствования уголовно-исполнительной системы для обеспечения её способности при оптимальных экономических издержках выполнять функции социальной адаптации и реабилитации осуждённых предлагаем разработать закон о социальной адаптации лиц, освобождённых из исправительных учреждений, и предусмотреть в нём порядок организации трудового и бытового устройства данной категории лиц.

© Лещинская К. Ю., Юшкевич О. В., Шпак А. С., 2015

Список цитируемых источников

1. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

2. Уголовно-исполнительное право : учеб. для вузов / отв. ред. А. С. Михлин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. образование, 2008. 422 с.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

4. Хомич В. М. О концепции совершенствования мер уголовной ответственности и порядка их применения // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности : материалы Междунар.

науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2010 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А. В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2010. С. 3—11.

5. Стук А. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения : промежуточные итоги // Законность и правопорядок. 2014. № 4 (32). С. 6—10.

6. Очищение души [Электронный ресурс] : интервью с В. Мандриком и Г. Лопуховым // М-во внутр. дел Респ. Беларусь : [сайт]. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx> (дата обращения: 16.10.2014).

УДК 343.294

О. Д. Олешкевич, Т. А. Левша

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В исследовании отражены аспекты, касающиеся понятия и характеристики института реабилитации в уголовном процессе Республике Беларусь и Российской Федерации. Авторами проанализированы основания возникновения права на возмещение вреда; определены категории лиц, имеющих право на возмещение вреда.

В соответствии со статьёй 59 Конституции Республики Беларусь государственные органы и должностные лица обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для защиты прав и свобод личности. Особую актуальность это требование приобретает в сфере производства по материалам и уголовному делу, где вторжение государства в личную жизнь гражданина наиболее ощутимо. В связи с этим уголовно-процессуальное законодательство предусматривает ряд соответствующих гарантий, к числу которых относится закреплённое в главе 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс.

Термин «реабилитация» происходит от немецкого «rehabilitation» и означает возвращение в прежнее состояние, восстановление.

В пункте 2 статьи 7 УПК закреплено право на реабилитацию, а в случае обвинения или осуждения невиновного — незамедлительную и полную его реабилитацию, возмещение ему физического, имущественного и морального вреда, восстановление нарушенных трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав [1, с. 11].

Право на реабилитацию закреплено не только в УПК Республики Беларусь, но и в международно-правовых актах: 1) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Протоколе № 7 данной конвенции; 2) международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года; 3) конвенции против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года и др.

В УПК Республики Беларусь, в сравнении с УПК Российской Федерации, отсутствуют категории «реабилитация» и «реабилитированный», а лишь указывается на возможность дефиниции полной реабилитации обвиняемого, реабилитации невиновного, реабилитации умершего. В УПК Российской Федерации реабилитация обозначена как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причинённого ему вреда [2].

В статье 460 УПК Республики Беларусь закреплены основания возникновения права на возмещение вреда: 1) незаконные действия, обусловленные подозрением или обвинением лица в совершении преступления или общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (незаконное задержание; незаконное применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, подписки о невыезде и надлежащем поведении; незаконное применение меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности; незаконное привлечение в качестве обвиняемого; незаконное помещение в психиатрический стационар; незаконное

осуждение; незаконное применение принудительных мер безопасности и лечения); 2) иные незаконные действия, обусловленные властно-принудительным характером деятельности органов уголовного преследования и суда (статья 938 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

На основе анализа части первой статьи 461 УПК можно выделить следующие группы лиц, имеющих право на возмещение вреда: 1) лица, участие которых в уголовном процессе обусловлено подозрением или обвинением в совершении преступления или общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (обвиняемый, оправданный судом; подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование против которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 8, 9 части первой статьи 29 и части второй статьи 250 УПК; лицо, незаконно помещённое в психиатрический стационар; лицо, к которому незаконно применена принудительная мера безопасности и лечения); 2) участники уголовного процесса, защищающие свои или представляемые интересы (потерпевший; гражданский истец; гражданский ответчик; законные представители подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца; представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика); 3) иные лица, принимающие участие в уголовном процессе. В данную группу следует отнести юридическое лицо, которому в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, причинён вред (нанесён ущерб деловой репутации); 4) лица, которым право на возмещение вреда переходит в порядке правопреемства: лица, признанные в установленном законом порядке наследниками лиц, указанных в первой классификационной группе, и члены семьи умершего.

Реабилитация как общее понятие включает процессуальный акт о реабилитации, т. е. акт, которым установлена невиновность гражданина в инкриминируемом ему преступлении, и комплекс восстановительно-компенсационных мер, направленных на возмещение ему вреда, причинённого в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в психиатрический стационар, осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения.

В данный комплекс входят права на возмещение физического, имущественного, морального вреда, причинённого физическому лицу; восстановление нарушенного трудового, пенсионного, жилищного, иного личного неимущественного права физического лица; возмещение имущественного вреда и восстановление деловой репутации юридического лица.

Вред, причинённый гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в психиатрический стационар, осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения возмещается государством в полном объёме независимо от вины лица, производящего дознание, органа дознания, следователя, прокурора, председателя Следственного комитета Республики Беларусь, председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности, либо суда.

Подводя итог, полагаем, что реабилитация является тем механизмом, который позволяет лицу, необоснованно подвергнутому уголовному преследованию, восстановить права, существовавшие до осуществления в отношении него незаконного уголовного преследования, возместить вред, причинённый гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в психиатрический стационар, осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения, что соответствует принципам и назначению уголовного судопроизводства.

Проанализировав законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации, мы пришли к выводу, что УПК Республики Беларусь необходимо дополнить пунктом 36¹ части первой статьи 6 УПК определением следующего содержания: «Реабилитация — это восстановление прав, свобод и законных интересов лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причинённого ему вреда».

Список цитируемых источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2015 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18. дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят ГД ФС РФ 22 нояб. 2001 г. : действующая ред. от 30 марта 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф. Технология 3000».

УДК 343.244.24 (476)

О. Д. Олешкевич, Т. А. Левша

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В исследовании отражены аспекты, касающиеся понятия, характеристики и места в системе уголовных наказаний Республики Беларусь уголовного наказания «общественные работы». Авторами проанализированы его карательное содержание и возможные льготы осуждённому при его отбывании.

Одним из видов уголовных наказаний, предусмотренных статьёй 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) является такое наказание, как общественные работы.

Общественным работам посвящена статья 49 УК. Это сравнительно новое наказание, применяемое лишь с 1 января 2001 года Оно заключается в выполнении осуждённому в свободное от основной работы или учёбы время бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением этого наказания [1].

Исходя из определения сущности общественных работ как вида наказания, следует установить его карательное содержание, т. е. определить, каким ограничениям или лишениям подвергается лицо, осуждённое к общественным работам.

Данное наказание связано с ограничением конституционных прав на труд и на отдых. Оно заключается в том, что осуждённый должен выполнить не оплачиваемую за его труд работу. При этом вид бесплатного труда определяется не самим осуждённым и не по его желанию, а специальными уполномоченными на это органами — местными исполнительными и распорядительными органами по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Эта работа осуществляется в свободное от основной работы или учёбы время, в связи с чем ограничено время осуждённого на отдых.

Законом установлены пределы данного наказания (от 60 до 240 часов), а также предельные сроки выполнения работ в течение дня. Осуждённые, получающие образование либо имеющие постоянное место работы, могут отбывать общественные работы с их согласия свыше 4, но не более 8 часов в день. Даже при минимальном пределе этого наказания (60 часов) и при работе ежедневно по 4 часа в день, осуждённый должен выполнять бесплатную работу в течение 15 дней. При назначении же максимального срока исполнения данного наказания (240 часов) и при ежедневных 4 часах выполнения работы осуждённый должен отработать бесплатно в течение 60 дней, т. е. 2 месяцев.

Общественные работы могут быть назначены несовершеннолетним лицам, достигшим 16-го возраста ко дню постановления приговора. Пределы наказания для несовершеннолетних устанавливаются в размере от 30 до 180 часов, при этом продолжительность исполнения наказания не может превышать 3 часов в день и 3 дней в неделю [1].

Согласно части второй статьи 25 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее УИК), время общественных работ в течение недели, как правило, не может быть менее 12 часов. В период отбывания этого наказания осуждённый обязан соблюдать правила внутреннего распорядка, установленные в организации, в которой он отбывает наказание, добросовестно относиться к труду, ставить в известность уголовно-исполнительную инспекцию об изменении места

жительства, что является дополнительным ограничением его прав. Предоставление осуждённому трудовых отпусков по основному месту работы не приостанавливает исполнения этого наказания [2].

В связи с тем, что общественные работы имеют двойной статус, они могут назначаться в качестве как основного, так и дополнительного наказания, которое может быть присоединено к штрафу или лишению права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью. В силу своего содержания данное наказание связано и с материальными ограничениями.

В части четвёртой статьи 49 УК содержится перечень лиц, которым общественные работы не могут быть назначены: 1) лица, не достигшие 16-летнего возраста; 2) женщины в возрасте свыше 55 лет и мужчины в возрасте свыше 60 лет; 3) беременные женщины; 4) лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребёнком; 5) инвалиды 1-й и 2-й группы; 6) военнослужащие; 7) иностранные граждане и не проживающие постоянно в Республике Беларусь лица без гражданства; 8) лица, больные активной формой туберкулёза.

Указанные обстоятельства, если они возникли в период отбывания лицом уже назначенного ему наказания в виде общественных работ, служат основанием освобождения его от дальнейшего отбывания данного наказания. Такое решение принимает суд по предоставлению органа, на который возложено исполнение приговора.

Общественные работы исполняются согласно части первой статьи 23 УИК уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства осуждённого на объектах, определяемых местными исполнительными и распорядительными органами по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Закон не определяет, какой формы собственности (частной, государственной) могут быть эти организации [2].

Общественные работы — вид наказания, при исполнении которого государство вынуждено обращаться по поводу трудоустройства осуждённого к учреждениям вне уголовно-исполнительной системы.

По нашему мнению, осуществление контроля за исполнением наказания наиболее эффективно со стороны государства, т. е. когда наказание отбывается в организациях, полностью или частично основанных на государственной собственности. Во-первых, это обусловлено публичным характером реализации уголовной ответственности. Во-вторых, послужит предупреждению вероятного конфликта между интересами исполнения приговора и частными интересами учредителей соответствующей организации.

За нарушение осуждённым порядка и условий отбывания наказания в виде общественных работ уголовно-исполнительная инспекция предупреждает его об ответственности в соответствии с действующим законодательством. Злостное уклонение осуждённого от отбывания от общественных работ признаётся преступлением и влечёт ответственность в соответствии со статьёй 419 УК. Согласно статье 28 УИК, уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ признаётся злостным в следующих случаях: 1) если осуждённый не вышел на общественные работы без уважительных причин более двух раз после официального предупреждения в течение отбывания данного наказания; 2) если он совершил более двух раз после официального предупреждения в течение отбывания данного наказания иные нарушения трудовой дисциплины во время выполнения общественных работ; 3) если скрылся с целью уклонения от отбывания этого наказания.

По своему содержанию общественные работы признаются самым мягким наказанием и вследствие этого в системе наказаний занимают первое место. Ввиду этого в процессе отбывания данного наказания осуждённому предоставляются и некоторые льготы. Например, если осуждённому предоставлен в период отбывания общественных работ отпуск в связи с обучением без отрыва от производства или как участнику ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, либо по иным уважительным причинам личного и семейного характера, исполнение общественных работ приостанавливается на период указанных отпусков (часть третья статьи 24 УИК). В УИК также установлено, что время общественных работ не может превышать 4 часов в выходные дни и дни, когда осуждённый не занят на основной работе или учёбе. В рабочие же дни время таких работ не может превышать 2 часов до и после окончания работы или учёбы, 4 часа на общественные работы в рабочее время осуждённому будет разрешено затратить лишь по его просьбе (часть вторая статьи 25 УИК). При наличии уважительных причин уголовно-исполнительная инспекция вправе разрешить осуждённому отработать в течение недели меньшее количество часов, т. е. меньше установленных на неделю 12 часов (часть четвёртая статьи 25 УИК) [3, с. 358].

Санкции статей Особенной части УК, в которых предусмотрены общественные работы как основное наказание, составляют 8,5% от общего количества санкций.

В 2001 году это наказание в качестве основного вида было назначено 1 762 осуждённым, что составило 3,4% от общего количества осуждённых. В период с 2002 по 2014 год назначение данного наказания возросло до 8,0%. Назначалось это наказание, как правило, за преступления, не представляющие большой общественной опасности. Например, в 2011 году наибольшее количество осуждённых к этому виду наказания — лица, совершившие преступления, предусмотренные статьёй 174 УК (2 307 человек), статьёй 153 УК (137 человек), частью первой статьи 339 УК (219 человек). Назначалось это наказание и за кражу (части первая и вторая статьи 205 УК) — 1478 человек.

Подводя итог, полагаем, что на современном этапе существует необходимость закрепления в УИК правила о том, что общественные работы должны отбываться на предприятиях государственной формы собственности. Кроме того, в связи с увеличением числа осуждённых к отбыванию анализируемого наказания целесообразно было пересмотреть минимальные и максимальные пределы данного наказания в сторону увеличения.

© Олешкевич О. Д., Левша Т. А., 2015

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 янв. 2015 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г. № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2015 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

3. Саркисова Э. А. Уголовное право. Общая часть : учеб. / Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2014. 559 с.

УДК 343.24

А. Ю. Римша

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Назначение наказания представляет собой меру государственного принуждения, целью которого является исправление осуждённого. В соответствии с концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их наказания законодатель и правоприменитель действует в направлении сокращения назначения наказания в виде лишения свободы и применения альтернативных видов наказаний, таких как общественные работы, ограничение свободы, штраф. Данные меры направлены в первую очередь на сокращение количества лиц, находящихся в местах лишения свободы.

На современном этапе развития белорусского общества уголовное наказание остаётся необходимым и в то же время достаточно острым средством реагирования государства на совершенное преступление, поэтому его назначение нуждается в тщательной правовой регламентации и научном обосновании, с тем, чтобы виновные несли заслуженное наказание, было соблюдено требование справедливости и чтобы меры уголовно-правового воздействия использовались только в тех пределах, которые необходимы для достижения поставленных перед наказанием целей и задач [1, с. 135].

Назначение наказания лицу, осуждённому за совершение конкретного преступления, — это правосудная по содержанию функция суда, который несёт ответственность за обоснованность, законность, справедливость избранной осуждённому меры уголовной ответственности, в том

числе и за её социальную целесообразность, экономичность в достижении целей уголовной ответственности.

Система комплекса мер противодействия преступности в Республике Беларусь основана на институте уголовной ответственности, который находится в зависимости от динамики и структуры преступности, её прогнозов, уровня криминогенности общества. Начиная с 2007 года, в Беларуси наблюдается тенденция к снижению уровня преступности, что не могло сказаться как в целом на уголовной политике, так и на практическом состоянии дел, связанных с использованием мер уголовно-правового характера [2, с. 7].

В настоящее время действует концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утверждённая Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года № 672 (далее — Концепция). Она создана в целях оптимизации мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, повышения эффективности исправительного и предупредительного воздействия мер уголовной ответственности, обеспечения социальной справедливости при применении уголовных санкций, предупреждения преступности в социальных условиях [3].

Практическая реализация Концепции за время с момента её принятия обеспечила значительное расширение практики освобождения лиц, впервые совершивших нетяжкие преступления, от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, привлечением к административной ответственности, деятельным раскаянием, что способствовало либерализации уголовной ответственности, но самое важное — позволила обеспечить защиту материальных интересов лиц, пострадавших от преступлений, поскольку одним из обязательных условий упомянутого освобождения является возмещение причинённого преступлениями ущерба. Принятые организационные и практические меры по реализации Концепции положительно отразились на практике поддержания государственного обвинения и назначения наказаний.

В последние годы посредством назначения альтернативных мер уголовной ответственности отчасти снизилось число осуждённых к лишению свободы. Лишение свободы в основном назначается лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, — 25% от общего числа осуждённых к лишению свободы за 2014 год по Брестской области. За менее тяжкие преступления и преступления, не представляющие большой общественной опасности, к лишению свободы осуждены 37% лиц. Затраты государства на их содержание при отсутствии у таких осуждённых фактической возможности возмещения материального и морального вреда, причинённого преступлениями, представляются неоправданными. В то же время санкции соответствующих статей Особенной части и нормы Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) предоставляют судам право в значительном числе случаев избирать альтернативные лишению свободы виды наказаний.

Однако следует констатировать, что лишение свободы по-прежнему остаётся наиболее эффективным, а в отношении отдельной категории лиц — единственным видом наказания, обеспечивающим достижение целей уголовной ответственности. В то же время законодателем для формирования общественного мнения о наказании в виде лишения свободы как о достаточном и справедливом оптимизируются его сроки [4].

Удельный вес ареста в структуре уголовных наказаний остаётся по-прежнему высоким. В 2014 году по Брестской области к аресту осуждено почти 19% от всех осуждённых, по сравнению с 16,8% к уровню 2013 года. Назначение ареста за нетяжкие преступления лицам, не имеющим постоянного места работы и утратившим мотивацию к трудоустройству и социально полезные связи, нередко страдающим хроническим алкоголизмом, является альтернативой исправительным работам и ограничению свободы и способствует уменьшению количества лиц, осуждённых по статьям 415 и 416 УК.

Применение наказания в виде ограничения свободы остаётся одним из основных в структуре наказания. За 2014 год по Брестской области снизился уровень судимости к ограничению свободы, как с направлением, так и без направления в исправительное учреждение открытого типа (далее — ИУОТ). К ограничению свободы с направлением в ИУОТ осуждено 7,5% лиц против 8% в 2013 году, а без направления в ИУОТ — 13% от всех осуждённых. При применении наказания в виде ограничения свободы правоприменительная практика показала, что исправление осуждённых посредством возложения на них правоограничений возможно только в отношении лиц, не связанных

с субкультурой мест лишения свободы. Поэтому ограничение свободы без направления в ИУОТ должно применяться только к лицам, впервые осуждаемым к ограничению свободы за умышленные преступления либо за совершение преступлений по неосторожности. Представляется, что возможность назначения ограничения свободы с направлением в ИУОТ лицу, которому судом назначено принудительное лечение от алкоголизма или наркомании, в большей мере способствовала бы достижению целей уголовной ответственности, чем при назначении иных видов наказания, поскольку лечение вышеуказанной категории лиц при ежедневном контроле за их поведением в условиях спецучреждения очевидно более эффективно [2, с. 8].

Одной из задач Концепции является более широкое применение средств материального воздействия на лиц, совершивших преступление. Концепция не ориентирует на сугубо «коммерческий» подход относительно целесообразности назначения того или иного вида наказания либо иной меры уголовной ответственности, а лишь обязывает оптимизировать применение тех наказаний, которые более эффективны в карательном отношении и экономичны в социальном плане для государства, с учётом характера совершаемых преступлений и личности осуждённого.

Одним из положений Концепции было предусмотрено расширение применения штрафа в качестве основного и дополнительного наказания за преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления, интересов службы, за некоторые тяжкие ненасильственные преступления. Способствовать реализации данного положения призван Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 года № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее — Закон). Закон внёс значительные изменения и затронул значительную часть всех статей УК, а также расширил сферу действия такого наказания, как штраф [5].

Штраф как мера наказания ущемляет права осуждённого в разной степени в зависимости от материального положения виновного. За равные по тяжести преступления в одном и том же размере штраф причиняет разные материальные страдания для лиц с разным материальным положением. До вступления Закона в силу штраф в качестве дополнительного наказания мог применяться только в случаях, прямо предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК. В настоящее время штраф может назначаться в качестве дополнительного наказания по усмотрению суда. Законом были увеличены максимальный и минимальный пределы штрафа за преступления против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы — от трёхсот до пяти тысяч базовых величин.

Данные новшества позволят расширить практику применения штрафа в качестве дополнительного наказания, а также усовершенствовать технологию применения штрафа в части определения его размера по принципу соответствия тяжести совершённого преступления.

© Римша А. Ю., 2015

Список цитируемых источников

1. Гриб М. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть. Минск : БИП-С, 1999. 171 с.
2. Стук, А. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: промежуточные итоги // Законность и правопорядок. 2014. № 1. С. 6—10.
3. Об утверждении концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения : Указ Президента Респ. Беларусь № 672 от 23 дек. 2010 г. ; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. № 621 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. 1/13223.
4. Сафаров, Э. Цель Концепции — реформирование системы мер уголовной ответственности и порядка исполнения наказаний // Законность и правопорядок. 2011. № 3. С. 13—16.
5. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2015. 2/2239.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.34.04

М. А. Войтеховская

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ИНСТИТУТ «ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ПОДОЗРЕВАЕМОМ (ОБВИНЯЕМОМ)» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Появление нового института — производства по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, предусмотренного главой 49-1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, возможно, знаменует собой новый этап судебной реформы.

Новая глава Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) направлена на введение особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Сходны механизм заключения такого рода сделок закреплён в законодательстве Великобритании, Канады, Российской Федерации США, Франции и других стран, и введение его в Республике Беларусь является актуальным и заслуживающим концептуального одобрения.

Ссылаясь на пункт 4-1 статьи 6 УПК Республики Беларусь, отметим, что досудебное соглашение о сотрудничестве — это соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств [1]. Другими словами, подозреваемый (обвиняемый) подаёт письменное ходатайство о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве на имя прокурора. При этом подобное соглашение не может быть заключено с лицом, признанным невменяемым, а также по уголовным делам ускоренного производства, или если содействие подозреваемого (обвиняемого) заключается в сообщении сведений лишь о своём участии в преступной деятельности.

Основная цель введения в УПК института досудебного соглашения о сотрудничестве — необходимость усиления борьбы с организованной преступностью, в том числе коррупционной направленности. Разобшение преступных сообществ, организация более качественного раскрытия и расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, ведут к сокращению процента латентной преступности, а также упрощению расследования данных преступлений [2, с. 134].

Подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве после возбуждения уголовного дела и до объявления ему об окончании предварительного расследования. В случае заявления подозреваемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в период производства дознания уголовное дело вместе с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве незамедлительно передаётся следователю для производства дальнейшего расследования (пункт пять статьи 468-6 УПК).

Отметим, что цель, преследуемая подозреваемым (обвиняемым) при заключении соглашения о сотрудничестве, не находит отражения в УПК Республики Беларусь. Однако, исходя из специфики данного института, её можно определить как назначение минимального наказания в обмен на предоставление правоохранительным органам значимой информации для осуществления уголовного преследования лиц, виновных в совершении преступления

Согласно статье 468-10 УПК Республики Беларусь, получив от следователя уголовное дело с постановлением о передаче дела прокурору для направления в суд, прокурор или его заместитель помимо вопросов, предусмотренных статьёй 263 УПК Республики Беларусь, обязаны проверить, выполнены ли обвиняемым обязательства, предусмотренные досудебным соглашением о сотрудничестве [1].

В содержании досудебного соглашения о сотрудничестве не содержится никаких обязательств со стороны обвинения. А это, в свою очередь, ставит под сомнение факт, что данный документ является соглашением, поскольку в нём отсутствуют обязательства одной из сторон (прокурора). Мы придерживаемся мнения, что слабость и даже опасность нового института состоят в том, что подозреваемый (обвиняемый) не застрахован от продолжения уголовного преследования уже после заключения соглашения и возможности установления отягчающих обстоятельств и предъявления ему более тяжких обвинений, тем самым, исключая применение к нему поощрительных норм.

Подытоживая сказанное, отметим, что дополнение УПК Республики Беларусь главой 49-1 «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» открывает новую веху в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь. Положения данной главы являются актуальными и заслуживающими концептуального одобрения. Несмотря на то, что установленные нормы имеют изъяны, они понятны и отражают основную идею, заложенную в них.

© Войтеховская М. А., 2015

Список цитируемых источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 7.

2. Калиновский К. Б. Основные виды уголовного судопроизводства : учеб. пособие. СПб. : Изд-во юрид. ин-та, 2002. 289 с.

УДК 343.85

А. Н. Ключко

Сумский государственный университет, Сумы, Украина

МОШЕННИЧЕСТВО В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Рассматриваются некоторые особенности мошеннических схем, которые применяются преступниками в целях получения кредитных ресурсов банков. С учётом экономической ситуации в Украине приводятся рекомендации относительно предупреждения правоохранительными органами и службами безопасности банков совершения банковского мошенничества.

В структуре экономики Украины постепенно происходят положительные изменения, направленные на определение места нашего государства в мировом экономическом пространстве. Банки, проводя расчёты и кредитуя хозяйственный сектор, существенно повышают общую эффективность производства. Однако, в условиях экономического кризиса в стране возрастает количество так называемых экономических преступлений, которые становятся ещё более изощрёнными с учётом возможностей электронных технологий и осведомлённости преступников в этих вопросах. Особое место среди таких уголовных правонарушений занимает мошенничество в сфере денежного обращения, кредита и банковской деятельности.

К вопросам предупреждения совершения преступлений в сфере банковской деятельности обращались учёные В. П. Лавров, В. Д. Ларичев, Ш. П. Муцалов, С. С. Чернявский, А. В. Щербатов и другие ведущие специалисты. Однако в связи с достаточно высоким интеллектуальным уровнем мошеннических схем, которые используются при совершении преступлений в отношении кредитных ресурсов банков, вопрос противодействия посягательствам в сфере банковского кредитования остается актуальным.

Преступления в сфере банковского кредитования в связи с их спецификой занимают особое место в группе экономических преступлений. Их выявление требует сочетания комплекса правовых и экономических мер. Процесс формирования рыночных отношений в экономике Украины обуславливает необходимость повышения роли банковского кредита. Кредит — это предоставление одним субъектом (кредитором) ссуды в денежной или натуральной форме иному субъекту (заёмщику) на условиях возврата её в установленный срок и, по общему правилу, совмещённое с уплатой процентов [1, с. 549].

Действующее уголовное законодательство Украины не содержит такого самостоятельного состава преступления, как «Незаконное получение кредита», в отличие, например, от законодательства Российской Федерации. Так, статья 176 Уголовного кодекса РФ устанавливает уголовную ответственность за два преступления, различных по характеру предмета посягательства: часть первая — за получение кредита или льготных условий кредитования; часть вторая — за незаконное получение государственного целевого кредита или его нецелевое использование. Указанные деяния признаются преступными, если ими причинен значительный ущерб.

Уголовный кодекс Украины, по нашему мнению, содержит основные статьи, предусматривающие ответственность за незаконное получение кредита: мошенничество (статья 199), а также мошенничество с финансовыми ресурсами (статья 222). При мошенничестве действия третьих лиц направлены на получение денежных средств за счёт потерпевшего, при этом факт мошенничества жертва не всегда осознаёт. Достаточно часто имеет место так называемое неявное мошенничество, при котором процесс подготовки и оформления документов имеет абсолютно законный вид, а фактически действия оказываются мошенническими.

По мнению А. Сухачёва, характерные черты правоотношений в сфере банковского кредитования можно определить так: 1) субъектами правоотношений является банк-кредитор и заёмщик; 2) объектом кредитного правоотношения выступает заёмный капитал, который воплощается в денежной форме; 3) основу содержания кредитных правоотношений составляет возврат суммы денежных средств или материальных ценностей; 4) заёмный капитал становится кредитом после его поступления, согласно кредитному соглашению, в распоряжение заёмщика; 5) денежные средства, правомерно полученные субъектом хозяйствования как кредиты, переходят в его собственность с момента их фактического получения [2].

Полагаем, что к основным причинам мошенничества в банковском секторе необходимо отнести: отсутствие стандартных процедур проверки клиентов и недоступность достоверной информации о кредитной истории клиента; отсутствие единого реестра сотрудников кредитно-финансовых учреждений, несовершенство правовых регуляторов общественных отношений; неэффективность системы контроля за деятельностью банков, низкий уровень материальной обеспеченности населения, безработицу.

Основными мерами для борьбы с мошенниками является усиленный контроль в учреждениях кредитования. При оформлении кредитов и привлечении новых клиентов в банках ведётся учёт отказов в предоставлении кредитов, невозвратов средств, просроченных платежей и случаев мошенничеств, имевших место ранее. Такие учёты позволяют своевременно определять недобросовестных клиентов. Стоит заметить, что существуют различные категории клиентов банка. Так, даже постоянный клиент банка может задерживать уплату денежных средств по кредитному обязательству. Это может быть связано с важными личными причинами, например, с его пребыванием в другой стране, и т. п. Очевидно, что такие категории клиентов являются более надёжными, в связи с этим сотрудник банка напомнит заёмщику об оплате позже, чем новому клиенту. Как демонстрирует практика, чаще мошенниками оказываются лица, которые оформляют кредит в конкретном банковском учреждении впервые.

Эффективная борьба с мошенничеством в банковской сфере предполагает построение системы предотвращения злоупотреблений, к которой необходимо отнести: внедрение надёжного информационно-технологического оснащения службы безопасности банка; введение единой базы данных клиентов соответствующих учреждений, обучение сотрудников кредитных (депозитных) подразделений банков по вопросам предотвращения случаев мошенничества, организацию тесного сотрудничества между представителями финансового сектора и представителями правоохранительных органов.

В целях предупреждения совершения мошенничества в банковском секторе правоохранительным органам, по нашему мнению, необходимо предпринимать следующие меры: разработать организационную стратегию и определить средства контроля, направленные на анализ потенциальных угроз в результате внутренних и внешних злоупотреблений; периодически проводить тренинги для работников банка, направленные на улучшение знаний относительно выявления и противодействия мошенничеству в банковском секторе; наладить действенную коммуникационную политику между подразделениями банка, службой безопасности банка и правоохранительными структурами; подготавливать отчёты по результатам мониторинга подозрительных операций и передавать соответствующую информацию в службу безопасности и вышестоящие инстанции; регулярно проводить оценку операционных процедур банка относительно их соответствия установленным законом нормам.

Для решения проблемы предупреждения преступлений в сфере банковского кредитования необходима действенная система правовых мер, которая бы обеспечила нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению этих уголовных правонарушений. К основным механизмам, направленным на противодействие мошенничеству в банковском секторе, необходимо отнести предупредительные меры финансовых злоупотреблений как на уровне банковских учреждений, так и на уровне правоохранительных структур. Уменьшению количества случаев мошенничества способствует, прежде всего, эффективная работа банков в этом направлении. Используются внешние базы данных — базы бюро кредитных историй (далее — БКИ). Однако стоит отметить, что БКИ не являются достаточно эффективным при предоставлении потребительских кредитов, поскольку для принятия окончательного решения о выдаче денежных средств необходим быстрый доступ к информации о клиенте. Для других видов кредитования, где на принятие решения о выдаче кредита необходимо несколько дней, БКИ являются эффективными, поскольку фиксируя все факты мошенничества, уменьшают риск повторного совершения правонарушения.

© Ключко А. Н., 2015

Список цитируемых источников

1. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины / под ред. Н. И. Мельника, Н. И. Хавронюка. 3-е изд., перераб. и доп. Киев : Атика, 2003. С. 549.
2. Сухачев А. Преступления в сфере банковского кредитования // Вестн. Киев. нац. ун-та им. Т. Г. Шевченко. Сер. Юрид. науки. 2012. Вып. 93. С. 111—114.

УДК 343.9

О. И. Скок

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ АВТОДОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В исследовании отражены вопросы, касающиеся понятия «осмотр места происшествия», выявления признаков и обстоятельств, определения осмотра места происшествия при совершении автодорожных преступлений, изучения криминалистической тактики производства данного следственного действия.

Осмотр места происшествия автодорожного преступления представляет собой неотложное следственное действие, которое направлено на установление, фиксацию и исследование обстановки места, где произошло автодорожное преступление, следов данного события и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия, а также установить другие обстоятельства расследуемого события.

Основной целью данного следственного действия является получение информации и доказательств о конкретном дорожно-транспортном происшествии. При этом достижение основной цели в процессе проведения осмотра места автодорожного преступления обеспечивается путём решения конкретных задач, направленных на изучение и фиксирование результатов осмотра места происшествия; выдвижение версий обстановки в момент совершения преступления на основе имеющихся данных, установленных при осмотре; обнаружение и изъятие следов преступления и преступника; выявление преступника и мотивов преступления; установление причин и условий, способствующих совершению преступлений; получение необходимых данных для дальнейших следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [1, с. 23].

Общие положения осмотра места происшествия при расследовании автодорожных преступлений заключаются в основных ключевых моментах осмотра, главных методах подхода к данному действию, а также включают в себя осуществление самостоятельного выбора и применения отдельных специфических тактических приёмов.

На основе общих положений, определяющих основные действия следователя и следственной группы при осмотре места автодорожного преступления, данную процессуальную следственную процедуру подразделяют на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. К подготовительному этапу относят в большей части мероприятия организационного характера. Они представлены в основном обобщением данных о месте осмотра, а также планированием и действиями, направленными на организацию и подготовку к осуществлению осмотра места автодорожного преступления (уточняется адрес, территория места осмотра, проводится уточнение полученных исходных данных о событии, при необходимости принимаются меры по охране места происшествия и объектов, находящихся на его территории, предоставляется, если нужно, помощь пострадавшим, осуществляются мероприятия, направленные на ослабление негативных последствий, обеспечивается определение состава следственно-оперативной группы, подготавливается и уточняется комплекс необходимых криминалистических средств и оборудования, составляется примерный план осмотра места автодорожного преступления).

Рабочий этап включает ряд действий по осмотру самого места происшествия. При этом данный этап состоит из двух стадий, представленных общим и детальным осмотром (ориентирование на месте происшествия; проведение предварительного осмотра, определение его границ, восприятия обстановки в целом и в неподвижном состоянии; осуществление других действий. В ходе осмотра полученная информация в уже более обобщённом состоянии анализируется, оценивается и на основании этой информации строятся версии о характере события в целом и отдельных его обстоятельствах (личность преступника, мотивы, способ совершения, исправность транспорта и т. д.).

Заключительная стадия осмотра места происшествия при расследовании автодорожных преступлений представляет собой фиксацию результатов осмотра места происшествия, их процессуальное закрепление. При этом основным процессуальным документом, где фиксируется ход и итоги данного следственного действия, является протокол осмотра места происшествия [2, с. 72].

Осмотр места совершения автодорожного преступления является по своей структуре достаточно сложным следственным действием. С целью успешного проведения оно осуществляется согласно определённым требованиям: 1) соблюдение принципа своевременности проведения данного действия (осмотр места автодорожного происшествия должен быть произведён без задержек, оперативно, в максимально сжатые сроки после того, как было получено сообщение о данном преступлении); 2) при совершении действий по осмотру необходимо соблюдать объективность, т. е. представлять и фиксировать находящиеся на месте происшествия объекты и следы в том виде, в каком они были первоначально обнаружены; 3) обязательной является полнота осмотра места происшествия (все участки должны быть тщательно исследованы в целях выявления и фиксации всех следов, имеющих значение для дела); 4) все следственные действия должны иметь строго определённый порядок и последовательность; 5) должны быть использованы различные методы познания (при осмотре следователь использует по своему усмотрению различные тактические приёмы, способы и средства; производит необходимые измерения, описания. При этом следует отметить, что следователь обязан в определённых случаях использовать специальные технико-криминалистические методы работы с объектами и следами (например, осмотр объектов с помощью оптических средств, обработка объектов порошками и жидкостями и т. д.), принимать помощь иных специалистов, например, судебных экспертов, техников-криминалистов, врачей и др.) [3, с. 241].

Участниками осмотра места автодорожного происшествия является определённый процессуальными нормами состав, лиц включающий: 1) следователя, который, согласно статье 36 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, является руководителем и основным исполнителем проводимых в процессе осмотра действий; 2) понятых, которые в соответствии со статьёй 202 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь привлекаются для удостоверения факта производства осмотра места происшествия, а также его содержания, хода и результатов; 3) сотрудников оперативно-розыскных органов, которые оказывают содействие при производстве осмотра; 4) специалиста определённого профиля, который приглашается для участия в осмотре места происшествия, например, специалиста-автотехника и др. Также, при наличии на месте происшествия трупа, в осмотре может участвовать судебно-медицинский эксперт.

Если необходимо получение соответствующих пояснений при изучении обстановки места происшествия, обнаружении следов преступления, к участию в осмотре привлекаются обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель [4, с. 246].

Осмотр места происшествия при расследовании автодорожных преступлений имеет ряд характерных особенностей, влияющих на дальнейший выбор тактических приёмов, способов и методов при осуществлении данного следственного действия. Так, основные особенности осмотра места автодорожного происшествия следующие: 1) в нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, отсутствуют конкретные указания на то, какие действия являются непосредственно противоправными, следовательно, преступными. Таким образом, Уголовный кодекс лишь указывает на нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств и ссылается на установленный законный порядок движения, нормы поведения водителя и других лиц. В результате такое положение требует от следователя при проведении осмотра места автодорожного преступления наличия дополнительных специальных знаний и навыков (правил дорожного движения, представления о механизмах транспортных средств); 2) расследование таких преступлений предусматривает проведение ряда характерных для этой категории преступлений обязательных следственных действий (освидетельствование водителя для установления состояния опьянения; осмотр места происшествия и транспорта; назначение судебно-медицинской экспертизы для определения тяжести телесных повреждений, причинённых потерпевшим; назначение автотехнической экспертизы); 3) характерной особенностью осмотра места происшествия при расследовании автодорожных преступлений является оперативность. Действия, связанные с осмотром места происшествия, зависят от ряда причин, которые могут затруднить ход следственного действия и раскрытия преступления в целом (погодные условия, которые могут уничтожить следы преступления; действия, связанные с розыском скрывшегося водителя, и т. д.) [5, с. 140].

Таким образом, осмотр места происшествия при расследовании автодорожных преступлений требует при проведении данного следственного действия применения особенных тактических приёмов и способов со стороны следователя и следственной группы. Осмотр места совершения автодорожного преступления является результативным способом получения информации о преступлении, от качества его проведения зачастую зависит успех расследования, так как полученная при осмотре места происшествия информация может носить доказательственный характер, способствовать изобличению виновных и раскрытию преступления.

© Скок О. И., 2015

Список цитируемых источников

1. Ачмиз, Р. Ю. Расследование дорожно-транспортных преступлений : метод. пособие. Краснодар : Юрид. кн., 1998. 108 с.
2. Зотов, Б. Л. Расследование и предупреждение автотранспортных происшествий: учеб. пособие. М. : Юрид. лит., 1982. 128 с.
3. Андреев, И. С. Криминалистика : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2006. 323 с.
4. Криминалистика : учеб. / под ред. Д. Н. Балашова. М. : ИНФРА-М, 2005. 503 с.
5. Сборник методических рекомендаций по вопросам раскрытия и расследования преступлений следователями и оперативными работниками органов внутренних дел / под ред. П. В. Коляды. Киев : ГСУ МВД, 2001. 240 с.

И. В. Ярошня

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЛЕГАЛЬНОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Отражены некоторые аспекты методики расследования преступлений в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ, элементы преступлений, специфика их совершения, а также особенности материальных следов данной группы преступлений.

Криминалистические характеристики являются основным элементом криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ. В эту характеристику включается информация, которая предопределяет деятельность органов предварительного расследования и следствия по проверке, оценке и сбору доказательств, целью которого является установление обстоятельств, необходимых для справедливого принятия решения по расследуемому уголовному делу. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с нарушением легального оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов имеют своей спецификой то, что она охватывает только те элементы предмета доказывания, которые непосредственно характерны для этой группы преступлений.

В ходе многочисленных операций отдела внутренних дел МВД Республики Беларусь по противодействию незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов осуществляется целый комплекс организационно-правовых, научно-технических, оперативно-розыскных, следственных, экспертно-криминалистических, контрольных, предупредительно-профилактических и иных мероприятий, направленных на предупреждение, выявление, пресечение правонарушений в сфере легального оборота наркотиков. Перекрываются всевозможные каналы их утечки в незаконный оборот, а также выявляются факты несоблюдения законодательства, регулирующего оборот указанных средств и веществ.

Предметом преступного посягательства в данных преступлениях являются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги. Непосредственно предмет генерирует разработку способа совершения преступления и вызывает противоправный интерес у определённых субъектов легального оборота наркотических средств и психотропных веществ [1].

Одно из наиболее типичных нарушений — осуществление деятельности, связанной с оборотом наркотиков, без соответствующей лицензии. Часто выявляются нарушения установленных требований к технической оснащённости и укреплённости объектов и помещений, где осуществляется деятельность, связанная с оборотом наркотиков, оформлением и ведением учётной документации, выписыванием рецептов, уничтожением наркотиков, а также их отпускком.

Элементом криминалистической характеристики исследуемых преступлений является характеристика личности преступника. Типичными субъектами преступлений, совершаемых в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ, являются: медицинские сёстры (31,4%); старшие медицинские сёстры (8,5%); главные медицинские сёстры больниц (5,7%); акушерки (старшие акушерки) (7,5%); врачи (анестезиологи, онкологи и др.) (14,2%); заместители главного врача (11,5%); главные врачи (5,7%); фельдшеры подстанций скорой медицинской помощи (5,7%); заведующие складом (2,8%); заведующие лабораторией (1,8%); главные технологи (1,6%); больные, находящиеся на излечении (1,8%); родственники онкологических больных (1,8%) [2].

Среди лиц, совершивших преступления указанной категории, большинство составляют женщины (65,7%). Типичный возраст медсестёр и иных представителей медицинского персонала — от 28 до 55 лет; а главных врачей и врачей, совершивших аналогичные преступления, — от 40 до 60 лет. Возраст больных, совершающих хищения наркотических препаратов свободным доступом из мест их хранения, а также лиц, похищающих наркотики у онкологических больных, — преимущественно от 25 до 30 лет.

Обстановка совершения преступлений, связанных с нарушением правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также их хищением, — элемент криминалистической

характеристики преступлений, во многом детерминирующий выбор предмета посягательства, а также способа совершения преступления. Наиболее типичными местами преступлений, совершаемых в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ, являются: помещения лечебно-профилактических учреждений (68,5%); аптеки (8,5%); подстанции скорой медицинской помощи (6,0%); квартиры, частные дома (5,7%); склады хранения наркотических средств и психотропных веществ (5,7%); лаборатории (2,8%); участки местности (2,8%) [2].

Время совершения преступлений, связанных с хищениями и нарушениями правил оборота наркотических средств, как правило, совпадает с режимом работы объекта. С учётом непрерывной работы большинства медицинских учреждений, обуславливающей возможность круглосуточного нарушения правил хранения и учёта наркотических средств и психотропных веществ, время преступления имеет умеренно выраженное криминалистическое значение.

Способы нарушения правил оборота наркотических средств в стационарных лечебно-профилактических учреждениях и поликлиниках являются как способами подготовки к хищению лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства, так и условиями, способствующими совершению данных преступлений. Однако количество выявленных хищений наркотических средств и психотропных веществ продолжает снижаться, что свидетельствует о низком качестве расследования, односторонности при выдвижении и проверке версий. Типичные способы совершения преступлений в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ: нарушение правил учёта и уничтожения (90,1%); нарушение правил хранения (3,0%); хищение наркотических средств (2,2%); нарушение правил отпуска (1,0%); нарушение правил учёта прекурсоров (3,7%) [2].

Неотъемлемым элементом приготовления к совершению хищения наркотиков и психотропных веществ является создание неучтённых резервов путём следующих действий: 1) документальное завышение количества отпущенных больным средств по отношению к реально выданным, проданным, использованным; 2) замена наркотических препаратов в ампулах водой и другими нейтральными жидкостями; 3) выписка рецептов на имя умерших больных; 4) ложное указание в медицинских документах факта введения (или отпуска) больному наркотического средства; 5) внесение иных подложных записей в рецепты, журналы учёта выдачи наркотических лекарств и другие документы.

Типичные способы сокрытия хищений и нарушений правил оборота наркотических средств и психотропных веществ: 1) внесение недостоверной информации в журналы предметно-количественного учёта наркотических средств; 2) не постановка на учёт наркотических средств, оставшихся после операции, сданных родственниками умерших больных; 3) составление фиктивных актов уничтожения наркотических препаратов; 4) перемещение похищенного с места совершения преступления с последующим употреблением наркотических средств; передача похищенных наркотических средств третьим лицам для сохранения или употребления; 5) непризнание вины, дача ложных показаний; 6) уничтожение наркотических средств и психотропных веществ, пустых ампул [2].

Важным элементом указанной группы преступления является организованность групп, совершающих преступления. Характеристиками таких групп является жёсткая иерархия, подчинённость, связь с другими преступными группами и некоторыми чиновниками, сложность проникновения новых членов в организованную группу.

В результате обобщения существующих научных позиций дифференцированы типичные группы материальных следов: 1) наркотические средства, психотропные вещества; вещества, инструменты или оборудование, используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящиеся под специальным контролем; 2) растения, содержащие наркотические вещества, используемые для производства наркотических средств или психотропных веществ, следы их культивирования; 3) следы хранения, учёта, отпуска, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза наркотических средств либо веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем; 4) следы уничтожения наркотических средств или психотропных веществ либо веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем; 5) следы хищения наркотических средств или психотропных веществ;

б) рецепты и иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ, следы их подделки. Данные группы следов являются определяющими при расследовании данного вида преступлений.

Таким образом, нарушение требований и норм легального оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, который впоследствии переходит в нелегальный оборот, представляет собой существенную угрозу национальной безопасности Республики Беларусь. К тому же эти деяния наносят ущерб учреждениям здравоохранения страны.

Противоправная деятельность визуализируется в соответствующих следах, специфика которых, с одной стороны, предопределена особенностями места совершения преступления, с другой — является проявлением конкретного способа преступления [3].

© Ярошеня И. В., 2015

Список цитируемых источников

1. Совещание по вопросам противодействия незаконному обороту наркотических средств [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <http://president.gov.by> (дата обращения: 05.01.2015).

2. Управление информации и общественных связей МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Респ. Беларусь : [сайт]. URL: <http://mvd.gov.by> (дата обращения: 06.01.2015).

3. Файзрахманов, Н. Ф. Оборот фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств, биологических добавок: вопросы расследования и уголовной ответственности // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

УДК: 343.34:343.132.2

А. А. Адамян

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Кыргызско-Российский Славянский университет», Бишкек, Кыргызская Республика

**ВВЕДЕНИЕ В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНСТИТУТА КОНФИСКАЦИИ “IN REM” ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ
С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Исследование посвящено вопросам борьбы с организованной преступностью как одним из наиболее общественно опасных явлений на современном этапе развития общества. Изучая опыт зарубежных государств, а также отечественное законодательство, автор рассматривает целесообразность применения конфискации “in rem” по делам, связанным с организованной преступностью.

Организованная преступность на современном этапе развития общества является одним из наиболее опасных социальных явлений, представляющих серьёзную угрозу безопасности государства и общества. Она имеет тенденцию проникать во все сферы жизнедеятельности государств, нанося колоссальный экономический вред, подрывая устои и безопасность государства.

В современных условиях сохраняются тенденции роста организованной преступности, наблюдается появление новых форм и теснейшая связь лидеров криминальных объединений с коррумпированными государственными чиновниками. При этом повышенная общественная опасность организованной преступности, кроме иных прочих факторов, состоит в том, что, в отличие от обычной преступности, она противопоставляет себя государственной власти.

Говоря о преступных сообществах, авторы справедливо отмечают, что это — уголовно-правовая форма выражения организованной преступности, а следовательно, борьба с ними является настолько же актуальной и необходимой.

Здесь необходимо отметить, что, обращаясь к криминологической характеристике организованной преступности, практически все авторы едины во мнении: основной целью деятельности преступных группировок является получение сверхдоходов от незаконной деятельности. Однако, с учётом того, что в составе преступных сообществ работают профессионалы (в области юриспруденции, экономики, оперативной работы и пр.), для правоприменителей не всегда представляется возможным доказать преступное происхождение этих доходов, так как ими осуществляется процесс их легализации и проникновения в законный бизнес.

Считаем необходимым более подробно остановиться на рассмотрении санкции, предусмотренной за организацию преступного сообщества (преступной организации) по действующему законодательству Кыргызской Республики. Так, в соответствии с частью первой статьи 231 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее — УК) за создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных преступных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений законодатель предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

По части второй статьи 231 УК за участие в преступном сообществе (преступной организации) предусматривается лишение свободы на срок от восьми до двенадцати лет с конфискацией имущества.

В соответствии со статьёй 52 УК конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства: 1) имущества осуждённого и (или) доходов от него,

оборудования, орудий и других средств, использовавшихся или предназначавшихся для использования каким-либо образом при совершении преступления; 2) имущества осуждённого, переданного другому лицу, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий; 3) преступного дохода или любой прибыли (выгоды) от преступного дохода, полученного в результате совершения легализации (отмывания) преступного дохода; 4) имущества или части имущества, которая соответствует оцененной стоимости приобретённых преступных доходов, если преступные доходы были приобщены к имуществу, приобретённому из законных источников [1].

Законодательство большинства стран различает два вида конфискации: конфискацию в уголовном порядке (лат. *in personam*) и конфискацию вне уголовного производства (лат. *in rem*). Эти виды конфискации различаются процедурой изъятия активов. Первая подразумевает уголовное производство и вынесение обвинительного приговора; для второй этого не требуется. В некоторых странах применяется также так называемая административная конфискация [2].

Таким образом, по действующему законодательству предусматривается конфискация в уголовном порядке, она направлена против определённого лица, требует уголовного судопроизводства и составляет часть наказания. Данная конфискация может быть вещной (нужно доказать, что конфискуемые активы являются доходами от преступления или его орудием), а может быть стоимостью-ориентированной (стоимость конфискуемого эквивалентна доходам от преступления, нет необходимости доказывать, что конкретная собственность связана с преступлением).

Ещё раз отметим — большинство авторов придерживаются точки зрения, что основной целью деятельности преступных сообществ является получение сверхдоходов от незаконной деятельности. Так, в модельном Уголовном кодексе стран СНГ преступное сообщество рассматривается как «...сплочённое объединение организованных преступных групп с целью получения незаконных доходов» (часть четвёртая статьи 38) [3]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что преступления, совершаемые преступными сообществами и связанные с организованной преступностью, причиняют существенный вред экономическим интересам. Следовательно, наиболее целесообразно наряду с лишением свободы за организацию преступного сообщества (преступной организации) обязательно применять конфискацию имущества и денежных средств, добытых незаконным путём. Так, в Уголовном кодексе Италии в пункте 7 статьи 416.2 «Объединение мафиозного типа» закреплено следующее: «По отношению к осуждённым всегда обязательна конфискация предметов, которые служат или были использованы для совершения преступления, и предметов, являющихся ценной, продуктом, доходом или которые могут быть использованы в дальнейшем (теряют право, кроме того, лицензии полиции, торговли, бирж и т. д., если осуждённый имеет таковые)» [4, с. 54].

Согласно пункту 7 статьи 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года и пункту 8 статьи 31 Конвенции ООН против коррупции 2003 года, «государства-участники могут рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства».

Однако, необходимо отметить, что сторона обвинения зачастую сталкивается с рядом трудностей при доказывании преступного происхождения доходов организаторов (руководителей) или участников преступного сообщества. Как мы отмечали ранее, в число участников преступных сообществ (организаций) входят профессионалы, которые умело маскируют доходы и придают им легальный вид, что приводит к невозможности органами, осуществляющими следствие доказать преступность их происхождения, даже при наличии у них всех предусмотренных законами средств доказывания.

В этой связи, учитывая повышенную степень общественной опасности данной категории преступления, а также руководствуясь действующим Законом Кыргызской Республики «О противодействии организованной преступности», мы считаем необходимым введение института конфискации “*in rem*” в действующее уголовное законодательство за преступления, связанные с организованной преступностью (организация преступного сообщества (преступной организации), коррупция и т. д.)

Сущность данного института состоит в следующем: конфискация вне уголовного производства (гражданская или вещная конфискация) — это судебное преследование имущества. Этот процесс отделён от уголовного судопроизводства: должно быть доказано, что конфискуемое имущество имеет отношение к преступной деятельности или было орудием его совершения. В большинстве случаев доказательство происходит путём сравнения вероятностей. Конфискация вне уголовного производства позволяет вернуть активы в тех ситуациях, когда невозможно применить конфискацию в уголовном порядке. Например, когда преступник скрывается от правосудия; умер до возбуждения дела или до вынесения приговора; имеет правовой иммунитет; наделён такой властью, что уголовное расследование и преследование невозможны; нехватка доказательств для уголовного преследования и др. Конфискация “in rem” может применяться в случаях, когда лицо, совершившее уголовно-противоправное деяние, по тем или иным причинам (его смерть, сокрытие от правосудия и т. д.) невозможно привлечь к уголовной ответственности либо когда уголовное преследование лица прекращено по нереабилитирующим основаниям, но имеются доказательства того, что его имущество приобретено в результате актов коррупции, а также если размер имущества осуждённого явно не соответствует законным источникам доходов этого лица и имеются обоснованные подозрения, что это имущество нажито преступным путём, в частности, за счёт коррупции. При этом предполагается возложение бремени доказывания законности происхождения имущества на его владельца [5, с. 61].

Необходимость применения конфискации “in rem” за коррупционные преступления была обоснована российскими учёными, и данная аргументация заслуживает внимания. Так, например, аргументируется справедливость перенесения бремени доказывания законности происхождения доходов или имущества на сторону обвиняемого. Исходя из теории доказывания, в интересах сохранения процессуального равенства специальное бремя доказывания возлагается на ту или иную сторону при следующих условиях: а) по материальным и организационным возможностям, имеющимся в её распоряжении, данная сторона фактически намного сильнее в доказывании, чем её оппонент (это обычно служит основанием для возложения бремени доказывания виновности на сторону публичного обвинения); б) обстоятельства, которые предстоит доказать стороне, для неё являются объективно достижимыми.

Условие достижимости предполагает, что эти обстоятельства имеют достаточно определённый характер, т. е. имеют необходимую локализацию во времени и пространстве. Когда же их приходится искать на неопределённой территории и произвольном отрезке времени, шансы обвинителя на успех крайне малы, и сторона защиты объективно находится в несравненно лучшем положении в доказывании, нежели сторона обвинения. Если обстоятельства не отвечают этому условию, доказывание даже для стороны публичного обвинения, несмотря на её общее материальное и организационное превосходство, практически может оказаться непосильным, а потому, ради сохранения равенства сторон в состязательном процессе, бремя доказывания не может возлагаться исключительно на обвинителя и должно быть распределено иначе. При этом сторона защиты объективно поставлена в лучшее положение в доказывании, чем сторона обвинения, поскольку ей несравненно легче — будь имущество приобретено законно — представить данные о совершённых сделках и доказать их правомерность [6]. Соглашаясь с данными положениями мы считаем, что в подобных случаях бремя доказывания правомерности происхождения имущества в интересах соблюдения принципа равенства и справедливости судопроизводства может быть перемещено на сторону, которой угрожает конфискация имущества, не нарушая закреплённого принципа состязательности сторон.

Также отметим, что правовые инструменты для осуществления процедуры конфискации “in rem” в нашем государстве уже имеются, и вещная конфискация, вне уголовного судопроизводства, может производиться следующим образом: 1) на основании статьи 17 Закона Кыргызской Республики «О противодействии организованной преступности» (далее — Закон), лица, причастные к организованной преступности могут быть поставлены на оперативно-превентивный учёт, либо судом на них могут быть наложены какие-либо обязанности [7]. В отношении таких лиц Законом предусмотрена возможность проверки финансового состояния данного лица. Следовательно, начать процедуру проверки имущественного состояния лица до возбуждения в отношении него уголовного дела на сегодняшний день возможно на основании действующего Закона; 2) далее, в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Закона, от лица, поставленного на оперативно-превентивный

учёт, вправе потребовать на основании судебного акта предоставления данных о получаемых доходах. В случае обнаружения доходов или имущества, которые явно превышают доход лица, по нашему мнению, возможно начать процедуру конфискации “in rem” в гражданско-процессуальной форме, т. е. судом может быть наложена обязанность доказать законность их происхождения. Именно здесь и происходит перенесение бремени доказывания на сторону лица, финансовое состояние которого проверяется; 3) если лицо не может доказать, что данные доходы являются законными, и есть достаточные основания полагать, что они являются продуктом незаконной деятельности мы считаем, что судом может быть применена конфискация “in rem”, т. е. происходит конфискация имущества без обвинительного приговора суда в порядке гражданского судопроизводства. Мы считаем, что процедура конфискации “in rem” может иметь право на существование только в том случае, если она будет являться гражданско-процессуальной формой применения последствий недействительности сделок по приобретению имущества на средства, добытые преступным путём.

Целесообразность применения данного института по делам, связанным с организованной преступностью заключается в том, что лишение представителей преступных сообществ их материальной базы, путём конфискации имущества добытого незаконным путем, может существенно подорвать их деятельность, а в лучшем случае вообще способствовать её прекращению и распаду такого рода сообщества. Вместе с тем представляется, что реализация рекомендации о введении в законодательство о судопроизводстве норм, позволяющих переложить бремя доказывания происхождения имущества на лицо, виновное в совершении преступления, требует крайне осторожного и взвешенного подхода, который бы учитывал необходимость дифференцированного подхода к перемещению бремени доказывания на ту или иную сторону с учётом необходимости обеспечения принципов справедливости процесса и равенства сторон.

© Адамян А. А., 2015

Список цитируемых источников

1. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // ПАРАГРАФ. Информационные системы. URL: <http://online.adviser.kg> (дата обращения: 22.02.2015).
2. Конфискация [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.02.2015).
3. Модельный уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. № 7-5 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901914840> (дата обращения: 25.02.2015).
4. Левашова В., Казанцева Д. Б., Безрукова О. В. Преступное сообщество: анализ российского и зарубежного законодательства // Сб. конф. НИЦ «Социосфера». 2013. № 13. С. 53—57.
5. Смирнов А. В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 2008. № 1. С. 60—68.
6. Смирнов А. В. К вопросу о введении в российское уголовное законодательство института конфискации «in rem» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=1568> (дата обращения: 22.01.2015).
7. О противодействии организованной преступности [Электронный ресурс] : Закон Кыргыз. Респ. от 29 мая 2013 г. № 82 // ПАРАГРАФ. Информационные системы. URL: <http://online.adviser.kg> (дата обращения: 22.02.2015).

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рассматривается принцип справедливости в уголовном праве и уголовном законодательстве: понятие; соответствие принципу справедливости отдельных положений уголовного закона; соотношение социальной справедливости, уголовно-правового принципа справедливости и принципа справедливости уголовного закона.

Термин «принцип» (*principium*) латинского происхождения буквально означает основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки; руководящая идея, основное правило поведения, деятельности [1, с. 424]. Каждая отрасль юридической науки проблеме принципов уделяла и продолжает уделять пристальное внимание. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 года (далее — УК), построенный на основе научно-обоснованных принципов, способен обеспечить охрану прав и свобод человека, защиту интересов общества и государства, а в конечном счёте — более высокую эффективность борьбы с преступностью. В действующем УК законодательно закреплена система принципов уголовного закона и уголовной ответственности: к ним отнесены принципы законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма (статья 3 УК).

Принцип справедливости, согласно Уставу ООН, является ключевой идеей, лежащей в основе мирного урегулирования международных споров. Таким образом, Устав ООН рассматривает данный принцип как философскую категорию социально-правового сознания, оценивающую общественную деятельность с точки зрения морали.

Как известно, УК не содержит определения понятия справедливости. Нет данного определения и в других нормативных правовых актах Республики Беларусь. Слово «справедливость» В. И. Даль определял как «правильный, сделанный законно, по правде, “по совести, по правоте”» [2, с. 299]. В словаре С. И. Ожегова «справедливость» трактуется как «справедливое отношение к кому-нибудь, беспристрастие» [3, с. 658]. В философском словаре «справедливость» определяется следующим образом: «в современной этике ценностей справедливость является предварительным условием осуществления ценностей и состоит в том, чтобы быть справедливым по отношению к чужой личности как таковой, уважать её, чтобы сохранить её свободу действий и не препятствовать созданию культурных ценностей» [4, с. 363].

Исследователи В. Н. Кудрявцев и С. Г. Келина указывали на три уровня проявления принципа справедливости в уголовном праве: справедливость при формировании круга преступных деяний; справедливость при назначении судом наказания; обязанность законодателя определить справедливую санкцию [5, с. 134].

С принятием УК в уголовно-правовой науке активизировалось изучение этого феномена в жизни и его соотношения с другими принципами уголовного права. Так, одни учёные (А. В. Арендаренко, В. Д. Филимонов) рассматривают принцип справедливости по отношению к иным правовым принципам (законности, гуманизма и т. д.) в качестве генерального принципа. Аналогичную позицию занимают А. В. Бриллиантов и Н. И. Крюкова. Справедливость, отмечают они, является очень ёмким понятием, включающим в себя многие факторы. Нельзя признать наказание справедливым, если оно незаконно, если было нарушено равенство граждан перед законом, если наказание является чрезмерно суровым и т. д. Поэтому можно сказать, что принцип справедливости как бы аккумулирует в себе содержание и всех иных принципов [6, с. 25]. Другие (С. Г. Келина, С. Н. Кожевников, В. Н. Кудрявцев) считают неверным деление всех принципов на главные и второстепенные, указывают, что все они имеют самостоятельное значение, и что принцип справедливости однопорядковый и имеет равное значение с другими принципами уголовного права [5, с. 65, 66].

Как известно, УК в статье 3 употребляет термин «справедливость», а в части третьей статьи 44 — «социальная справедливость», придавая им разное функциональное значение. В одном случае (статья 3) — это принцип всего уголовного закона и уголовной ответственности, в другом (часть третья статьи 43) — впервые в отечественном законодательстве в качестве цели уголовной

ответственности называется восстановление социальной справедливости. Ни в одном из предшествующих законов подобной формулировки не содержалось. По мнению В. Т. Томина, прилагательное «социальная» в данном контексте является не выражением позиции законодателя, а следствием редакционной небрежности. Появление этого термина исключает из формулировки цели уголовной ответственности восстановление индивидуальной справедливости. Между тем, наказание виновного по конкретному уголовному делу носит сугубо индивидуальный характер, поэтому термин «социальный» в данном случае избыточный [7, с. 157—158]. Иную точку зрения высказывает М. Н. Становский. По его мнению, смысл, вкладываемый законодателем в понятия «социальная справедливость» и «принцип справедливости», не равнозначен. В соответствии со статьёй 3 УК справедливость служит лишь принципом назначения лицу, признанному виновным в совершении преступления, праведного наказания. Социальная справедливость как уголовно-правовая категория характеризуется четырьмя аспектами, затрагивающими интерес: 1) государства, 2) общества, 3) обвиняемого, 4) потерпевшего. Восстановление социальной справедливости — это конечный результат, цель, к которой стремится законодатель, а «принцип справедливости», — это средство, с помощью которого нужная цель может быть достигнута. Таким образом, социальная справедливость, является более ёмким понятием, чем принцип справедливости.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить: принцип справедливости в уголовном праве имеет свою специфику в отличие от принципа справедливости в других отраслях законодательства. Его своеобразие обусловлено задачами уголовного законодательства и функциями его реализации в сфере уголовно-правовых отношений.

© Артыков А. О., Русак А. Н., 2015

Список цитируемых источников

1. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина [и др.]. 6-е изд. М., 1964. 764 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 4. 699 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1988. 748 с.
4. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2009. 569 с.
5. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М. : Наука, 1988. 176 с.
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2010. 1232 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 1025 с.

УДК 343.27

А. В. Гончарова

Сумский государственный университет, Сумы, Украина

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Действующее белорусское уголовное законодательство предусматривает возможность применения к несовершеннолетним мер, альтернативных уголовной ответственности, в частности, принудительных мер воспитательного характера. Законодатель впервые нормативно закрепил приоритет данных мер перед уголовным наказанием и иными мерами уголовно-правового характера. Эта новелла была призвана во многом изменить практику реализации уголовной ответственности к несовершеннолетним. Вместе с тем, как свидетельствуют данные официальной уголовной статистики, удельный вес лиц, к которым применены данные меры, от общего числа осуждённых несовершеннолетних, в последние годы остаётся на неизменно низком уровне. Во многом это связано с проблемами как законодательного закрепления принудительных мер воспитательного характера, так и практики их применения. Данная работа посвящена анализу некоторых из них.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) закреплены пять видов принудительных мер воспитательного характера: предостережение, возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинение потерпевшему; возложение на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, обязанности возместить своими средствами или устранить своим трудом причинённый ущерб; ограничение свободы досуга несовершеннолетнего; помещение несовершеннолетнего на срок до двух лет, но не более чем до достижения им восемнадцатилетнего возраста, в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Как справедливо, на наш взгляд, отмечают некоторые специалисты, отдельные из перечисленных мер по своим признакам не соответствуют сущности уголовно-правового принуждения [1, с. 14].

В первую очередь это относится к предостережению, суть которого состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причинённого его деянием, и последствий повторного совершения преступлений. Очевидно, что разъяснение несовершеннолетнему вреда, причинённого его деянием, и последствий повторного совершения преступлений не имеет признаков принуждения, так как указанная мера не предполагает возложение на несовершеннолетнего никаких обязанностей. К тому же, в силу своего одномоментного характера при самостоятельном применении этой меры исключается возможность её отмены.

Другой принудительной мерой воспитательного характера является возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинение потерпевшему. Публичное извинение может быть принесено в средствах массовой информации, на собрании коллектива, организации и т. п.

Следующая принудительная мера воспитательного характера — это возложение на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, обязанности возместить своими средствами или устранить своим трудом причинённый ущерб. Условием применения данной меры является наличие у несовершеннолетнего самостоятельного заработка, а размер ущерба не должен превышать его среднемесячного заработка (дохода). В ином случае возмещение ущерба производится в порядке гражданского судопроизводства. Признавая в целом воспитательное значение и принудительный характер этой меры, необходимо отметить, что она применима лишь к узкому кругу несовершеннолетних. Во-первых, несовершеннолетний должен иметь самостоятельный доход, либо соответствующее имущество, либо обладать необходимыми трудовыми навыками, позволяющими собственноручно устранить причинённый вред (отремонтировать повреждённые вещи, привести в надлежащий вид помещение и др.). Во-вторых, на практике работодатели стремятся не привлекать к трудовой функции лиц с криминальным прошлым. Кроме того, труд несовершеннолетних предполагает ряд ограничений по сравнению с взрослыми что, естественно, невыгодно работодателю, поскольку выступает для него дополнительным, в том числе и в материальном плане, обременением.

Ещё одной из предусмотренных статьёй 117 УК принудительных мер воспитательного характера выступает ограничение свободы досуга несовершеннолетнего на срок от одного до шести месяцев, заключающееся в возложении на него обязанности соблюдения определённого порядка использования свободного от учёбы и работы времени. Суд может предусмотреть запрет посещения определённых мест, использования определённых форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома в определённое время суток, обязанность являться для регистрации в орган, осуществляющий контроль поведения несовершеннолетнего. Следует констатировать, что данная мера, по сравнению с рассмотренными, в наибольшей степени соответствует критериям уголовно-правового принуждения.

Самая строгая принудительная мера воспитательного характера также отвечает критериям уголовно-правового принуждения и состоит в помещении несовершеннолетнего на срок до двух лет, но не более чем до достижения им восемнадцатилетнего возраста, в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Следует отметить, что вопрос о юридической природе помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение остаётся открытым. Так, Т. Ф. Минязева относит его к самой строгой принудительной мере воспитательного характера [2, с. 195], Ю. Е. Пудовочкин признает за ним самостоятельную меру ответственности несовершеннолетних [3, с. 178], другие учёные считают, что помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение является одним из видов уголовного наказания [1, с. 17]. Представляется, что относить исследуемую

меру к наказанию вряд ли целесообразно, поскольку она применяется вместо самого строго вида государственного принуждения.

Следует констатировать, что на практике эта мера назначается крайне редко, суды, даже при наличии достаточных оснований для её применения, в большинстве случаев отдают предпочтение условному осуждению. Подобная практика, видимо, объясняется отсутствием у суда реальной возможности отменить принудительные меры воспитательного характера и прибегнуть к наказанию в случае, если несовершеннолетний систематически их не исполняет, так как данный вид освобождения от наказания является безусловным.

Исследователь Н. Ю. Скрипченко полагает, что в случае систематического нарушения несовершеннолетним условий пребывания в специальном учебно-воспитательном или специальном лечебно-воспитательном учреждении необходима отмена данной меры и назначение наказания [4, с. 630—631]. Такие рассуждения, на наш взгляд, не вполне обоснованы. Представляется нелогичным сначала освобождать несовершеннолетнего от наказания, а затем снова возвращаться к вопросу о его назначении. Кроме того, отмена принудительных мер воспитательного характера и назначение наказания несовершеннолетнему фактически будет означать нарушение базового принципа уголовного права — справедливости, в соответствии с которым лицо не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. В отношении несовершеннолетнего уже был постановлен обвинительный приговор суда без назначения наказания. Постановление обвинительного приговора суда этому же лицу, в случае неисполнения им принудительной меры, но с назначением наказания, будет означать повторное привлечение к уголовной ответственности за то же уголовно-наказуемое деяние.

Полагаем, что более эффективно установить правило, в соответствии с которым несовершеннолетнему назначается наказание, но его отбывание отодвигается во времени (отсрочка отбывания наказания), при этом суд обязывает осуждённого подвергнуться принудительной мере воспитательного характера в виде помещения в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение. Если несовершеннолетний не уклоняется от её исполнения, не совершает нового преступления, то по истечении срока, на который она была назначена, он освобождается от отбывания наказания. В противном случае осуждённый привлекается к отбыванию наказания. При этом необходимо установить правило, в соответствии с которым время пребывания лица в специальном учебно-воспитательном или специальном лечебно-воспитательном учреждении может засчитываться в срок наказания, если несовершеннолетний привлекается к его отбыванию.

© Гончарова А. В., 2015

Список цитируемых источников

1. Медведев Е. В. Понятие и виды принудительных мер воспитательного действия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 14—18.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева, Ю. И. Скуратова. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1996. 1236 с.
3. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / под ред. В. А. Андриенко [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2006. 263 с.
4. Скрипченко Н. Ю. Пути совершенствования законодательства, регулирующего применение принудительных мер воспитательного воздействия, связанные с изоляцией несовершеннолетнего от общества // Науч. тр. РАЮН. 2003. С. 627—634.

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ С ЦЕЛЬЮ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ И ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ПО ЕЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ

Исследование представляет собой краткий исторический очерк развития проблемы торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации, основные предпосылки её возникновения, а также основные направления предупреждения и борьбы.

В конце 80-х — начале 90-х годов XX века международные и неправительственные организации заговорили о проблеме торговли женщинами, которые поставлялись в основном в развитые страны Западной Европы, Северной Америки и Австралии из Латинской Америки, Азии и Восточной Европы, включая республики бывшего СССР.

Первые международные соглашения по этой проблеме — Международный договор о борьбе с торговлей белыми рабынями и Международная конвенция о борьбе с торговлей белыми рабынями — были приняты в 1904 и 1910 годах. В 1921 году принимается Международная конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми, а в 1933-м — Международная конвенция о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами. В 1949 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию «О борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами». Данные документы способствовали усилению внимания к этому явлению и формированию понимания необходимости борьбы с торговлей людьми [1].

Это явление получило своё «второе рождение» как следствие падения Берлинской стены, распада Советского Союза и усилившихся процессов глобализации. Основными известными фактами того времени являлись факты траффикинга с целью сексуальной эксплуатации, поэтому исследование торговли людьми началось с изучения явления торговли женщинами.

Торговля людьми и использование рабов стала актуальной и значимой проблемой современного мира. Вопреки мнению многих «защитников прав человека», эти явления не являются каким-то уходящим в прошлое пережитком, напротив, они модернизируются, хорошо вписываясь в современную мировую капиталистическую экономику.

В настоящее время торговля людьми представляет собой многоаспектную угрозу для всех народов и рассматривается как современная форма рабства, которая сопровождается самыми грубыми и самыми жестокими нарушениями прав человека.

Основными предпосылками развития мирового преступного бизнеса торговли людьми являются: открытие границ и падение «железного занавеса», упрощение выезда в другие страны, сопровождаемое низкой правовой культурой населения; постоянно увеличивающийся разрыв в экономическом и человеческом развитии между «бедными» и «богатыми», «развитыми» и «развивающимися» странами; процессы глобализации в целом и интернационализация «теневого» экономики в частности; спрос на «услуги частного характера» в развитых странах; образование международных преступных группировок; коррупция в государственных органах, сращивание организованной преступности с государственными структурами; высокий уровень безработицы среди женщин, а также увеличение количества людей, пользующихся Интернетом, который практически не контролируется с точки зрения закона и нередко используется в преступных целях; вооружённые конфликты.

Согласно статье 25 Конституции Республики Беларусь, государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности [2]. Указанное право охраняется и уголовным законом посредством установления запретов на совершение преступных посягательств на личную свободу человека. Наиболее опасным посягательством на личную свободу человека является торговля людьми как современная форма рабства. Ответственность за данное преступление предусмотрена статьёй 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь [3].

Сексуальная эксплуатация представляет собой разновидность эксплуатации вообще, поэтому при решении вопроса о наличии в действиях виновного цели сексуальной эксплуатации необходимо установить признаки, которые характеризуют понятие эксплуатации, содержащейся в основном

составе торговли людьми, а именно — наличие элементов принуждения или иных способов воздействия, с помощью которых лицо принуждается к оказанию сексуальных услуг.

Большинство жертв торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации — женщины и несовершеннолетние девушки, которых принуждают к оказанию сексуальных услуг. Мужчины также являются объектом торговли людьми, хотя и составляют в её обороте небольшую часть.

Необходимо отметить, что сексуальная эксплуатация является самой распространённой формой торговли людьми. Так, из 5 101 жертвы торговли людьми, установленной в 2002—2014 годах, сексуальной эксплуатации подверглось 4 501 человек [4].

Республика Беларусь является страной происхождения «живого товара». В целях сексуальной эксплуатации трафикёры переправляют людей, как правило, в страны Евросоюза, на Ближний Восток и в некоторые регионы Российской Федерации (преимущественно в Москву и Московскую область).

С 2006 года в республике выявляются отдельные единичные факты, когда Беларусь выступает страной назначения. За это время были установлены жертвы торговли людьми из России, Украины и Молдовы [4].

Кроме того, существует внутренняя эксплуатация (когда белорусские граждане эксплуатируются на территории Беларуси). Здесь сексуальная эксплуатация также превалирует над трудовой эксплуатацией.

В последнее время всё большее распространение приобретают скрытые, законспирированные формы вербовки, торговли людьми для сексуальной эксплуатации, осуществляемые через модельные агентства, так называемые кастинги, агентства, занимающиеся международной брачной посреднической деятельностью, а также под видом трудоустройства за границей. МВД Республики Беларусь во взаимодействии с другими заинтересованными органами проводятся комплексные проверки субъектов хозяйствования, оказывающих услуги в этих сферах.

В настоящее время в целом сформирована нормативная правовая база в части противодействия торговле людьми, отвечающая международным стандартам, распределены полномочия правоохранительных органов, что исключает дублирование их функций (координирующим органом является МВД), законодательно совершенствуется позиция Беларуси по ужесточению мер борьбы с торговлей людьми. Вместе с тем в деятельности государственных органов по противодействию торговле людьми имеют место отдельные недоработки.

Главным условием активизации и повышения эффективности противодействия торговле людьми является комплексное и скоординированное принятие мер, осуществляемое как на международном, так и на национальном уровне. На международном уровне, прежде всего, необходимо предпринять законодательные и контрольные меры, которые бы позволили защитить женщин и детей в «поставляющих» странах и сократить рынок услуг в «принимающих» странах Северной Америки, Азии и Европы. Наряду с массой положительных аспектов, повышением мобильности и возможностей, в век глобализации рыночная экономика влечёт за собой распространение организованной преступности, высокие человеческие и социальные затраты — всё это слишком высокая цена для многих слаборазвитых стран, не способных полноценно конкурировать на общемировом рынке.

Для эффективной борьбы с торговлей людьми в рамках отдельного государства (на национальном уровне) необходимо создание всесторонней транснациональной стратегии. Она должна включать в себя способы защиты женщин и детей от противоправных действий, эффективную систему расследования и привлечения к ответственности за данные преступления и, в первую очередь, соблюдение основных конституционных прав жертв этих преступлений, которые остаются за рубежом как нелегальные мигранты без всяких прав.

Торговля людьми — многогранное и развивающееся явление, растущее и меняющееся наряду с экономической глобализацией и трудовой мобильностью, технологическим прогрессом, бедностью, экономическими и политическими изменениями, культурным взаимодействием и политической коррупцией. Ввиду этого среди действий, которые необходимо предпринять для решения проблем в данной сфере, можно выделить следующие: обеспечение защиты жертв и совершенствование системы их реабилитации; контроль Интернета как важной меры противодействия торговле людьми; развитие специальных программ обучения в рамках учреждений высшего и среднего специального образования по подготовке сотрудников правоохранительных органов.

Особое внимание в процессе противодействия торговле людьми в целях сексуальной эксплуатации должно уделяться информированию общественности.

В странах, являющихся поставщиками «живого товара», необходимо предпринять законодательные и контрольные меры, которые бы позволили защитить женщин и детей; необходимо предоставлять материалы по вопросам противодействия торговле людьми, безопасного выезда за границу в целях трудоустройства либо учёбы, информацию о юридических и физических лицах, имеющих специальную лицензию на осуществление оформления таких поездок.

Обобщая изложенное, полагаем, что эффективность мер по противодействию торговле людьми напрямую зависит от координации усилий и сотрудничества между государственными органами, неправительственными организациями и международными структурами всего мирового сообщества.

© Есипович А. А., Пилипчук Т. М., 2015

Список цитируемых источников

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=10051> (дата обращения: 28.02.2015).
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 29 января 2015 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
4. Официальная статистика Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=76673> (дата обращения: 28.02.2014).

УДК 343.611.1

У. Ю. Ложко, Д. А. Кифарюк

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПОНЯТИЕ ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА УМЫШЛЕННОГО УБИЙСТВА

В правоприменительной деятельности квалификация убийств, совершённых с особой жестокостью, характеризуется многочисленными противоречиями и коллизиями, что вызывает известные затруднения. Это определено тем, что особая жестокость может выступать как признак объективной стороны преступления либо в качестве мотива преступления, посягающего на различные объекты. Кроме того, отсутствует единый подход, как в теории уголовного права, так и в судебной-следственной практике к толкованию признака особой жестокости при совершении убийства.

Среди квалифицированных видов убийств, предусмотренных частью второй статьи 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) особое значение ввиду характера и повышенной степени общественной опасности посягательства принадлежит убийству, совершённое с особой жестокостью (пункт 6 части второй статьи 139 УК). На законодательном уровне категория «особая жестокость» не регламентирована. Научкой уголовного права понятие «особая жестокость» отнесено к категории оценочных: его содержание уточняется в процессе правоприменения путём оценки конкретных обстоятельств дела. Оценочные понятия придают уголовно-правовому регулированию качества гибкости, полноты и динамичности, что бесспорно, является их положительным свойством. Вместе с тем оценочные понятия порождают и некоторые негативные последствия: из-за субъективного момента в их применении возможны следственные и судебные ошибки. Содержание оценочного понятия в большой степени определяется правосознанием следователя, прокурора и судьи в рамках конкретного уголовного дела. При этом проявляются такие качества правоприменяющего субъекта, как уровень профессиональной подготовки, уровень правового

и нравственного сознания [1, с. 27]. В советской научной литературе особая жестокость рассматривалась как проявление при совершении преступления таких средств или способов, при которых потерпевшему причиняются особые мучения или страдания путём пыток, истязаний, нанесения большого числа ран, применения мучительно действующего яда, огня, кислоты. К особой жестокости предлагалось также относить надругательство над чувствами близких потерпевшему лиц, на глазах которых совершается преступление [2, с. 147]. В современной юридической литературе под особой жестокостью как обстоятельством, отягчающим ответственность, предлагается понимать совершение преступлений такими способами или средствами, при которых потерпевшему причиняются особые мучения и страдания путём пыток, истязания, нанесения большого количества ран, применения огня, электротока, кислоты, в причинении потерпевшему тяжёлых психических страданий [3, с. 262]. Особую жестокость как обстоятельство, отягчающее ответственность, следует рассматривать в качестве проявления признаков как объективной (способ, обстановка), так и субъективной стороны, когда виновный сознаёт, что причиняет потерпевшему особые мучения и страдания, и желает этого.

Определённый вклад в обеспечение единого понимания оценочных понятий при квалификации убийств внёс Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, разъяснив в постановлении от 17 декабря 2002 года № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 139 УК)», что именно следует понимать под особой жестокостью при совершении этого преступления. Так, в соответствии с пунктом 10 указанного постановления, признак особой жестокости имеется, в частности, в случаях, когда непосредственно перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязания или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (умышленное нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, кислоты или других агрессивных веществ, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды, воспрепятствование оказанию помощи умирающему в целях prolongирования мучений жертвы и т. д.). Постановление также содержит указание на необходимость установления умысла виновного на совершение убийства с особой жестокостью [4].

Одним из проявлений особой жестокости является применение пытки, которое предусмотрено в качестве квалифицирующего признака, в частности, в части третьей статьи 394 УК. В толковом словаре В. Даля «пытка» определяется как допрос с истязаниями, муками [5, с. 548]. Статья 2 Конвенции ООН «Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» предусматривает, что каждое государство-участник предпринимает эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории, находящейся под его юрисдикцией. В статье 1 указанной конвенции под пыткой понимается любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, с тем, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно либо третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают в результате законных санкций, не отделимы от этих санкций или вызываются ими случайно [6]. В правовой литературе даётся следующее определение пытки: «умышленное причинение сильных физических и (или) психических страданий насильственными действиями или бездействием, характеризующимися особо изощрёнными по жестокости способами воздействия на человеческий организм» [7, с. 56].

Одним из проявлений особой жестокости является истязание. В словаре В. Даля истязание толкуется как «мучение, мука или пытка», а истязать означает «жестоко обращаться, жестоко мучить, пытать» [5, с. 63]. В отличие от Уголовного кодекса БССР 1960 года, ныне действующий УК в статье 154 полностью раскрывает на законодательном уровне понятие истязания как причинение продолжительной боли или мучений способами, вызывающими особые физические и психические страдания потерпевшего, либо систематическое нанесение побоев, не повлёкшие последствий, предусмотренных статьями 147 и 149 УК.

По нашему мнению, признак особой жестокости охватывает и понятие «садизм». Под садизмом могут пониматься любые насильственные действия, которые носят характер мучений и истязаний. В судебной психиатрии садизм рассматривается как самостоятельное психическое расстройство, связанное с сексуальными переживаниями, которые испытывает лицо, мучая и истязая свою жертву [3, с. 96].

Таким образом, особая жестокость при совершении убийства, закреплённая в пункте б части второй статьи 139 УК, представляет собой квалифицирующее обстоятельство, позволяющее охарактеризовать повышенный уровень общественной опасности самого деяния, определяемый способом совершения преступления, а также обстановкой и другими обстоятельствами его совершения, осознаваемыми виновным.

© Ложко У. Ю., Кифарюк Д. А., 2015

Список цитируемых источников

1. Андреева Л. А. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 421 с.
2. Бородин С. В. Квалификация убийств по действующему законодательству. М. : Юрид. лит., 1966. 511 с.
3. Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их выражение в юридических признаках состава преступления / под науч. ред. В. Д. Филимонова. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 389 с.
4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 дек. 2002 г. № 9. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1979. Т. 2. 877 с.
6. Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс] : Конвенция ООН : принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 39/46 от 19 дек. 1984 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
7. Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 389 с.

УДК 343.35

В. В. Лосев

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Исследованы отдельные проблемы криминализации коррупционных преступлений, проанализированы примеры несоблюдения правил законодательной техники при формулировании уголовно-правовых норм. Делается вывод о необходимости системного подхода к криминализации (декриминализации), обеспечения соответствия между формой закона (текстом) и его сущностью (замыслом законодателя) для правильного понимания и применения уголовного закона на практике.

Криминализация (декриминализация) относится к основным направлениям уголовно-правовой политики наряду с толкованием уголовно-правовых норм, санкционным обеспечением, применением мер уголовной ответственности и т. д. Изменения и дополнения в статьи Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), определяющие ответственность за коррупционные преступления, вносились с 2001 года неоднократно. Изменялись не только санкции, но также и диспозиции статей, в том числе главы 35 «Преступления против интересов службы» УК. Однако процессы криминализации (декриминализации) не всегда были последовательны и логичны, что вызывает существенные затруднения в понимании уголовного закона и его применении на практике.

В качестве одного из мероприятий концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года № 672, названа проработка вопроса о декриминализации отдельных преступлений против интересов службы. Вместе с тем с 2010 года изменений ни в направлении декриминализации, ни по пути криминализации пока не произошло.

Последние существенные изменения в статье главы 35 УК были внесены законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 года № 42-3, т. е. ещё за полтора года до принятия названной концепции. Тогда в качестве обязательного признака основного состава преступления в понятия злоупотребления властью или служебными полномочиями (статья 424 УК) и бездействия должностного лица (статья 425 УК) были включены альтернативные мотивы — корыстная или иная личная заинтересованность (ранее эти мотивы имели характер не обязательных, а квалифицирующих признаков). Тем самым произошла частичная декриминализация: злоупотребление и бездействие, совершённые не из корыстной и не из личной заинтересованности, а по другим мотивам, к примеру, из ложно понятых интересов службы, сегодня преступлениями уже не являются, даже если наступили общественно опасные последствия в виде ущерба в крупном размере либо существенного вреда. Других составов преступлений против интересов службы декриминализация пока не коснулась.

Одним из правил криминализации является отсутствие пробелов в законе. Соблюдено ли это правило применительно к статьям главы 35 УК? Следует ответить отрицательно. Обратим внимание, как изначально были сформулированы общественно опасные последствия в статьях 424—426 УК, устанавливающих наказуемость, соответственно, злоупотребления властью или служебными полномочиями, бездействия должностного лица и превышения власти или служебных полномочий: ущерб в крупном размере или существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Значит, при определении перечня альтернативных последствий законодателем сразу были упущены в качестве охраняемых уголовным законом неимущественные интересы коммерческих и некоммерческих юридических лиц негосударственной (частной) формы собственности, в том числе совместных и иностранных, тогда как причинение им вреда тоже может представлять существенную общественную опасность. Во-первых, в таком виде статьи 424—426 УК не согласуются с конституционным положением о том, что государство «гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности» (статья 13 Конституции Республики Беларусь). Во-вторых, вне пределов криминализации остались (и тем самым уголовно не наказуемы) случаи причинения в результате должностного нарушения существенного вреда юридическим лицам негосударственной (частной) формы собственности, что логичным и обоснованным назвать никак нельзя. Российское уголовное законодательство в этой части более совершенно: в статьях 201, 202, 285—285-3 Уголовного кодекса РФ говорится о причинении существенного вреда не только интересам отдельных граждан, общества или государства, но ещё и интересам организаций. То же можно сказать и об Уголовном кодексе Украины, в статьях 364, 364-1 и 365-2 которого в качестве одного из последствий назван существенный вред интересам юридических лиц.

К правилам законодательной техники формулирования уголовно-правовых норм относятся, наряду с иными, стройность нормы, внутренняя согласованность, единообразие использования технических приёмов построения, максимальная компактность изложения, строгость стиля, ясность языка, определённость терминологии и др. Однако правило «максимальная компактность изложения» очевидно входит в противоречие с некоторыми другими, прежде всего, с «ясностью языка». Строгое следование одному правилу формулирования норм в ущерб иным приводит к проблемам в понимании уголовного закона.

К примеру, часть третья статьи 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» УК (в редакции закона Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-3) устанавливает ответственность за «действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершённые должностным лицом, занимающим ответственное положение, либо при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества, либо повлёкшие тяжкие последствия». Похоже сформулирована часть третья статей 425 и 426 УК.

В связи с внесёнными в УК изменениями возникает вопрос: сейчас в части третьей статей 424—426 УК указаны квалифицирующие признаки или сформулированы самостоятельные (основные) составы преступлений против интересов службы? Рассмотрим проблему на примере части

третьей статьи 424 УК. Как уже отмечено, злоупотребление, совершённое не из корысти и не из иной личной заинтересованности, а по другим мотивам, с 2009 года преступлением уже не является, даже если наступили последствия в виде ущерба в крупном размере либо существенного вреда. Подобное злоупотребление условно можно назвать «некоррупционным» (поскольку отсутствуют «коррупционные» мотивы), это дисциплинарный (или, в некоторых случаях, административный) проступок.

Как тогда квалифицировать злоупотребление, совершённое не из корыстной и не из иной личной заинтересованности, но при наличии одного из признаков, предусмотренных в части третьей статьи 424 УК, т. е. когда такое «некоррупционное» злоупотребление, в частности: а) было совершено должностным лицом, занимающим ответственное положение, или б) было совершено при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества?

Проблема заключается в следующем. Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 года в части третьей статьи 424 УК внесено только редакционное изменение, обусловленное исключением из статьи 424 УК части первой. По-прежнему в части третьей статьи 424 УК устанавливается ответственность за «действия, предусмотренные частью 2, совершённые...». Тогда возникает следующий вопрос: что же следует понимать под «действием, предусмотренным частью 2»? Возможные варианты: а) только собственно действие без последствий независимо от мотива, или б) действие, обусловленное мотивом, не включающее наступление каких-либо вредных последствий, или в) полностью определение понятия злоупотребления властью или служебными полномочиями (часть вторая статьи 424 УК), включающее как мотивы, так и последствия.

Строго говоря, в понятие «действие» как элемент объективной стороны последствия не включаются. Поэтому в первом случае, если толковать буквально, преступлением, квалифицируемым по части третьей статьи 424 УК, необходимо признавать любое злоупотребление, допущенное: а) должностным лицом, занимающим ответственное положение, или б) при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества, причём в каждом случае независимо от наступления последствий (в том числе вовсе без причинения какого-либо вреда) и даже при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности.

Во втором случае, если в понятие «действия, предусмотренного частью 2» включать также мотивы — корыстную или иную личную заинтересованность, преступлением (часть третья статьи 424 УК) надо признавать любое злоупотребление допущенное: а) должностным лицом, занимающим ответственное положение, а также б) при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества, если они были совершены при наличии одного из «коррупционных» мотивов, независимо от наступления последствий, в том числе и без причинения какого-либо вреда.

Надо ли в этих случаях понимать, что в части третьей статьи 424 УК, кроме материального состава, включающего наступление тяжких последствий, сформулированы ещё два самостоятельных (основных) формальных состава злоупотребления властью или служебными полномочиями? Представляется, что нет. Неудачная формулировка части третьей статьи 424 УК в результате нарушения правил законодательной техники может приводить к неограниченному расширению уголовной репрессии в отношении, в частности, лиц, занимающих ответственное положение. Все-таки следует полагать, что в части третьей статьи 424 УК предусмотрены квалифицирующие, а не обязательные признаки состава.

Поэтому под «действием, предусмотренным частью 2», надо понимать полное понятие злоупотребления властью или служебными полномочиями, сформулированное в части второй статьи 424 УК, которое включает в качестве одновременно обязательных признаков и мотивы, и вредные последствия. Признаки, указанные в части третьей статьи 424 УК, характеризующие специального субъекта («должностное лицо, занимающее ответственное положение») и сферу совершения преступления («при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества») следует признавать квалифицирующими.

Только злоупотребление властью или служебными полномочиями, которое было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло одно из трёх обязательных последствий (часть вторая статьи 424 УК), будет признано преступлением и для должностного лица, занимающего ответственное положение, и при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества.

Были определены лишь отдельные проблемы криминализации коррупционных преступлений. Задачей доклада не могло быть решение проблем, для этого требуется время, его цель — активизировать дискуссию и вернуть интерес к теме. Сейчас требуется теоретическая проработка в целях приведения редакции статей главы 35 УК в соответствие с правилами законодательной техники. Системный подход к криминализации (декриминализации), соблюдение правил законодательной техники позволят обеспечить соответствие между формой закона (текстом) и его сущностью (замыслом законодателя) и, тем самым, правильное понимание закона на практике, соблюдение принципа законности при привлечении должностных лиц за нарушения по службе к уголовной и иным видам ответственности.

© Лосев В. В., 2015

УДК 343

И. В. Лосев

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК ОСНОВА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ВЕРХОВНОГО СУДА И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исследуется дискуссионный вопрос возможности признания судебной практики в качестве источника права в странах с романо-германской системой права. Сделан вывод о том, что правоприменительная практика как решения конкретных органов по конкретным делам не признается источником права в Республике Беларусь. Вместе с тем не являются собственно правоприменительной практикой, однако основаны на практике применения права акты Конституционного Суда Республики Беларусь, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, акты Генерального прокурора Республики Беларусь, постановления и приказы республиканских органов государственного управления. Будучи по своей природе и в соответствии с законом нормативными правовыми актами, они обосновано признаются источниками права в Республике Беларусь.

Обычно в теории права называют четыре вида источников права: нормативный акт, судебный прецедент, санкционированный обычай и договор. В странах англо-саксонской системы права основным источником права является судебный прецедент, под которым понимается судебное решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при разрешении аналогичных дел. Признание судебного прецедента источником права свидетельствует о признании того, что правотворческой деятельностью в Великобритании, Австралии и других странах англо-саксонской системы права занимаются не только законодательные, но и судебные органы всех уровней.

В Республике Беларусь, относящейся к странам с романо-германской системой права, основным источником права выступает нормативный правовой акт. В соответствии со статьёй 1 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года № 361-З (редакция от 2 июля 2009 года) «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», нормативный правовой акт — это официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) или путём референдума с соблюдением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределённый круг лиц и неоднократное применение.

Долгое время в теории права остаётся дискуссионным вопрос: можно ли признавать судебную практику в качестве источника права (наряду с нормативными правовыми актами) в странах с романо-германской системой права? Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поэтому его разрешение остаётся актуальным и для Республики Беларусь на современном этапе. Причём надо вести речь не только о судебной практике, но и в целом о правоприменительной

практике, поскольку юридические решения по конкретным правовым спорам (в уголовном процессе — по конкретным уголовным делам) принимают не только суды, но и другие государственные органы (к примеру, при разрешении материалов, уголовных и административных дел).

В соответствии со статьёй 6 Конституции Республики Беларусь государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения её на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга. В соответствии с концепцией разделения власти одна ветвь власти не может выполнять функции другой ветви и наоборот.

В статье 109 Конституции Республики Беларусь указано, что судебная власть в Республике Беларусь принадлежит судам. Основная функция судов — осуществление правосудия. Вместе с тем суды в Республике Беларусь могут издавать нормативные правовые акты. Кроме того, в соответствии со статьёй 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» акты Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь (постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь), Генерального прокурора Республики Беларусь являются нормативными правовыми актами. Они принимаются в пределах компетенции этих государственных органов по регулированию общественных отношений, установленной Конституцией Республики Беларусь и принятыми в соответствии с ней иными законодательными актами.

Постановления республиканского органа государственного управления тоже являются нормативными правовыми актами, принимаемыми коллегиально на основе и во исполнение нормативных правовых актов большей юридической силы в пределах компетенции соответствующего государственного органа и регулирующие общественные отношения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности. К таким органам в сфере применения уголовного права необходимо отнести, прежде всего, Следственный комитет Республики Беларусь, Комитет государственного контроля Республики Беларусь, Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Государственный пограничный комитет Республики Беларусь и др.

Руководители этих республиканских органов государственного управления, как определяет статья 2 названного закона, имеют право издавать и такой нормативный правовой акт, как приказ республиканского органа государственного управления. Это нормативный правовой акт функционально-отраслевого характера, издаваемый в пределах компетенции возглавляемого им органа в соответствующей сфере государственного управления.

Чаще дискуссия разворачивается по вопросу признания нормативными правовыми актами постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Отдельные учёные утверждают, что доктринально некорректно относить к нормативным правовым актам постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь ввиду того, что высшие судебные инстанции лишены протворческих полномочий.

По нашему мнению, при разрешении рассматриваемой проблемы необходимо исходить из двух положений, что позволит сформулировать ответ, соответствующий закону и пожеланиям практиков: во-первых, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь не являются решениями по конкретным делам, рассмотренным судами. Не будучи актами правосудия, они, тем самым, не могут быть признаны судебной (правоприменительной) практикой; во-вторых, они являются нормативными правовыми актами, принимаемыми по результатам обзора судебной практики. В постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь даются обязательные для судов (и, соответственно, для других органов, рассматривающих правовые споры) разъяснения по применению законодательства, основанные на анализе ошибок конкретных судов при рассмотрении конкретных дел. Тем самым источником права является не решение по конкретному делу, а именно постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, содержащее общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределённый круг лиц и неоднократное применение, что является с точки зрения теории права характерным признаком нормативного правового акта как источника права.

Поэтому отнесение постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь к нормативным правовым актам основано на теоретических положениях и соответствует Конституции Республики Беларусь. Обоснованно ещё и потому, что никакие другие органы, в том числе законодательной власти, не вправе давать официальные разъяснения по применению норм права на практике.

То же необходимо сказать об актах Генерального прокурора Республики Беларусь, постановлениях Следственного комитета Республики Беларусь и других республиканских органов государственного управления, действующих в сфере применения уголовного права, приказах руководителей этих органов. Они являются нормативными правовыми актами, потому что не просто объявляют какие-то решения по конкретным уголовным делам в качестве обязательных для подражания. В этих постановлениях и приказах на основе обобщения и изучения следственной и надзорной практики формулируются общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределённый круг лиц, вовлечённых в уголовный процесс, и неоднократное применение. Вместе с тем необходимо учитывать силу нормативных правовых актов: судя по месту расположения в статье 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», акты Генерального прокурора Республики Беларусь имеют меньшую юридическую силу по отношению к постановлениям Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и большую по отношению к постановлениям Следственного комитета Республики Беларусь и других республиканских органов государственного управления и приказам. Постановления Следственного комитета Республики Беларусь и других республиканских органов государственного управления имеют большую юридическую силу по отношению к приказам руководителей этих органов. Это необходимо учитывать в случаях расхождения разъяснений по применению законодательства, которые даются государственными органами.

Правоприменительная практика как решения конкретных органов по конкретным делам не признается источником права в Республике Беларусь. Вместе с тем не являются собственно правоприменительной практикой, а основаны на практике применения права акты Конституционного Суда Республики Беларусь, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, акты Генерального прокурора Республики Беларусь, постановления и приказы республиканских органов государственного управления, содержащие общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределённый круг лиц и неоднократное применение. Поэтому, будучи по своей природе и в соответствии с законом нормативными правовыми актами, они обосновано признаются источниками права в Республике Беларусь.

© Лосев И. В., 2015

УДК 343.3/.7

Д. Ю. Мазур, А. А. Шарамета

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ

Огромное значение таких благ, как жизнь и здоровье, обуславливает необходимость их всемерной охраны и заботы о них. На сегодняшний день одна из важнейших задач государства в области права — защита граждан, в том числе их здоровья, как составляющая часть общей политики государства на укрепления общества.

Право на здоровье, в отличие от других прав человека, сравнительно недавно было закреплено на законодательном уровне. О здоровье как одном из объектов неотчуждаемых социально-экономических прав человека впервые было официально заявлено на международной конференции по учреждению ООН в Сан-Франциско в 1945 году. В статье 55 Устава ООН, который был подписан 26 июня 1945 года, на заключительном заседании конференции Объединённых Наций и вступил в силу 24 октября 1945 года, здоровье упомянуто в числе международных экономических, социальных и смежных проблем, позднее получивших название прав и свобод человека и гражданина, решению которых обязалась содействовать эта всемирная организации.

22 июля 1946 года в Нью-Йорке был подписан устав Всемирной организации здравоохранения, вступивший в силу 7 апреля 1948 года. Преамбула устава гласит: «Здоровье — это состояние

полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие недомогания и болезней. Доступность наивысших возможных стандартов здоровья является неотъемлемым правом каждого человека, независимо от его расы, вероисповедания, политических убеждений, материального или социального статуса в обществе. Здоровье всех людей является основой для достижения мира и безопасности и зависит от как можно более тесного сотрудничества отдельных людей и стран. Достижения любого государства в деле обеспечения и защиты здоровья являются ориентирами для всех остальных...» [1]. Права человека в области охраны здоровья закреплены также во Всеобщей декларации прав человека 1948 года. («Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу, и на личную неприкосновенность»), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года и иных основополагающих международных нормативных правовых актах.

Здоровье является естественным благом и ценностью человека, передаётся ему генетически и относится к важнейшему объекту уголовно-правовой охраны. Необходимо отметить, что международное признание права на охрану здоровья означает, что люди должны быть сами ответственны за своё здоровье, а органы государственной власти призваны проводить политику, направленную на его сохранение и укрепление в масштабах нации. В связи с этим право на охрану здоровья включает ряд положений, которые различно формулируются в конституциях разных стран, но закрепление и регулирование которых международно-правовыми нормами является естественным продолжением их обеспечения конституционным правом и гарантией их глобальной реализации.

Политические, экономические и социальные преобразования в Республике Беларусь, формирование правового государства предполагают решение ряда принципиальных проблем, среди которых обеспечение реальной безопасности граждан, охрана их жизни и здоровья находится в числе первоочередных, что в полной мере отвечает положениям Всеобщей декларации прав человека, закрепляющей приоритет общечеловеческих ценностей. Согласно статье 45 Конституции Республики Беларусь, гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья [2]. Право на здоровье — это социальное право, утрата которого умаляет значение многих других благ и ценностей. Его особенностью является то обстоятельство, что оно принадлежит человеку всю жизнь, ещё до его рождения, на стадии эмбрионального развития. Права граждан в области охраны здоровья являются достаточно широким по содержанию понятием, включающим в себя взаимные права и обязанности государства и гражданина.

Государство обеспечивает охрану здоровья человека от преступных посягательств, устанавливая уголовную ответственность за причинение телесных повреждений (выделяя при этом тяжкие, менее тяжкие и лёгкие телесные повреждения), истязание, заражение ВИЧ и венерическим заболеванием, оставление в опасности и другие противоправные деяния, причиняющие вред здоровью либо допускающие риск причинения такого вреда. Таким образом, уголовный закон стоит на страже здоровья человека, предусматривая достаточно строгие меры ответственности за различные преступные посягательства на него.

В соответствии со статьёй 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», здоровье — состояние полного физического, духовного и социального благополучия человека, а не только отсутствие заболеваний [3]. В современном отечественном уголовном праве здоровье понимается несколько иначе, чем в медицинском смысле. Во-первых, уголовный закон охраняет состояние здоровья лица в момент совершения общественно опасных действий независимо от его качества и индивидуальных особенностей. Соответственно, потерпевшим от преступлений против здоровья может быть каждый человек — и абсолютно здоровый, и страдающий различными заболеваниями. При этом Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) в равной степени охраняет право на здоровье личности любого пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, вероисповедания, включая здоровье лиц, совершивших какие-либо противоправные деяния, в том числе и преступления. В отношении соблюдения прав последней категории лиц предусмотрен ряд специальных национальных норм. Так, статья 25 Конституции Республики Беларусь гласит: «никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам» [2]. В соответствии с частью седьмой статьи 3 УК наказание и иные меры уголовной ответственности не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства [4].

Во-вторых, социальное благополучие, как часть здоровья личности, объектом уголовно-правовой охраны не является. В определённых случаях, при причинении вреда здоровью определённой тяжести, данное благо может подвергаться нарушению, например, в результате неизгладимого обезображивания лица, лишения трудоспособности. Однако в таких ситуациях речь идёт о нарушении социального благополучия как последствию, которое напрямую не вытекает из общественно опасного посягательства, и, соответственно, находится за пределами состава преступления.

© Мазур Д. Ю., Шарамета А. А., 2015

Список цитируемых источников

1. Устав Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с.
3. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 19 июня 1993 г. № 2435-ХП : в ред. от 10 июня 2014 г. № 164-З. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 янв. 2015 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

УДК 343.2

М. В. Мищенко, А. Н. Русак

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Анализируются нормы уголовных кодексов стран постсоветского пространства, которые регламентируют осуществление принудительных мер медицинского характера. Рассматривается структура указанных положений, проводится сравнительный анализ.

Институт принудительных мер безопасности и лечения известен всем уголовным кодексам государств постсоветского пространства. Так, например, Уголовный кодекс Украины (далее — УК Украины) содержит раздел 14 «Принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение»; Уголовный кодекс Туркменистана (далее — УК Туркменистана) — раздел VI «Основания и порядок применения принудительных мер медицинского характера»; Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (далее — УК Азербайджана) — раздел VI «Принудительные меры медицинского характера»; Уголовный кодекс Кыргызской Республики (далее — УК Киргизии) — раздел VI «Принудительные и иные меры медицинского характера»; Уголовный кодекс Республики Молдовы (далее — УК Молдовы) — главу X «Меры безопасности»; Уголовный кодекс Эстонии (далее — УК Эстонии) — главу 6 «Меры воздействия медицинского и воспитательного характера».

Общей чертой большинства кодексов является выделение принудительных мер безопасности и лечения в качестве самостоятельного уголовно-правового института. Указанная особенность свидетельствует, что данные меры не являются наказанием и призваны обеспечить безопасность лица с психическим расстройством (заболеванием), что является гарантией соблюдения прав лиц с психическим расстройством (заболеванием).

В большинстве уголовных кодексов указанный уголовно-правовой институт именуется «Принудительные меры медицинского характера». В УК Украины выделяются принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение, которое включает лечение лиц от болезней, опасных для здоровья других лиц. Принудительное лечение применяется судом независимо

от назначенного наказания. УК Киргизии выделяет принудительные и иные меры медицинского характера. В соответствии с УК Киргизии (часть первая статьи 90), «принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния с целью лечения и предупреждения со стороны этих лиц новых общественно опасных деяний», а «меры медицинского характера наряду с наказанием могут быть назначены судом в отношении осуждённых, страдающих алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, с целью лечения и создания условий, способствующих достижению целей наказания» (часть вторая статьи 90) [1, с. 23]. На наш взгляд, указанные положения являются неточными, так как анализ наименований и содержания последующих статей УК (статей 91—96) позволяет к иным мерам медицинского характера отнести меры медицинского характера, которые применяются к лицам с психическим расстройством, не исключающим вменяемость, и лицам, страдающим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, туберкулёзом, венерическими заболеваниями и ВИЧ. Между тем принудительные меры медицинского характера применяются только к лицам, совершившим общественно опасные деяния в невменяемом состоянии, или совершившим такие деяния в состоянии вменяемости, но заболевшим до вынесения приговора или во время отбывания наказания психической болезнью, лишаящей их возможности отдавать себе отчёт в своих действиях или руководить ими [2, с. 89].

В уголовных кодексах государств постсоветского пространства содержание понятия принудительных мер медицинского характера не раскрывается. Только УК Украины содержит статью 92 «Понятие и цель применения принудительных мер медицинского характера», в которой сказано, что «принудительными мерами медицинского характера являются оказание амбулаторной психиатрической помощи, помещение лица, совершившего общественно опасное деяние, подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, в специальное лечебное учреждение с целью его обязательного лечения, а также предупреждения совершения им общественно опасных деяний». Однако, на наш взгляд, данное определение не содержит в себе наиболее важных свойств указанных мер, которые позволят понять их сущность, а лишь ограничивается перечислением видов психиатрической помощи, которая может быть оказана лицу, и указанием на цель их применения. Кроме того, в законодательном определении отсутствует указание на психическое состояние лица, которому назначаются принудительные меры медицинского характера. Таким образом, в настоящее время на постсоветском пространстве не существует чёткого законодательного определения исследуемых принудительных мер.

Следующим важным аспектом в понимании сущности принудительных мер является цель их применения. Цель можно определить как результат, к которому необходимо стремиться. Уголовное законодательство Киргизии, Украины, Узбекистана в качестве медицинской цели применения принудительных мер называет лечение, которое является процессом, и его результат заранее трудно определить. В УК Туркменистана, в отличие от всех рассматриваемых уголовных кодексов, медицинская цель-минимум сформулирована точнее — «или такого улучшения их психического состояния, при котором устраняется их опасность для себя или других лиц либо опасность применения иного серьёзного вреда» [3, с. 22]. Указанное уточнение, на наш взгляд, необходимо, так как не любое улучшение психического состояния лица является целью принудительных мер медицинского характера и ведёт к их прекращению, а лишь то, которое влечёт за собой утрату лицом общественной опасности. В УК Армении, Грузии, Латвии, Литвы указание на цели принудительных мер медицинского характера отсутствуют, что, на наш взгляд, является упущением законодателя, так как чётко сформулированные цели позволяют применять положения всех норм указанного института целенаправленно.

Во всех рассматриваемых уголовных кодексах отсутствуют достаточно чётко сформулированные основания назначения применения исследуемых мер. В большинстве уголовных законов (УК Азербайджана, Армении, Казахстана, России, Туркменистана) содержатся статьи под наименованием «Основания применения принудительных мер медицинского характера», однако они содержат разнородные положения, что вызывает сложности в их понимании и определении оснований применения принудительных мер медицинского характера. Следует обратить внимание, что, несмотря на аналогичную структуру нормы об основаниях применения принудительных мер медицинского характера в УК Армении, законодатель использует слово «основание» в заглавии статьи в единственном числе. В УК Украины, Литвы, Молдовы основания назначения принудительных

мер медицинского характера не определены. В УК Туркменистана, Киргизии, Молдовы, Литвы указание на общественную опасность лица с психическим расстройством, в отношении которого ставится вопрос о назначении принудительных мер медицинского характера, отсутствует, что также является отрицательным моментом, так как лицо, которое не представляет опасности, не должно подвергаться принудительному лечению.

В УК Грузии, Азербайджана, Казахстана, Армении, Молдовы принудительные меры медицинского характера предусмотрены в отношении следующих категорий лиц: 1) лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости; 2) лица, после совершения преступления заболевшего психической болезнью, исключающей назначение или исполнение наказания; 3) лица, совершившего преступление и страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости; 4) лица, совершившего преступление и признанного нуждающимся в лечении от алкоголизма, наркомании, токсикомании. УК Молдовы, в отличие от других уголовных законов, предусмотрено, что к алкоголикам и наркоманам принудительные меры медицинского характера применяются по собственной инициативе, а также по ходатайству трудового коллектива или органа здравоохранения наряду с наказанием. Кроме того, если преступление было совершено лицом, злоупотребляющим алкогольными напитками и ставящим в связи с этим свою семью в тяжёлое материальное положение, судебная инстанция наряду с назначением наказания за совершённое преступление, не связанного с лишением свободы, вправе по ходатайству трудового коллектива или близких родственников установить над ним попечительство [1, с. 69].

Анализ уголовных норм, регламентирующих осуществление принудительных мер медицинского характера в государствах постсоветского пространства показывает, что данный институт урегулирован недостаточно чётко. Нормы сложны для уяснения и толкования, большинство статей содержат разнородные положения, что затрудняет их анализ и применение. Проведённое сравнение норм уголовных законов государств постсоветского пространства с нормами Уголовного кодекса Республики Беларусь показывает, что ряд вопросов, связанных с принудительными мерами медицинского характера урегулированы одинаково, а в отдельных случаях имеются существенные различия.

© Мищенко М. В., Русак А. Н., 2015

Список цитируемых источников

1. Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория, практика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 412 с.
2. Павлухин А. Н., Жарко Н. В., Хухуа З. Д. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект). М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 144 с.
3. Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского характера : учеб. пособие. М. : Флинта : МПСИ, 2008. 144 с.

УДК 343.29

О. Ю. Прокуда

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДОБРОВОЛЬНЫМИ ВОЗМЕЩЕНИЕМ ПРИЧИНЁННОГО УЩЕРБА (ВРЕДА), УПЛАТОЙ ДОХОДА, ПОЛУЧЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ

Рассматриваются законодательные и правоприменительные проблемы применения освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причинённого ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путём, предлагается внести изменения в уголовный закон.

Уголовная ответственность лица является следствием совершённого им преступления, реакцией государства на виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания. Вместе с тем отечественными и зарубежными учёными ведутся поиски возможностей использования альтернативных уголовной ответственности мер в случаях, когда совершенное деяние и личность преступника не представляют большой общественной опасности. В отечественном законодательстве такие меры реализуются в рамках институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания.

Основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причинённого ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путём, является положительное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, свидетельствующее о его деятельном раскаянии в совершении преступления и возможности его исправления без привлечения к уголовной ответственности.

В соответствии с частью первой статьи 88¹ Уголовно кодекса Республики Беларусь (далее — УК), условиями освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причинённого ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путём, являются добровольное возмещение причинённого преступлением ущерба (вреда), уплата дохода, полученного преступным путём, а также выполнение иных условий освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных законодательным актом [1]. Под этим законодательным актом подразумевается Положение о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осуждённых, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений, утверждённое Указом Президента Республики Беларусь от 3 декабря 1994 года № 250 (далее — Положение № 250) [2].

Анализ пунктов 31 и 47 статьи 6, статей 164 и 167 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) показывает, что уголовное дело возбуждается по признакам преступления вне зависимости от того, одно или несколько лиц совершило это преступление [3].

Если одним лицом совершено одно или несколько преступлений и в отношении этого лица имеются основания для освобождения от уголовной ответственности, то предусмотренное статьёй 30 УПК решение о вынесении постановления о прекращении производства по уголовному делу сопряжено с уголовным законом.

Вместе с тем одно или несколько преступлений могут быть совершены несколькими лицами в соучастии, и по ним может осуществляться производство в рамках одного уголовного дела. Когда по этому уголовному делу основания для освобождения от уголовной ответственности имеются лишь в отношении некоторых из обвиняемых или подозреваемых, то предусмотренное статьёй 30 УПК решение о вынесении постановления о прекращении производства по этому уголовному делу явно не сопрягается с уголовным законом.

Очевидно, что в статье 30 УПК не учтены в полной мере предписания уголовного закона: в ней не предусмотрено прекращение производства по уголовному делу в части одного из обвиняемых. Предусматривается прекращение производства по всему делу, значит, в отношении всех обвиняемых, в том числе и в отношении тех, на кого не распространяются соответствующие основания и условия освобождения от уголовной ответственности. В этой части УПК не сопряжён со статьёй 88¹ УК и иными статьями УК (статьи 20, 86—89, 118), а также с Положением № 250.

В описанной выше ситуации, полагаем, следует выносить постановление о прекращении производства по уголовному делу в части (в части лица, в отношении которого установлены основания и условия освобождения от уголовной ответственности). В части иных лиц оно подлежит расследованию (рассмотрению) в обычном порядке.

Предлагаемое процессуальное решение прямо не предусмотрено в УПК, что, несомненно, является пробелом, который можно преодолеть до момента его устранения в порядке, предусмотренном статьёй 72 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года № 361-3 «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее — Закон № 361-3) [4], путём применения уголовно-процессуального закона по аналогии. Применение такой аналогии не запрещено частью третьей статьи 72 Закона № 361-3.

Основой для такой аналогии служит норма части третьей статьи 250 УПК, согласно которой если по делу привлечено несколько подозреваемых, обвиняемых, а основания к прекращению уголовного преследования относятся не ко всем подозреваемым или обвиняемым, то уголовное

преследование прекращается в отношении отдельных подозреваемых, обвиняемых, о чём выносится постановление.

Прекращение производства по уголовному делу в соответствии со статьёй 88¹ УК напрямую затрагивает интересы потерпевшего по этому уголовному делу. Между тем в законодательстве, на наш взгляд, отсутствуют надлежащие гарантии защиты интересов потерпевшего по делам указанной категории.

В соответствии с частью третьей статьи 30 УПК прекращение производства по уголовному делу (статья 88¹ УК) не допускается, если обвиняемый или потерпевший возражают против этого.

В силу пункта 28 Положения № 250 при рассмотрении ходатайства лица об освобождении его от уголовной ответственности принимаются во внимание степень общественной опасности совершённого преступления, раскаяние лица в совершенном преступлении, его активное содействие в раскрытии преступления, возмещение им причинённого ущерба, вреда, нанесённого государственным или общественным интересам, уплата дохода, полученного преступным путём, устранение иных последствий преступления, данные, характеризующие его личность и возможность исправления без привлечения к уголовной ответственности.

Другими словами, глава государства, принимая решение об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности, знает, что обвиняемый не только не возражает против прекращения уголовного дела по данному основанию, но и ходатайствует об этом. В части обвиняемого предписание части третьей статьи 30 УПК соблюдается.

В части потерпевшего пункт 28 Положения № 250 содержит пробел: в нём не указано на необходимость учитывать мнение потерпевшего. На этой стадии процедуры принятия решения об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности предписание части третьей статьи 30 УПК может быть проигнорировано. Существует мнение, что и в этом случае защищены интересы потерпевшего, несогласного с прекращением производства по уголовному делу. Указывается, что прокурор до вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу должен выяснить, не возражает ли против этого потерпевший, а его несогласие исключает прекращение производства по уголовному делу [4].

По нашему мнению, после принятия указа Президента Республики Беларусь об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности предписание части третьей статьи 30 УПК в части учёта мнения потерпевшего невыполнимо, поскольку акт главы государства об освобождении от уголовной ответственности обязателен для прокурора. Он обязан выполнить его в течение 3 суток.

Следовательно, можно констатировать, что, в анализируемой части предписания пункт 28 Положения № 250 и часть третья статьи 30 УПК находятся в противоречии.

Для устранения этого противоречия надлежит ввести в пункт 28 Положения № 250 правило об учёте мнения потерпевшего при решении вопроса об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности. Такая корректировка приведёт к согласованию между собой предписаний части третьей статьи 30 УПК и пункта 28 Положения № 250, станет действительной гарантией интересов потерпевшего.

Анализируемый вид освобождения от уголовной ответственности, по нашему мнению, следует распространить и на обвиняемых, причинивших ущерб не только государственной, но и частной собственности, которые, в соответствии со статьёй 13 Конституции Республики Беларусь, подлежат равной защите.

В целях совершенствования правового регулирования института освобождения от уголовной ответственности, предлагаем: 1) ввести в пункт 28 Положения № 250 правило об учёте мнения потерпевшего при решении вопроса об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности; 2) освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причинённого ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путём распространить и на обвиняемых, причинивших ущерб не только государственной, но и частной собственности.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 5 янв. 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

2. Об утверждении Положения о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осуждённых, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 дек. 1994 г., № 250 : с изм. и доп. : текст по состоянию на 14 янв. 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. ; одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. : текст Кодекса по состоянию 5 янв. 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

4. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : с изм. и доп. : текст по состоянию на 2 июля 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

УДК 343.9.018

О. Н. Резник

Сумский государственный университет, Сумы, Украина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Проанализировано законодательство таких крупнейших стран—членов Содружества Независимых Государств, как Украина и Республика Беларусь, нормы которого предусматривают систему мер в сфере борьбы с коррупцией, а также ответственность за правонарушения подобного рода. Рассмотрены наиболее актуальные вопросы противодействия данным правонарушениям, а также различные законодательные подходы стран—членов Содружества Независимых Государств в сфере определения понятия «коррупция».

Актуальность проведения исследований в сфере коррупционных правонарушений в первую очередь обусловлена глобальным распространением такого социально-политического явления. Так, по состоянию на начало 2000-х годов индекс коррупции в странах СНГ значительно превышал такой же показатель в любой другой части мира. Уже ближе к 2010 году, по сведениям Организации экономического сотрудничества и развития, уровень коррупционной преступности в странах бывшего Советского Союза снизился, что позволило обогнать Африку в мировом рейтинге. Безусловно, не следует рассматривать этот факт как предмет для гордости, однако он свидетельствует о некоторых позитивных изменениях в данной сфере [1, с. 20].

Анализируя состояние коррупции в исследуемых нами государствах, необходимо обратить внимание на характерные факторы и особенности: 1) в соответствии с индексом восприятия коррупции Республика Беларусь и Украина по состоянию на 2014 год занимают в мировом рейтинге 119 и 142 места соответственно; 2) наблюдаются некоторые позитивные тенденции в антикоррупционной политике Республики Беларусь, при этом позиции Украины несколько ухудшаются; 3) основными факторами, которые обуславливают высокий уровень коррупционной преступности в странах СНГ, являются непрозрачность и конструктивная сложность действующего законодательства, а также сравнительная сложность прохождения административных процедур [2, с. 37].

По мнению Р. В. Дронова, эффективность реализации антикоррупционной политики в отдельных странах СНГ напрямую зависит от эффективности совместной деятельности государств-членов в данной сфере, что обусловлено в первую очередь схожестью правовых систем, территориальной близостью, а также экономической и административной взаимозависимостью. В этой связи возникает необходимость проведения комплексного исследования антикоррупционного законодательства и политики Украины и Беларуси [3].

Итак, антикоррупционное законодательство исследуемых нами стран включает в себя законы о борьбе с коррупцией, нормы уголовных кодексов, кодексов об административных правонарушениях и других нормативных правовых актов, которые устанавливают ответственность за совершение подобного рода правонарушений. При этом законодательные нормы каждого из государства имеют свои особенности. Отличие проявляется в наличии или отсутствии полного перечня коррупционных правонарушений, дифференциации ответственности за их совершение, а также в видах наказаний. Таким образом, в данном контексте интерес представляет именно сравнительный анализ законодательства Украины и Республики Беларусь.

Для обеспечения максимальной эффективности правового регулирования каждая страна в своём законодательстве даёт определение понятия «коррупция». Так, например, 1 июля 2011 года Верховной Радой Украины был принят Закон Украины «О предотвращении и противодействии коррупции», который положил начало ряду изменений в антикоррупционном законодательстве Украины. При этом статья 1 Закона предусматривает, что коррупция — это использование лицом предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей в целях получения неправомерной выгоды, что проявляется: 1) в обещании (предложении), а также в принятии обещания/предложения такой выгоды для себя или других лиц; 2) предоставлении неправомерной выгоды лицу или по его требованию другим физическим (юридическим) лицам с целью склонить это лицо к противоправному использованию предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей [2].

Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», коррупцией признаётся умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом или иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряжённое: 1) с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц; 2) подкупом государственного должностного или приравненного к нему лица или иностранного должностного лица путём предоставления им имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества [4].

Из вышеобозначенного можно сделать вывод, что понятия коррупции в законодательстве исследуемых нами стран практически тождественны. У них единая смысловая нагрузка, которая сводится в основном к использованию служебных полномочий для получения незаконной выгоды вопреки интересам общества и государства.

При этом отметим, что в Украине и Республике Беларусь перечень коррупционных правонарушений несколько отличается. Например, в законодательстве Украины такой перечень чётко не определён, только в Законе Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно ответственности за коррупционные правонарушения» предоставлен список статей Кодекса Украины об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Украины, которые требуют изменения в связи с обновлением антикоррупционного законодательства.

Особенностью антикоррупционного законодательства Украины является то, что Кодекс Украины об административных правонарушениях содержит отдельную главу, касающуюся данной сферы, в то время как Уголовный кодекс Украины коррупционные правонарушения предусматривает в рамках преступления в сфере служебной и хозяйственной деятельности. Таким образом, отнесение определённых правонарушений к категории коррупционных отдаётся на усмотрение учёных и юристов-практиков [5, с. 37].

Согласно приложению совместного постановления Генеральной Прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь № 5/8/1/34/6 от 31 января 2011 года, к коррупционным преступлениям относятся: хищение путём злоупотребления служебными полномочиями — статья 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК); легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретённых преступным путём, совершённая должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, — части вторая и третья статьи 235 УК; злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности — части вторая и третья статьи 424 УК; бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности — части вторая и третья статьи 425 УК; превышение власти или служебных полномочий,

совершённое с корыстной или иной личной заинтересованностью — части вторая и третья статьи 426 УК; незаконное участие в предпринимательской деятельности — статья 429 УК; получение взятки — статья 430 УК; дача взятки — статья 431 УК; посредничество во взяточничестве — статья 432 УК; злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершённые из корыстной или иной личной заинтересованности — статья 455 УК [6].

Таким образом, проанализировав меры направленные на предотвращение и противодействие коррупции, можно сделать вывод, что они довольно сходны между собой во всех исследуемых странах, за исключением некоторых аспектов, являющихся особенностями антикоррупционной политики и политического устройства.

Особенностью украинской антикоррупционной системы является функционирование государственного реестра лиц, совершивших коррупционные правонарушения. Согласно Закону Украины «О предотвращении и противодействии коррупции», Министерством юстиции Украины осуществляется ведение реестра лиц, совершивших коррупционные правонарушения [2].

Законодательство Украины выделяет такие виды ответственности за коррупционные правонарушения, как административная и уголовная, в то время как законодательство Республики Беларусь не имеет дифференциации ответственности за коррупционные деяния, а предусматривает исключительно уголовную ответственность. Кроме коррупционных правонарушений внутри государства существует транснациональная коррупционная преступность, организованная на разных уровнях. Исследователи из европейских стран настаивают на необходимости внедрение политических мер на оперативном уровне в дополнение к нормам национального законодательства [7].

Итак, имея общую основу для развития антикоррупционного законодательства, страны-члены СНГ по-разному формируют антикоррупционную политику и имеют разные подходы к установлению ответственности за коррупционные деяния. К сожалению, сегодня отсутствует единый механизм использования международных инструментов взаимной правовой помощи в ходе привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения, связанные с пересечением границы (экстрадиция преступников).

© Резник О. Н., 2015

Список цитируемых источников

1. Борьба с коррупцией в Восточной Европе и Центральной Азии: Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией (достижения и проблемы) / Организация экон. сотрудничества и развития. 2008. 123 с.
2. Про засади запобігання і протидії корупції [Електронний ресурс] : Закон України від 7 квітня 2011 р. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/32_06-17 (дата звертання: 18.02.2015).
3. Дронов Р. В. Противодействие организованной преступности и коррупции в рамках Содружества Независимых Государств (международно-правовые аспекты) // Общество. Среда обитания. Развитие. 2010. № 1. С. 16—21.
4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2006 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».
5. Банчук О. Запобігання і протидія корупції в органах місцевого самоврядування : практ. посіб. / Швейцар.-україн. проект «Підтримка децентралізації в Україні — DESPRO». Київ: Софія-А. 2012. 88 с.
6. Перечень коррупционных преступлений [Электронный ресурс] : постановление Генерал. Прокуратуры Респ. Беларусь, Ком. гос. контроля Респ. Беларусь, ОАЦ при Президенте Респ. Беларусь, Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь № 5/8/1/34/6 от 31.01.2011 г. URL: www.prokuratura.gov.by (дата обращения: 20.02.2015).
7. David J. Dickson. Cross border investigation and prosecution of bribery and corruption offences // ERA Forum. 2014. № 15. P. 51—68.

БЮДЖЕТНЫЕ СРЕДСТВА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Бюджетные средства являются предметом ряда преступных посягательств, что требует анализа понятия «бюджетные средства».

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, валовой внутренний продукт (далее — ВВП) за 9 месяцев 2014 года составил в текущих ценах 544,2 трлн р. По итогам 9 месяцев 2014 года доходы консолидированного бюджета составили 151,6 трлн р. Отношение доходов консолидированного бюджета к ВВП составило 27,9% ВВП. Расходы консолидированного бюджета в январе—сентябре 2014 года профинансированы в сумме 148,5 трлн р. Только расходы бюджета на национальную экономику составили в указанный период 23,8 трлн р., или 16% всех бюджетных расходов, а расходы местных бюджетов на жилищно-коммунальные услуги и жилищное строительство составили 2,2% ВВП [1].

В Беларуси государство играет главенствующую роль в экономике — более 70% ВВП сформировано предприятиями с государственной долей собственности [2]. Всё это свидетельствует о том, что перераспределение бюджетных средств занимает особое место в экономической жизни государства. Вместе с тем анализ практики показывает недостаточность деятельности по выявлению преступных посягательств на бюджетные средства, которые как уголовно-правовая категория не рассматриваются в нормах уголовного законодательства, что создаёт проблему для правоприменения.

В соответствии с частями второй и третьей статьи 215 Гражданского кодекса Республики Беларусь, республиканская собственность наряду с имуществом юридических лиц включает казну Республики Беларусь, а коммунальная собственность — казну административно-территориальных единиц. В свою очередь, казну Республики Беларусь составляют средства республиканского бюджета, золотовалютные резервы, объекты, находящиеся только в собственности государства и иное государственное имущество, не закреплённое за республиканскими юридическими лицами. Казну административно-территориальной единицы составляют: средства местного бюджета и иное коммунальное имущество, не закреплённое за коммунальными юридическими лицами.

Особое внимание следует уделить денежным средствам, а именно средствам республиканского бюджета и средствам местного бюджета, ведь именно эта часть казны в большей степени участвует в гражданском обороте и, следовательно, подвержена большим рискам в части противоправных посягательств. Посягательства на бюджетные средства совершаются, в частности, при хищении путём злоупотребления служебными полномочиями (статья 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК)), злоупотреблении властью или служебными полномочиями (статья 424 УК).

В соответствии с пунктом 9 Инструкции о порядке исполнения республиканского бюджета и бюджета государственного внебюджетного Фонда социальной защиты населения Республики Беларусь по доходам, утверждённой постановлением Министерства финансов Республики Беларусь, Правления Национального банка Республики Беларусь от 8 декабря 2005 года № 143/171, уплата (взыскание) платежей в бюджет осуществляется в безналичном порядке и наличными денежными средствами.

Целевое расходование бюджетных средств является основополагающим принципом структуры расходов соответствующего бюджета. Так, например, на основании статьи 14 Закона Республики Беларусь «О республиканском бюджете на 2015 год» (далее — Закон) средства, поступающие в бюджет 2015 года от вывозных таможенных пошлин в отношении сырой нефти, направляются на осуществление платежей в иностранной валюте по обслуживанию и погашению государственного долга. На основании части первой статьи 16 Закона средства, получаемые Министерством обороны Республики Беларусь от сдачи вторичных материальных ресурсов и драгоценных металлов, остаются в его распоряжении, а на основании части второй статьи 23 Закона средства местных бюджетов, помимо прочего, могут быть направлены на строительство (реконструкцию) жилых помещений для переселения граждан из сносимых жилых помещений.

Государственные финансовые средства аккумулированы на соответствующем едином казначейском счёте Главного государственного казначейства Министерства финансов Республики Беларусь, открытом в Национальном банке Республики Беларусь. Аналогичным образом открыты казначейские счета территориальных органов казначейства. С казначейских счетов осуществляется перечисление денежных средств соответствующим распорядителем бюджетных средств.

Главный распорядитель бюджетных средств: для республиканского бюджета — самостоятельный получатель средств из республиканского бюджета, определённый ведомственной бюджетной классификацией Республики Беларусь; для местного бюджета — государственный орган, орган местного самоуправления, бюджетное учреждение, определённые ведомственной классификацией соответствующего бюджета, имеющие право распределять бюджетные средства между подведомственными распорядителями и получателями бюджетных средств. Распорядитель бюджетных средств — государственный орган, орган местного самоуправления, имеющий право распределять бюджетные средства между подведомственными бюджетополучателями. Получатель бюджетных средств (бюджетополучатель) — бюджетное учреждение или иное юридическое лицо, имеющее право на получение средств из бюджета на основании действующего законодательства, решения соответствующего органа либо договора [3].

Финансирование бюджетных организаций осуществляется на основании бюджетной сметы. В соответствии с пунктом 15 Инструкции о порядке организации и осуществления исполнения республиканского бюджета, местных бюджетов, бюджета государственного внебюджетного Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь по расходам, утверждённой постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 27 июля 2011 года № 63, оплата обязательств получателей бюджетных средств перед поставщиками (подрядчиками, исполнителями) за товары (работы, услуги) осуществляется со счетов территориальных органов государственного казначейства на счета поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

В соответствии с пунктом 3 Инструкции о порядке оплаты бюджетных обязательств, принятых получателями бюджетных средств, и обязательств, принятых получателями средств бюджета государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения, утверждённой постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 29 июня 2000 года № 66 (далее — Инструкция № 66), оплата бюджетных обязательств получателей бюджетных средств осуществляется со счетов главных управлений Министерства финансов по областям и Минску (далее — счета органов государственного казначейства) на текущий (расчётный) банковский счёт поставщика (подрядчика, исполнителя) либо на текущий (расчётный) банковский счёт балансовой группы 36 «Бюджетные и иные государственные средства». В соответствии с пунктом 14 Инструкции № 66 расчёты с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) осуществляются по факту поставки товара (работ, услуг), за исключением некоторых случаев, установленных законодательством (например, при оплате расходов по проведению программ и мероприятий, осуществляемых за рубежом и др.). В последующем получатель бюджетных средств в установленном порядке обязан предоставить в орган государственного казначейства сведения об использовании бюджетных средств с приложением подтверждающих документов. В случае перечисления предварительной оплаты (авансов) окончательные расчёты по договору осуществляются с учётом произведённой предоплаты и (или) авансов после передачи товара, сдачи выполненных работ, оказанных услуг, подтверждаемых первичными учётными документами. Если получателем бюджетных средств на основании соответствующего договора является нерезидент Республики Беларусь, может осуществляться предварительная оплата (перечисление аванса) в пределах контрактной цены.

Таким образом, посягательство на средства республиканского и местного бюджетов может иметь форму посягательства на денежные средства определённых юридических лиц (банков, их контрагентов, поставщиков и др.).

Следует отметить, что режим уголовно-правовой охраны бюджетных средств независимо от счёта, на котором они аккумулированы, одинаков, так как имущество — денежные средства соответствующих бюджетов — находится во владении соответствующего юридического лица (например, ОАО «АСБ Беларусбанк», ЗАО «Банк ВТБ» и др.). Национальный банк Республики Беларусь имеет структурные подразделения (например, Главное управление по Брестской области) и в соответствии со статьёй 25 Банковского кодекса Республики Беларусь также является юридическим лицом. На основании пункта 12 Устава Национального банка, утверждённого Указом Президента

Республики Беларусь от 13 июня 2001 года № 320, Национальный банк Республики Беларусь выступает в роли финансового агента Правительства Республики Беларусь и местных исполнительных и распорядительных органов по вопросам исполнения республиканского и местного бюджетов (в частности, осуществляет расчётное и (или) кассовое обслуживание Министерства финансов (Главного государственного казначейства)) и выполняет иные функции государственной важности.

Бюджетные средства как уголовно-правовая категория представляют собой денежные средства, которые могут быть аккумулированы на следующих счетах: 1) казначейских счетах органов государственного казначейства (счёт Главного финансового казначейства Министерства финансов Республики Беларусь и счета территориальных органов казначейства); 2) расчётных счетах субъектов экономической деятельности — получателей бюджетных средств (открыты в соответствующих банках) — счетах, на которые поступают денежные средства в рамках бюджетного финансирования (смет) или на основании соответствующих договоров.

© Резюк В. И., 2015

Список цитируемых источников

1. О социально-экономическом положении Республики Беларусь и состоянии государственных финансов [Электронный ресурс] : аналит. докл., янв.—сент. 2014 г. // М-во финансов Респ. Беларусь : [сайт]. URL: http://www.minfin.gov.by/budgetary_policy/analytical_reports/2014/ (дата обращения: 23.02.2015).

2. Инвестиционный потенциал Беларуси [Электронный ресурс] // Посольство Респ. Беларусь в Китайской Нар. Респ. : [сайт]. URL: http://china.mfa.gov.by/ru/belarus/economy_business/business_opportunities/open_investors/ (дата обращения: 20.02.2015).

3. Абрамчик Л. Я. Финансовое право Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://ebooks.grsu.by/fin_pravo/8-2-uchastniki-byudzhetnogo-protsesssa-i-ikh-polnomochiya.htm (дата обращения: 22.02.2015).

УДК 343.611.1

А. Н. Русак

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА НАЧАЛА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Определение момента начала уголовно-правовой охраны жизни имеет принципиально важное значение для отграничения преступлений от непроступных деяний. Отсутствие чётких критериев момента начала жизни в Уголовном кодексе Республики Беларусь порождает споры на доктринальном уровне. В статье рассмотрены существующие в юридической литературе подходы к решению данной проблемы.

В настоящее время отечественной юридической наукой не выработано единого мнения относительно определения момента начала уголовно-правовой охраны жизни человека, что порождает множество проблем, связанных с обеспечением и защитой основных прав и свобод личности, а также сложности при квалификации отдельных преступлений в рамках уголовного права. Очевидно, это обусловлено тем, что рождение человека, с которым все авторы связывают начало жизни, представляет собой не одномоментный акт, а длительный процесс, каждый отрезок времени которого можно расценивать как свидетельство появления и начала человеческого существования.

На доктринальном уровне существует несколько точек зрения относительно определения момента возникновения права на жизнь, каждая из которых имеет свои критерии. Так, по мнению А. Н. Попова, «человеческая жизнь начинается практически с момента зачатия <...> и уголовно-правовая охрана

жизни человека должна начинаться задолго до рождения ребёнка. Во всяком случае, уголовно-правовая охрана жизни должна осуществляться с того момента, как ребёнок готов к продолжению жизни вне утробы матери» [1, с. 27]. По мнению Г. Б. Романовского, отрицание человеческого статуса у эмбриона приводит к безграничности возможных манипуляций над ним, когда происходит нивелирование личности в человечестве в целом [2, с. 77].

Некоторые учёные связывают момент начала жизни с первым вздохом новорождённого и наступлением дыхания. Последователи данной точки зрения утверждают, что если преступление было направлено против ещё не родившегося ребёнка (плода), то это деяние должно рассматриваться как аборт. В качестве критериев определения момента возникновения права на жизнь М. Д. Шаргородский называл начало дыхания и отделение пуповины [3, с. 59]. Поддерживая данную позицию, Т. Н. Нуркаева полагает, что пока ребёнок не подал признаков жизни, свидетельствующих о возможности его самостоятельного существования вне утробы матери, нельзя однозначно сказать, что всегда рождается живой ребёнок [4, с. 103—104].

Придерживаясь таких же взглядов, А. Н. Красиков утверждает, что начальным моментом жизни человека является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма беременной, т. е. когда плод отделился от утробы роженицы и начал дышать. При этом особое внимание он уделяет признаку живорождённости, которым обязательно должен обладать новорождённый [5, с. 9—10]. В свою очередь С. А. Бояров предлагает начальным моментом жизни человека считать момент появления из организма роженицы части тела младенца, имеющего сердцебиение. Аргументируя своё мнение, автор отмечает, что в утробе матери у плода имеется плацентарное дыхание, которое в течение первых 24—48 часов после рождения переходит в лёгочное. Поэтому даже при полном отделении плода от матери наличие или отсутствие дыхания не всегда может определять первые моменты жизни [6, с. 58]. Однако мнение С. А. Боярова можно подвергнуть сомнению, если говорить о необходимости установления универсального понятия «момент начала жизни». Так, при обнаружении в помойном контейнере трупа ребёнка с признаками живорождённости отсутствует реальная возможность определить, имелось ли у него сердцебиение во время или после родов.

Отдельные современные белорусские учёные полагают, что началом жизни человека является момент «появления его на свет» [7, с. 63]. Их позиция основана на критериях живорождённости и мертворождённости, закреплённых в Инструкции об определении критериев живорождения, мертворождения и перинатального периода, утверждённой приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 1993 года № 254. Очевидно, что при таком подходе значительно суживается область уголовно-правовой охраны жизни, кроме того, возникают проблемы с трактовкой диспозиции статьи 140 УК Республики Беларусь, поскольку невозможно во время родов или непосредственно после них определить наличие дыхания, а следовательно, и живорождённость плода.

Сторонники третьей точки зрения по вопросу определения момента возникновения права на жизнь предлагают вести отчёт начала жизни новорождённого не только с момента отделения плода от утробы матери и начала самостоятельной жизни, но и во время рождения ребёнка, не начавшего внеутробной жизни. В подтверждение этого учёными приводится пример нанесения смертельной раны в голову рождающемуся ребёнку ещё до момента начала дыхания [8, с. 286].

По нашему мнению, по вопросу определения момента начала жизни наиболее правильной представляется позиция С. В. Бородина и А. А. Пионтковского, которые предлагают моментом начала жизни считать начало физиологических родов [9, с. 216]. Такой подход отражает гуманистическую направленность современного законодательства и обеспечивает уголовно-правовую охрану жизни не только рождённого, но и рождающегося человека.

© Русак А. Н., 2015

Список цитируемых источников

1. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 465 с.

2. Романовский Г. Б. Юридическое определение момента возникновения права на жизнь // Государство и право. 2007. № 11. С. 71—78.
3. Шаргородский М. Д. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 655 с.
4. Нуркаева Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 254 с.
5. Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов : Полиграфист, 1996. 211 с.
6. Бояров С. А. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Рос. юстиция. 2005. № 3. С. 58—59.
7. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е. А. Авраменко [и др.] ; под ред. В. А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2012. 734 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А. В. Наумова. М. : Юристъ, 1996. 824 с.
9. Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 467 с.

УДК 343.2

И. В. Трафимчик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

УСЛОВИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Уголовная политика Республики Беларусь, развивающаяся в современных условиях в направлении гуманизации, предполагает допустимое в установленных пределах использование в правоприменительной практике института освобождения от уголовной ответственности. Наличие таких институтов закономерно и необходимо, в них проявляется экономия мер государственного принуждения, реализуются принципы справедливости дифференциации уголовной ответственности.

В настоящее время в уголовном законодательстве нашей страны прослеживается устойчивая тенденция к гуманизации закона и экономии уголовной репрессии. Подтверждением тому может служить расширение института освобождения от уголовной ответственности, которое произошло с принятием действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее — УК). Были введены новые виды такого освобождения, ранее не известные отечественному правоприменителю, среди которых — освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, предусмотренный статьёй 89 УК [1, с. 175]. Указанная норма закрепляет, что лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый преступлением вред [2].

Таким образом, применительно к статье 89 УК основанием освобождения от уголовной ответственности является примирение обвиняемого с потерпевшим. Условия для такого освобождения:

1) лицо обвиняется в совершении не представляющего большой общественной опасности преступления. Это значит, что принятие такого решения возможно как по делам публичного, так и частно-публичного обвинения, поскольку категория дел в законе не указана. Тем более, что почти все деяния, которые перечислены в части четвёртой статьи 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) и преследуются в частно-публичном порядке (за исключением части первой статьи 166 УК и части первой статьи 167 УК), относятся к менее тяжким преступлениям либо преступлениям, не представляющим большой общественной опасности;

2) менее тяжкое преступление, в котором обвиняется лицо, совершено им впервые. Лицами, впервые совершившими преступления, должны признаваться лишь те, кто совершил одно преступление впервые, т. е. не совершал других преступлений, либо ранее совершал, но судимость за

предыдущее преступление с них снята или погашена. Лица, совершившие несколько преступлений (реальная совокупность), за которые осуждаются впервые, не подпадают под действие статьи 89 УК;

3) в отношении лица вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Это условие позволяет принимать решение о прекращении производства по уголовному делу за примирением потерпевшего только с обвиняемым, а не с подозреваемым лицом. Доводы сторонников такого подхода сводятся к следующему: для принятия указанного решения необходимо определить окончательную квалификацию преступления, которая содержится лишь в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Между тем статья 250 УПК предусматривает возможность прекращения предварительного расследования в отношении обоих названных субъектов — как обвиняемого, так и подозреваемого;

4) преступлением причинён вред физическому лицу, т. е. в уголовном деле имеется потерпевший. Если же вред причинён юридическому лицу, то решение о прекращении производства по указанному основанию не может быть принято.

В научной литературе встречаются мнения о том, что прекращение производства в связи с примирением, как правило, невозможно по уголовным делам о так называемых двухобъектных преступлениях. Речь идёт о деяниях, основным объектом которых является не человек, а определённые государственные или общественные отношения, обуславливающие принадлежность преступления к тому или иному виду. Дополнительным же объектом таких преступлений могут быть различные охраняемые уголовным законом интересы потерпевшего, в частности, безопасность жизни или здоровья. При этом невозможно достичь примирения с субъектами публичных отношений, являющимися основным объектом охраны, например, с государством в лице тех или иных его органов. Не может быть таким субъектом примирения и прокурор (государственный обвинитель), хотя он и представляет публичные интересы государства. В уголовном судопроизводстве потерпевший и прокурор имеют различный правовой статус, поэтому последний не вправе принимать на себя роль потерпевшего.

И всё же, как полагает Л. Л. Зайцева, с такой категоричной позицией вряд ли можно согласиться, поскольку и в двухобъектных преступлениях возможно примирение сторон. Как известно, в теории уголовного права дополнительные непосредственные объекты преступления делятся на обязательные и факультативные. Так, при разбое (статья 207 УК) основным объектом выступают отношения собственности, дополнительным — здоровье человека; при заведомо ложном доносе (статья 400 УК) — установленный порядок отправления правосудия и неприкосновенность личности соответственно. При этом дополнительный объект является обязательным, поскольку посягательство на основной объект всегда осуществляется параллельно с посягательством на дополнительный объект.

В приведённых примерах, где дополнительный объект — интересы личности — является обязательным элементом состава преступления, всегда имеется потерпевшее лицо. Следовательно, в этих случаях примирение сторон возможно и допустимо. Однако дополнительный объект преступления будет считаться факультативным, если деяние только в некоторых случаях может одновременно причинять ущерб и другим общественным отношениям. В частности, при изготовлении фальшивых денег в ряде случаев причиняется вред не только установленному порядку осуществления экономической деятельности (статья 221 УК), но и дополнительному объекту — имущественным правам отдельных граждан. Однако потерпевшими такие лица не признаются. Следовательно, примирение сторон по уголовным делам о преступлениях, где дополнительный объект является факультативным, действительно невозможно;

5) имеются доказательства, подтверждающие факт заглаживания обвиняемым причинённого преступлением вреда. Заглаживание вреда означает, что обвиняемый устранил наступившие негативные последствия своего деяния; возместил потерпевшему имущественный вред; компенсировал моральный вред; передал потерпевшему определённые вещи и ценности взамен утраченных; обеспечил ремонт автомобиля, пострадавшего в результате преступления; принёс извинения в форме, устраивающей потерпевшего, и т. д. Заглаживанием вреда является также предотвращение обвиняемым вредных последствий своего деяния или увеличения их размера; оплата необходимой медицинской помощи, реабилитации, санаторно-курортного лечения, лекарств и т. п.

Если соглашение между потерпевшим и обвиняемым по этому вопросу не достигнуто, примирение не может считаться состоявшимся. Важно, чтобы заглаживание вреда было добровольным и правомерным;

б) факт примирения потерпевшего с обвиняемым подтверждается устным или письменным волеизъявлением указанных лиц либо их законных представителей. В законе ничего не говорится о том, каким образом примирение должно быть оформлено и как должен называться документ, в котором этот факт зафиксирован. На практике это происходит путём заявления каждой стороной ходатайства о прекращении производства по делу в связи с примирением. В этом ходатайстве обвиняемый описывает свои действия, направленные на возмещение и заглаживание причинённого вреда, а потерпевший подтверждает этот факт, указывает об отсутствии требования о привлечении последнего к уголовной ответственности [3, с. 72—75].

Согласно части четвёртой статьи 30 УПК, прекращение производства по делу с освобождением от уголовной ответственности в связи с примирением не допускается, если обвиняемый или потерпевший против этого возражают [4]. Поэтому письменные ходатайства обеих сторон с просьбой о прекращении производства по делу будут лучшим подтверждением их согласия на принятие данного решения.

Отсутствие любого из перечисленных условий означает невозможность прекращения производства по уголовному делу, и оно должно быть продолжено в общем порядке. Однако при наличии всех этих условий принятие указанного решения согласно части первой статьи 30 УПК является правом прокурора или суда, т. е. их дискреционными полномочиями. Если примирение сторон по делам частного обвинения в обязательном порядке влечёт прекращение производства по делу (исключения оговорены в частях пятой и шестой статьи 26 УПК), то примирение по статье 89 УК должно происходить по усмотрению органов, ведущих уголовный процесс. Такой различный подход законодателя к решению однотипного вопроса вряд ли оправдан и вызывает справедливую критику со стороны многих учёных и практиков как в Беларуси, так и в России.

Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением Л. Л. Зайцевой, что, если все эти условия соблюдены и каких-либо разумных, конкретных и правомерных аргументов против освобождения лица от уголовной ответственности не имеется, прекращение производства по делу является обязанностью органов, ведущих уголовный процесс [3, с. 75].

© Трафимчик И. В., 2015

Список цитируемых источников

1. Середа Р. А. К вопросу о понятии примирения в уголовном праве // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. ст. / редкол. : В. М. Хомич [и др.]. Минск, 2009. С. 175—182.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. ; текст по состоянию на 29 янв. 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

3. Зайцева Л. Л. Примирение с потерпевшим — альтернативный способ урегулирования уголовно-правового конфликта // Судовы весн. 2011. № 3. С. 71—77.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. ; текст по состоянию на 5 янв. 2015 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Несмотря на наметившуюся тенденцию либерализации уголовной политики, она не утратила своего репрессивного характера, так как лишение свободы остаётся одним из наиболее распространённых видов наказания. Сегодня стало очевидным, что для решения этой проблемы мер, связанных лишь с совершенствованием судебной практики, явно недостаточно. Прежде всего это касается расширения сферы применения институтов освобождения от уголовной ответственности.

Совершенствование законодательства в любой его отрасли — процесс непрерывный, в наибольшей степени это относится именно к системе мер уголовной ответственности. Можно сказать, что феномен системы мер уголовной ответственности заключается в её постоянном реформировании, когда общество осознаёт, что поставленные перед правосудием цели не достигаются.

Осознание неэффективности такого распространённого вида наказания, как лишение свободы, приводит к поиску альтернативных решений этого вопроса. Как показывает опыт европейских стран, применение суровых мер наказания не обеспечивает безопасности общества. Известный французский философ Мишель Фуко ярко и лаконично сформулировал отношение к наказанию на современном отрезке истории — «наказывать не строже, а лучше», и с этим утверждением весьма сложно не согласиться [1, с. 20].

Таким образом, одной из главных задач уголовной политики нашего государства следует признать дальнейшее развитие института освобождения от уголовной ответственности с целью расширения практики его применения. При этом, учитывая международный опыт, где в практику правоохранительной системы и судов достаточно прочно входят идеи примирительных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, вероятно, предпочтение в дальнейшем будет отдано освобождению от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, закреплённому в статье 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК).

Первоначальная редакция данной статьи, согласно которой лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, могло быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим, просуществовала достаточно долго, вплоть до принятия Закона Республики Беларусь от 15 июля 2009 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности», которым, с учётом наметившихся тенденций реформирования института освобождения от уголовной ответственности в целом, сформулирована новая редакция данной статьи. В соответствии с ней лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый преступлением вред.

Так законодатель, расширив сферу применения данного вида освобождения от уголовной ответственности, допустив его возможность и при совершении впервые менее тяжких преступлений, одновременно ужесточил условия его применения. Теперь недостаточно только примирения обвиняемого с потерпевшим, но требуется ещё и заглаживание виновным причинённого преступлением вреда [2, с. 27]. По сути, такое условие как бы реабилитирует принцип неотвратимости ответственности, предусмотренный в части четвёртой статьи 3 УК: виновный в совершении преступления должен претерпеть какие-то лишения или ограничения [3].

Таким образом, для освобождения от уголовной ответственности по статье 89 УК требуется наличие совокупности следующих условий: 1) совершённое преступление должно относиться к категории, не представляющей большой общественной опасности, либо быть менее тяжким и совершённым впервые; 2) примирение с потерпевшим; 3) лицо, совершившее преступление, должно загладить причинённый вред.

Однако даже при наличии указанных в законе условий, необходимых для прекращения уголовного дела за примирением, закон не обязал, а предоставил суду право прекратить производство.

Из этого следует вывод, что при рассмотрении дела и назначении наказания или освобождении от него суд должен исходить из принципа индивидуализации, т. е. учитывать конкретные обстоятельства содеянного, личность совершившего преступление, характер и размер нанесённого вреда, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

Следует отметить, что при желании потерпевшего примириться с обвиняемым, загладившим причинённый преступлением вред, суд обязан рассмотреть вопрос о возможности прекращения производства по делу в соответствии со статьёй 89 УК. При этом позиция государственного обвинителя по вопросу прекращения производства по делу за примирением с потерпевшим является лишь позицией одного из участников судебного разбирательства, которую суд должен учитывать наравне с мнением других участников при разрешении ходатайства потерпевшего о прекращении уголовного дела. При этом согласие государственного обвинителя на примирение не является отказом от обвинения, так как уголовное дело в этом случае прекращается по нереабилитирующему основанию.

Если в уголовном деле фигурируют несколько потерпевших, то для освобождения от уголовной ответственности обвиняемого в соответствии со статьёй 89 УК необходимо его примирение с каждым из них [4, с. 27—28].

Необходимо отметить, что расширение сферы действия нормы статьи 89 УК положительно повлияло на правоприменительную практику, позволило значительно чаще прекращать производство по делу в связи с примирением сторон. Вместе с тем такое основание не имеет достаточно широкого распространения, хотя возможности использования его в механизме противодействия преступности, особенно бытовой, преступности несовершеннолетних, весьма значительные [5, с. 59].

Однако вопрос о совершенствовании данной нормы не завершается. Уже вносятся предложения о расширении сферы использования данного вида освобождения от уголовной ответственности по категориям преступлений, не исключая возможность его применения и за тяжкие преступления. Так, Р. А. Середа пришёл к выводу, что в рамках внедрения идей восстановительного правосудия в нашем уголовном законодательстве должно иметь место расширение круга составов преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности в порядке статьи 89 УК. По мнению автора, в этот круг необходимо включить как менее тяжкие преступления, так и отдельные составы, относящиеся к тяжким преступлениям [6, с. 124]. В настоящее время законодатель предусмотрел возможность применения указанной статьи за совершение менее тяжкого преступления при условии, что оно совершено впервые. Что же касается тяжких преступлений, то Э. Саркисова и Л. Кукреш считают, что такое предложение выглядит весьма проблематичным, поскольку существенно минимизируются наиболее совершенные формы разрешения уголовного дела и использование при этом мер уголовной ответственности. Они отмечают, что автор видит положительный результат подобного использования примирения, в частности, в снижении количества осуждённых к лишению свободы. Однако, помимо этого наказания, закон предусматривает и другие виды наказания, при этом не связанные с лишением свободы, а также иные меры уголовной ответственности, применение которых не исключается и при совершении тяжких преступлений. В тех же случаях, когда закон не допускает альтернативные виды наказания за такие преступления, то вряд ли было бы вообще справедливым признавать альтернативой лишению свободы освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим [2, с. 27—28].

Таким образом, существует ряд противоречивых точек зрения по поводу того, стоит ли и в дальнейшем расширять сферу применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Представляется, что существует необходимость дальнейшего изучения и развития данного института в целях внедрения в республике восстановительного правосудия.

© Трафимчик И. В., 2015

Список цитируемых источников

1. Ракитский В. О перспективах совершенствования в Республике Беларусь системы мер уголовной ответственности // Судовы весн. 2008. № 3. С. 20—23.

2. Кукреш Л., Саркисова Э. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект // Юстыцыя Беларусі. 2012. № 3. С. 26—30.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. ; текст по состоянию на 29 янв. 2015 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

4. Кременевская С., Стельмашук Ю. Об освобождении от уголовной ответственности и наказания по ст. 83, 86—89 Уголовного кодекса Республики Беларусь // Юстыцыя Беларусі. 2010. № 6. С. 25—29.

5. Петрова В. Прекращение производства по уголовному делу в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим и восстановительное правосудие // Судовы весн. 2010. № 3. С. 57—61.

6. Середа Р. А. Альтернативы уголовному преследованию в зарубежных странах и возможность их применения в Республике Беларусь // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2009. № 1. С. 121—124.

УДК 343.9.01

Н. М. Чечет

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ДЕФИНИЦИЯ КОРЫСТНЫХ ПОБУЖДЕНИЙ В БЕЛОРУССКОМ И РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рассмотрена корысть как мотив, проведён сравнительный анализ действующего белорусского и российского законодательства в части корыстной мотивации, обоснована необходимость внедрения в Уголовный кодекс Российской Федерации дефиниции «корыстные побуждения».

Корыстная преступность наиболее распространённый криминальный феномен в мире. Так, например, её доля в странах с развитой экономикой составляет порядка 80% (Германия), а в развивающихся странах она находится на уровне 60% (Беларусь, Украина) от общего числа зарегистрированной преступности.

Обыденное понимание корыстной преступности не представляет особой сложности: это противоправные деяния, совершенные с целью получить материальную выгоду, пользу. Основой соответствующего понятия являются категории «корысть» и «корыстная мотивация». Здесь корысть понимается как «страсть к приобретению, к поживе, жадность к деньгам, к богатству, любостяжание, падкость на барыш, выгода, польза, пожива, добыча или захваченное богатство» [1, с. 171]. «Корыстная мотивация» синонимична «корыстным побуждениям».

Основное значение для данной работы имела материалистическая диалектика. Посредством использования данной методологии автор, путём осмысления «корысти» как мотива и анализа действующего белорусского и российского уголовного законодательства, смог разработать собственное представление о «корыстных побуждениях». В ходе исследования были использованы методы формально-логического анализа, сравнительный и специально-правовые методы познания, позволяющие определить дефиницию «корыстных побуждений».

В уголовном законодательстве Республики Беларусь под корыстными побуждениями понимаются мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершённого преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат [2].

В российском же уголовном законе отсутствует дефиниция корысти как мотива. Только в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» даются разъяснения касательно корыстных побуждений. Под ними понимаются побуждения, направленные на получение материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или права на его получение, прав на жилплощадь и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнение имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.) [3].

Следует отметить, что указанные разъяснения носят доктринальный характер, поскольку решения Пленума Верховного суда Российской Федерации не являются законодательными актами, хотя и даются официальным государственным органом, полномочным давать такого рода разъяснения.

В статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) указывается на корыстные побуждения или корыстную заинтересованность (пункт «а» части первой статьи 104.1, пункт «з» части второй статьи 105, пункт «з» части второй статьи 126, части первая и вторая статьи 145.1, статьи 153—155, статья 170, часть первая статьи 181, часть третья 3 статьи 183, пункт «з» части второй статьи 206, часть первая статьи 215.2, часть первая статьи 215.3, часть вторая статьи 228.2, часть первая статьи 245, часть вторая статьи 272, часть вторая статьи 273, часть первая статьи 285, часть первая статьи 292, часть первая статьи 325, часть первая статьи 325.1 УК РФ) [4], однако чёткого определения в уголовном законе понятия «корыстные побуждения» российский законодатель не даёт. В связи с этим возникает вопрос: куда в УК Российской Федерации необходимо включить дефиницию «корыстные побуждения»? По нашему мнению, наиболее уместно расположить определение термина «корыстные побуждения» в примечаниях к статье 158 «Кража» УК РФ, поскольку именно кража традиционно правоведами относится к группе корыстных преступлений, и непосредственно в тайном хищении имущества раскрывается сущность корыстного мотива.

В ходе исследования посредством использования метода формально-логического анализа, сравнительного и специально-правовых методов научного познания были выявлены основные особенности термина «корыстные побуждения» и необходимость закрепления их дефиниции в нормах УК РФ.

В связи с вышеизложенным представляется возможным часть первую примечаний к статье 158 «Кража» УК РФ изложить в следующей редакции: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершённые из корыстных побуждений противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» и дополнить их частью 11: «11. Под корыстными побуждениями понимаются мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершённого преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат».

© Чечет Н. М., 2015

Список цитируемых источников

1. Даль В. Толковый словарь живого русского языка в 4 т. М. : Рус. яз., 1955 г. Т. 2.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс. Беларусь. Технология 3000».
3. О судебной практике по делам об убийстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс. Беларусь. Технология 3000».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят ГД ФС Рос. Федерации 24 мая 1996 г. № 63-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000».

ПРИЗНАКИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О СОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВА С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

В исследовании отражены вопросы, касающиеся понятия «особая жестокость», выявления её свойств, признаков и обстоятельств, определения особой жестокости как способа совершения преступления, изучения уголовно-правовой специфики состава убийства с особой жестокостью и выработки механизма разграничения его с иными составами преступлений, совершаемыми с особой жестокостью.

В уголовном законодательстве и теории уголовного права различных стран и времён убийству уделялось исключительное внимание. Это объясняется тем, что убийство является одним из наиболее опасных и тяжких преступлений против личности. Высокая степень общественной опасности убийств состоит в том, что объектом посягательства становятся не отдельные права и свободы человека, а само его физическое существование, сама человеческая жизнь. Утрата жизни необратима и невосполнима.

В статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах обращено внимание на неотъемлемость этого права, его охрану законом и недопустимость произвольного лишения жизни [1]. Конституция Республики Беларусь исходит из этих же положений, указывая в статье 24, что «каждый имеет право на жизнь» [2].

По официальным статистическим данным МВД Республики Беларусь, за 11 месяцев 2014 года зарегистрировано 396 убийств, 153 из них квалифицированы по части второй статьи 139 УК, по Брестской области — 15 случаев убийств при отягчающих обстоятельствах [3].

В соответствии с пунктом 6 части второй статьи 139 УК Республики Беларусь (далее — УК) одним из отягчающих обстоятельств убийства является особая жестокость [4].

Состав убийства, совершённого с особой жестокостью, обладает целым рядом особенностей. Главная из них заключается в том, что особая жестокость относится к оценочным понятиям. Избежать оценочных понятий в уголовном праве в принципе невозможно, однако применение их традиционно вызывает значительные сложности. Трудности квалификации убийства с особой жестокостью связаны, в частности, с определением критериев особой жестокости, которые позволяют правильно определять наличие или отсутствие её в каждом конкретном случае, а также необходимости составить примерный перечень обстоятельств, свидетельствующих о совершении убийства с особой жестокостью.

Многие исследователи при толковании понятия «особая жестокость» отсылают к толковым словарям русского языка. В частности, в словаре С. И. Ожегова жестокость раскрывается через понятие «жестокий», т. е. крайне суровый, безжалостный, беспощадный [5, с. 195]. Отличить «обыкновенную» жестокость от особой жестокости при убийстве не просто. Однако сделать это необходимо, потому что только наличие в деянии виновного особой жестокости образует состав квалифицированного убийства.

В специальной литературе отмечается, что отнесение того или иного деяния к «просто» или особо жестокому или вообще не жестокому зависит не только от оценок субъекта, но и от многих других факторов. Так, по мнению Ю. М. Антоняна, данное решение зависит от нравственно-психологической атмосферы в обществе, его ценностей, от уровня нравственности и представлений о добре и зле, пределах насилия в той социальной группе, к которой принадлежит то должностное лицо, которое должно дать на него ответ [6, с. 148]. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 года № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)» [7] понятие особой жестокости при квалификации убийства по пункту 6 части второй статьи 139 УК связывается как со способом лишения жизни, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявленной виновным такой жестокости [7].

Ещё одна сложность заключается в том, что такие обстоятельства никак не определены ни в законе, ни в вышеупомянутом постановлении. Следует пояснить, что это за обстоятельства и в чём именно может проявляться особая жестокость при убийстве. В доктрине уголовного права данная проблема решается неоднозначно.

По мнению некоторых авторов, особая жестокость при убийстве проявляется только в способе, а другие обстоятельства должны свидетельствовать о том, что виновный применил особо жестокий способ убийства. Так, по утверждению А. Н. Красикова, к признакам убийства с особой жестокостью относится только способ убийства, в частности, такие действия виновного, как нанесение множества ранений потерпевшему перед лишением жизни, применение пыток, истязаний, сожжение человека заживо и т. п. [8, с. 68].

Исследователь А. Игнатов пришёл к выводу, что особая жестокость может выражаться, во-первых, в способе, мучительном для потерпевшего, т. е. в причинении ему перед смертью особых физических или моральных страданий, а во-вторых, в причинении особых моральных страданий близким потерпевшего, на глазах которых совершается убийство [9, с. 11].

В свою очередь В. Г. Беляев и Н. М. Свидлов сделали вывод о том, что убийство с особой жестокостью — это чрезмерное убийство, выполняемое такими способами, приёмами, которые совершенно не требуются, излишни для лишения жизни человека [10, с. 26—27].

С точки зрения С. И. Тишкевича, особая жестокость может выражаться в трёх формах: 1) в причинении потерпевшему особых физических страданий; 2) в причинении особых моральных страданий жертве преступления или её близким; 3) в проявлении зверства, особой безжалостности и беспощадности при совершении убийства. Причём для наличия состава убийства с особой жестокостью достаточно одной из указанных форм проявления особой жестокости, но названные формы могут сочетаться в различных вариантах [11, с. 47].

Учёные А. П. Закалюк, В. Д. Жарый, В. С. Ковальский, Л. Н. Москалюк, А. В. Шаповалова выделяют 10 признаков и проявлений особой жестокости при совершении насильственных преступлений. Они дифференцируют признаки и проявления особой жестокости по разным элементам состава преступления.

К объективной стороне убийства с особой жестокостью, по мнению авторов исследования, относятся следующие признаки: 1) способ убийства (использование непосредственно до или в процессе его совершения пытки, истязания, мучения, термического, химического средства, мучительно действующих яда, кислоты и т. п.; прижизненное многократное нанесение ран и т. п.; отказ пощадить жертву; убийство подряд нескольких человек); 2) использование или создание специфической обстановки совершения преступления (в присутствии близких потерпевшего; в отношении потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии (малолетний, престарелый возраст, алкогольное опьянение)); 3) образ поведения виновного непосредственно после совершения деяния (воспрепятствование оказанию помощи; глумление над трупом, кроме случаев его уничтожения или расчленения с целью скрыть преступление).

К субъективным признакам убийства с особой жестокостью могут быть отнесены: исключительно бессердечное, безжалостное, беспощадное отношение к потерпевшему или его близким; мотив особо жестокого обращения в качестве самоцели; прямой умысел или косвенный на применение особой жестокости и т. п.

К признакам субъекта, совершившего убийство с особой жестокостью, по мнению авторов, должны быть отнесены психофизиологические и психологические особенности, которые проявляются в причинении потерпевшей (потерпевшему) особо сильных физических или психических страданий, определяемых чаще всего как садизм [12, с. 6—7].

Таким образом, имеется несколько подходов в трактовке обстоятельств, свидетельствующих о совершении убийства с особой жестокостью. Позиции авторов существенно различаются: одни утверждают, что о совершении убийства с особой жестокостью свидетельствует только способ убийства; другие считают, что, кроме способа, об особой жестокости должны свидетельствовать и иные обстоятельства субъективного свойства; третьи исходят из того, что кроме способа об особой жестокости могут свидетельствовать и другие объективные обстоятельства, однако перечень данных обстоятельств у многих авторов не совпадает; четвёртые относят к обстоятельствам, свидетельствующим о проявлении виновным особой жестокости, все возможные признаки, как субъективные, так и объективные, а также относящиеся к личности виновного лица, проявившиеся в содеянном.

Таким образом, проанализировав указанные точки зрения учёных, мы разделяем точку зрения автора книги «Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом» А. Н. Попова [13], который полагает, что о проявлении виновным особой жестокости могут свидетельствовать, прежде всего, обстоятельства, относящиеся к объективным признакам состава преступления, т. е. характеризующие совершённое преступление с внешней стороны [13]. Субъективное отношение виновного должно обязательно выясняться при квалификации совершённого преступления, но только на основе объективных признаков можно доказать, что преступление совершено с особой жестокостью.

© Шуленкова И. В., Скок О. И., 2015

Список цитируемых источников

1. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Организацией Объединённых Наций 16 дек. 1966 г. ; вступил в силу 23 марта 1976 г. // ООН : Права человека и борьба с преступностью : сб. междунар. док. Минск, 1990. С. 226—237.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с.
3. Официальный сайт МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=16881> (дата доступа: 12.02.2015).
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст кодекса по состоянию на 29 янв. 2015 г. // Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. 395 с.
6. Антонян Ю. М. Понятие особой жестокости и преступления с особой жестокостью // Социалист. законность. 1990. № 6. С. 53—55.
7. О судебной практике по делам об убийствах (ст. 139 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г. № 9. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
8. Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. 168 с.
9. Игнатов А. Квалификация умышленных убийств из хулиганских побуждений и с особой жестокостью // Совет. юстиция. 1975. № 18. С. 11—13.
10. Беляев В. Г., Свидлов Н. М. Вопросы квалификации убийств. Волгоград, 1984. 216 с.
11. Тишкевич С. И. Квалификация преступлений против жизни. Минск, 1991. 247 с.
12. Преступления, совершаемые с особой жестокостью (научный обзор результатов исследования) / А. П. Закалюк [и др.]. Киев, 1989. 125 с.
13. Попов А. Н. Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом. СПб, 2001. 212 с.